

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

2008

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

В. С. Меметов (главный редактор),
В. П. Раков (заместитель главного редактора), **В. В. Комиссаров**,
С. С. Садина, **В. В. Селезнев**,
Н. Г. Юркин (ответственный секретарь)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Факс: (4932) 32-66-00

E-mail:

memetov@ivanovo.ac.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *М. Б. Балябина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин*,

Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ,
2008

© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2008

Подписной индекс 60320

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation
of the Law on Mass Communication
and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *III № ФС 77-21093*)

2008

Quarterly

№ 2

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education –
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief **Valery S. Memetov**

Editorial Board:

Valery Rakov (Deputy Editor-in-Chief), **Vladimir Komissarov**,
Svetlana Sadina, **Vladimir Seleznev**,
Nikolay Yurkin (Secretary of the Board)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39
Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00
E-mail: memetov@ivanovo.ac.ru

Working team:

Director of the Publishing House
Lyudmila Mikheeva
Redactor *Marina Balyabina*
Technical Redactor *Irina Sibiriyova*
Computer Design *Nikolay Yurkin*,
Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2008
© Ivanovo State University, 2008

Subscription index 60320

Редакционный совет:

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **В. Т. Ермаков**, Институт российской истории РАН; **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **М. И. Кондрашова**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board:

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen University (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **V. T. Ermakov**, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **M. I. Kondrashova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии 7

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Кривопалова Н. Ю.* Теоретические проблемы истории российской интеллигенции в современной отечественной историографии 26
- Кохановский А. Г., Яновский О. А.* Самоопределение белорусской интеллигенции и эволюция ее национально-государственных идеалов: история, традиции и задачи историографии 46

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Интеллигенция бездонности: софийный маринизм В. А. Жуковского 68
- Соколова Е. С.* «Не честь, а почести любя...»: Размышления о социокультурном контексте сословного идеала А. С. Пушкина 83
- Дмитревская И. В.* О ноосферности пьес А. П. Чехова 89

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Беньямин В.* Автор как производитель (Перевод Д. А. Смирнова) 107

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Кныш Г. Н.* Дореволюционные российские университеты в историографическом процессе 134

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Шипилова Р. А.* Из опыта организации спецкурса «Интеллигенция и власть» 138
- Аннотации 142
- Информация для авторов 146
-

CONTENTS

TOPICAL PROBLEMS OF THE MODERN STUDY OF INTELLIGENTSIA

- Memetov V. S.** Towards some methodological approaches to the study of a notion “intelligentsia” in Russian historiography 7

TOWARDS THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Krivopalova N. Y.** Theoretical aspects of the history of the Russian intelligentsia in modern domestic historiography 26
- Kohanovsky A. G., Yanovsky O. A.** Self-determination of the Byelorussian intelligentsia and its nation-state ideals evolution: history, traditions and historiographic tasks 46

THE PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDY

- Okeansky V. P., Okeanskaya Zh. L.** The intelligentsia of the bottomlessness: Sophiology of the seascape depiction in Zhukovsky’s works 68
- Sokolova E. S.** Towards the sociocultural context of the Pushkin’s class ideal 83
- Dmitrevskaya I. V.** Noosphere as the central trend in Chekhov’s plays 89

FROM THE BACKLOGS

- Benjamin W.** Author as a producer (Translated by D. A. Smirnov) 107

REFERENCES AND REVIEWS

- Knish G. N.** Prerevolutionary Russian universities in the process of historiography 134

EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE MODERN INTELLIGENTSIA STUDY

- Shipilova R. A.** Towards the experience of the special course “Intelligentsia and Authority” organization 138
- Summaries 142
- Information for authors 146
-

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

В. С. Меметов

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ В ИЗУЧЕНИИ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Отметим, что понятие «интеллигенция» (от лат. *intelligens* — ум, разум, понимание, способность мыслить) было введено в оборот Цицероном, который понимал под интеллигенцией представителей образованной демократии; Гегель считал, что дух есть ближайшим образом интеллигенция. В русской литературе термин «интеллигенция» с самого появления в 1860-х годах нес в себе некоторую смысловую неопределенность. Сложилось, по меньшей мере, три толкования понятия «интеллигенция». В широком смысле под интеллигенцией понимаются, с одной стороны, лица любых социальных слоев и профессий, живущие интеллектуальными интересами и составляющие культурную среду общества, а с другой стороны — социальный слой, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством и получающим доход от этой деятельности. Наряду с широким пониманием термина «интеллигенция», получило признание и узкое его толкование, позволяющее говорить об интеллигенции как о специфически рус-

© Меметов В. С., 2008

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир», директор Межвузовского Центра по политологии, политической культуре и мировой политике и НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, заведующий кафедрой истории и культуры Ивановского государственного университета.

ском явлении, не имеющем аналогов в других европейских странах. В этом смысле интеллигенция именуется лишь как часть образованного слоя общества, берущая на себя роль выразителя интересов народа, претендующая на роль его духовного пастыря и представителя перед властью.

Возникновение и развитие интеллигенции в России как социально-профессионального слоя, как правило, связывается с расширением сферы умственного труда в результате утверждения и развития капитализма, особенно после реформ 1860—70-х годов (хотя и в XVIII — первой половине XIX в. известны лица, для которых занятие умственным трудом или творчеством было профессией и главным источником дохода, например Ф. С. Рокотов, Ф. Г. Волков, Т. Н. Грановский, А. В. Кольцов, В. Г. Белинский).

К интеллигенции периода модернизации относились инженеры, технологи, врачи, учителя, земские служащие, статистики, агрономы, профессора, адвокаты, редакторы, журналисты, художники, писатели и др.; по происхождению они принадлежали к различным сословиям — дворянству, мещанству, купечеству, крестьянству и пр. Государственных служащих обычно не принято относить к этой группе, их выделяют в особую социально-профессиональную категорию чиновничества.

К началу 1860-х годов в России насчитывалось около 20 тыс. человек с высшим образованием. По данным Всероссийской переписи населения 1897 года, численность лиц, занятых преимущественно умственным трудом, составляла 726 тыс. человек (около 2,7 % от самодеятельного населения страны). Из них около 369 тыс. человек находились на государственной или частной службе, в органах общественного самоуправления (в статистике эти виды служебной деятельности не разделялись); около 263 тыс. человек работали в области науки и культуры, из них в просвещении — около 170 тыс. человек, здравоохранении — около 36 тыс. человек. С конца XIX века происходил интенсивный приток женщин в сферу образования, медицины и культуры (доступ женщин к управлению производством до 1917 года был практически закрыт). К 1917 году численность интеллигенции в России удвоилась, составив свыше 1,5 млн человек.

Интеллигенция всегда была и остается неоднородной не только по своему социальному происхождению, но и материаль-

ному положению, культурному уровню, политическим воззрениям. В XIX — начале XX века часть интеллигенции занимала консервативно-монархические позиции (например, М. Н. Катков, М. О. Меньшиков, В. П. Мещерский). Либеральная интеллигенция (К. К. Арсеньев, М. М. Ковалевский, П. Н. Милуков и др.) считала, что совершенствования общества и облегчения положения народа нужно добиваться посредством постепенных реформ и нововведений, социалистически ориентированная интеллигенция (преобладала в народничестве) — путем революционных преобразований. Со временем интеллигенция все больше политизировалась, занимая скорее радикальные позиции и считая, что самодержавие мешало необходимым, с ее точки зрения, преобразованиям. С этой особенностью российской интеллигенции и связано третье понимание интеллигенции как критически настроенных интеллектуалов, которые находились в оппозиции к правительству и были близки к революционным идеям и движениям. Такое понимание интеллигенции ярко обозначилось в сборнике «Вехи» (1909; посл. изд. — 2007), появление которого было связано с осмыслением итогов революции 1905—1907 годов. Постепенно в общественном сознании в понятии «интеллигенция» происходило смещение с широкого объекта (социально-профессиональный слой) на более узкую его часть — активную в социальном и политическом отношении (при данной трактовке в ее состав включаются и профессиональные революционеры, например В. И. Ленин, В. М. Чернов, Г. В. Плеханов).

В русской литературе и публицистике конца XIX — начала XX века интеллигент был представлен в образе человека высокой умственной и этической культуры, чуждого духу буржуазности и мещанства, противостоявшего ретроградству. А слово «интеллигенция» уже в новом, переосмысленном, значении вернулось в европейские языки, где до сих пор употребляется в русифицированной форме. М. Вебер называл русскую интеллигенцию «последним великим интеллектуальным движением, не единым, но определенно несущим общую веру и в этом смысле принявшим вид религии»¹.

Генезис *советской интеллигенции* видится с осени 1917 года, когда значительная часть интеллигентов поддержала Советскую власть. Среди этой части интеллигенции был цвет нации — Брюсов, Блок, Вересаев, Тимирязев, Горький, Гиляровский, Маяков-

ский, Пильняк, а в первое время даже Куприн и Шаляпин с восторгом встретили «строительство нового мира» и восхищались энергией, умом, административными способностями и молодостью революционеров. Как пишет К. Б. Соколов, некоторые из них в смысле образованности были на голову выше современного доктора наук. «Ведь среди них находились не только Ворошилов, Буденный и Молотов, но также и Луначарский и Чичерин. А с ними работали Брюсов, Мейерхольд, Малевич, Шкловский, Немирович-Данченко, Станиславский и др.»². Различные группы работников умственного труда вместе с новым пополнением специалистов составили советскую интеллигенцию. Ленинская программа формирования социалистической интеллигенции включала в себя: привлечение на сторону советской власти и постепенное перевоспитание в духе социализма старых специалистов; выдвижение на руководящую государственную, партийную, военную и хозяйственную работу передовых рабочих и крестьян и создание условий для повышения их общекультурного и профессионального уровня; подготовку специалистов в средних специальных и высших учебных заведениях, которые надо было коренным образом перестроить в соответствии с социалистическими целями³.

Как верно подметил О. Ю. Олейник, понятия «российская» и «советская», применительно к «отечественной» культуре и интеллигенции, отражают, прежде всего, *разновременность* существования, и их *разнородность* не должна абсолютизироваться⁴. В. А. Куманев же подчеркивал, что «советская интеллигенция... наследница передовой общественной мысли, культурных достижений, накопленных за столетия. Она прошла вместе с народом нелегкий исторический путь...»⁵. Отличие советской и дореволюционной интеллигенции, пишет В. С. Волков, было «не столь радикальным, как это представлялось ранее, имела место известная преемственность в политических убеждениях и нравственных установках отдельных групп интеллигенции»⁶. «И российская, и советская интеллигенция, — замечает В. Т. Ермаков, — была, есть и будет многообразно противоречивой... в советскую эпоху сформировался тип именно массовой интеллигенции, который что-то “утратил” от дореволюционного типа, в том числе и положительное, а что-то “приобрел”, в том числе и негативное. От этого советская интеллигенция была не лучше, но и не хуже до-

революционной. Она просто была иной»⁷. По мнению М. М. Горина, стремление противопоставить «российскую» и «советскую» интеллигенцию в ряде публикаций в известной мере было стимулировано проявлением «исторического экстремизма», который достаточно громко заявил о себе в начале 90-х годов. Подчас, вместо серьезного изучения реальных механизмов функционирования советского общества в 20—30-е годы, вся советская история объявлялась «трагической ошибкой»⁸.

Подчеркивая преемственность дореволюционных, советских и «постсоветских» поколений интеллигенции, В. Т. Ермаков замечал, что неверно утверждать, что за годы советской власти была уничтожена вся дореволюционная российская интеллигенция и что советская интеллигенция в сравнении с ней переродилась и утратила высокие морально-нравственные, профессиональные и гражданские качества⁹. Аналогичной точки зрения придерживался и Г. Г. Халиулин, замечавший, что «под советской интеллигенцией мы имеем в виду отечественную интеллигенцию послеоктябрьского периода»¹⁰.

О. Ю. Олейник делает вывод, что «советская интеллигенция — это феномен реально существовавшего многонационального объединения интеллигенции в конкретно-исторический период развития нашего общества, очерченного границами СССР... Советская интеллигенция была преемницей дореволюционной российской интеллигенции, а современная российская — советской. О них можно говорить как о различных поколениях одной отечественной интеллигенции. Дело здесь не в государственных границах и не в политическом строе, а в конкретно-исторических условиях существования культуры и, соответственно, интеллигенции»¹¹.

Интеллигенция России традиционно была не столько «антибюрократична», сколько «антиправительственна». В ее среде, как свидетельствует исторический опыт, всегда была тяга к власти. А водораздел между интеллигенцией и бюрократией скорее проходил на личном уровне, нежели на социально-профессиональном¹². В этой связи И. В. Сибиряков замечает, что «рожденная при активном участии государства, находящаяся под его постоянной, плотной опекой, интеллигенция изначально стремилась найти особую, самостоятельную, нравственно оправданную позицию в своих сложных и запутанных отношениях с властью»¹³.

По мнению А. В. Квакина, распространившийся еще в XIX веке взгляд на интеллигенцию как на исключительно оппозиционную силу и на ее противостояние власти как на один из основополагающих признаков интеллигента является необоснованным. «В процессе своего развития, — считает он, — любая социальная группа создает собственную интеллигенцию, представляющую из себя интеллектуальный слой данной группы». Кроме этого, в анализе истории интеллигенции есть резон учитывать и концепцию «смены элит». В ходе революций и Гражданской войны на смену аристократической элите, формировавшейся, преимущественно, по наследственному признаку, вместе с большевиками «под флагом социализма и мировой пролетарской революции пришла бюрократическая элита, выдвигаемая по кастовому признаку»¹⁴.

После Октябрьской революции 1917 года большевики, придя к власти, увидели в интеллигенции, которую прежде называли «генеральным штабом революции», лишь попутчика, который не заслуживает доверия, так как не имеет «классовых признаков» и по этой причине отражает интересы различных классов — крестьянства и пролетариата (революционная интеллигенция) или буржуазии (буржуазная интеллигенция).

Многие представители интеллигенции эмигрировали (Ф. И. Шаляпин, С. В. Рахманинов, И. Ф. Стравинский, И. И. Бунин, А. П. Павлова, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, В. Ф. Ходасевич, М. И. Цветаева и др.). Ряд видных философов, экономистов, публицистов в 1922 году советским правительством, опасавшимся оживления политической активности интеллигенции в связи с новой экономической политикой, был выслан за границу на двух знаменитых «философских пароходах» или в отдаленные губернии. Некоторые интеллигенты продолжали работать в Советской России, оставаясь над схваткой в политическом отношении (В. И. Вернадский, И. П. Павлов, К. Э. Циолковский, Н. Е. Жуковский, И. М. Губкин, К. А. Тимирязев, Д. К. Чернов и др.). К концу 1920-х годов представители дореволюционной интеллигенции составляли около 60 % сотрудников высшей школы и научных учреждений, 80 % квалифицированных специалистов, занимавших руководящие должности в промышленности.

Первоначально власть поддерживала ученых-специалистов тех отраслей, которые были необходимы «для социалистического строительства». Постепенно советское и партийное руководство стало проводить в отношении «старой» интеллигенции политику репрессий и давления с целью подчинить ее идеологическому контролю («Шахтинское дело» 1928 г., Академическое дело 1929—1931 гг., дело Промпартии 1930 г.). Вместе с тем для замены «старой» интеллигенции власть проводила политику воспитания «новой» интеллигенции, преданной идеалам социализма, которая стала бы проводником марксистских взглядов во всех сферах общественной жизни (ученых-марксистов готовили в специально созданных учебных заведениях — коммунистических университетах, Институте Красной Профессуры, Коммунистической академии и др.). Особое внимание уделялось выдвижению на руководящие должности выходцев из пролетариата. В первой половине 1930-х годов вместо многочисленных, разнообразных по художественному стилю и направлению литературно-художественных организаций были созданы фактически подконтрольные власти союзы творческой интеллигенции. Значительные потери понесла интеллигенция в ходе репрессий 1930—40-х годов, в т. ч. в результате «большого террора». Тогда была уничтожена и часть старой большевистской партийной интеллигенции (еще раньше, в 1918 — начале 1920-х годов репрессированы меньшевики и эсеры, ставшие политическими противниками большевиков). К концу 1930-х годов в целом сформировалась новая советская интеллигенция, большинство представителей которой разделяло идеалы социализма. В официальной статистике она отождествлялась, главным образом, со служащими и специалистами. Вместе с тем в обществе примерно в это же время возродилось понимание интеллигента как человека, для которого идеалом являются высшие, нематериальные, ценности (в условиях политической несвободы — главным образом культурные)¹⁵.

В ходе массовых репрессий старая большевистская элита (партийная интеллигенция) как источник антисталинского сопротивления была уничтожена физически. С. А. Кислицын высказывает мнение, что в течение 20—30-х годов произошла определенная трансформация большевистской партийной интеллигенции «из интеллектуального центра партии в номенклатурную элиту, а затем

перерождение в ходе междоусобной борьбы в партийную государственную бюрократию, в новый класс управляющих обществом»¹⁶.

При этом В. С. Волков уточняет, что «если в первые годы Советской власти главным носителем бюрократизма было чиновничество, то с конца 20-х годов, когда аппарат был в значительной мере “орабочен”, им становятся бывшие выдвиженцы»¹⁷. По его мнению, в 20—30-е годы была упущена реальная возможность создания «российской модели гуманного демократического социализма, в том числе и по вине групп интеллигенции»¹⁸.

Процесс формирования советской интеллигенции шел двумя путями: на основе привлечения старых специалистов к сотрудничеству с новой властью и путем форсированной подготовки кадров из рабоче-крестьянской молодежи. Особое внимание уделялось выдвиженчеству. По мнению С. А. Федюкина, выдвиженцы были лишь «кандидатами в интеллигенцию», так как не могло быть чудесного преображения «из Савла в Павла». Лишь немногие, кто всерьез брались за учебу, выросли в дальнейшем именно из этой среды¹⁹.

С. А. Федюкин первоначально считал, что уже в годы первой пятилетки «в основном завершился процесс перехода старых специалистов на позиции безоговорочной идейной поддержки советской власти»²⁰. С этой точкой зрения не согласился В. Т. Ермаков, который заметил, что следует отличать профессиональное сотрудничество старой интеллигенции с социалистическим государством от ее перехода на позиции социализма. Он отметил, что в период первой пятилетки был завершен процесс привлечения старой интеллигенции к профессиональному сотрудничеству с советской властью. Процесс же перехода ее на позиции советской власти завершился лишь во второй половине 30-х годов²¹. Эту точку зрения поддержали и приняли Ю. С. Борисов, В. Р. Веселов, В. С. Волков, М. Е. Главацкий, Л. М. Зак, В. Л. Соскин, Г. Г. Халиулин, В. Г. Чуфаров и другие исследователи, в том числе и сам С. А. Федюкин.

По мнению С. А. Красильникова, уже к середине 1930-х годов интеллектуальный потенциал страны стал действительно иным и по облику, и по ценностным ориентациям²². В. Г. Чуфаров признает более низкий культурный уровень нового поколения интеллигенции, но при этом отмечает, что «в СССР к

концу 30-х годов наблюдался очень высокий интерес к художественной литературе, к театрам и кино, причем успехом пользовались не только произведения советских художников, но и классиков русского и мирового искусства. И не вина, а беда новых советских интеллигентов заключалась в том, что они были лишены возможности пользоваться многими трудами российских и зарубежных мыслителей, ученых, писателей...»²³.

В. Л. Соскин считает, что на протяжении 20—30-х годов у нас была осуществлена «огромная по масштабам и трагическая по значению операция подмены одного слоя интеллигенции другим. Разумеется, полного, всеобщего уничтожения интеллигенции или искажения ее облика не произошло. Но сущность ее как особого слоя — носителя свободомыслия — была решающим образом подорвана»²⁴.

По мнению Л. П. Сверчковой, интеллигенция испытывала со стороны командной системы управления тройной диктат — экономический, политический, идеологический, — постепенно превращалась из субъекта творчества в объект управления²⁵. Творческий процесс в СССР был жестко формализован и очерчен официальными постановлениями. И тем не менее, трагичность советской эпохи в сочетании с романтическим пафосом созидания нового строя и оптимистическими надеждами на лучшее будущее порождали поразительный эффект профессионального подвижничества и плодотворного напряжения творческих сил интеллигенции²⁶.

В послереволюционные годы и вплоть до середины 30-х годов интеллигенция отождествлялась со служащими и специалистами. Объектом исследования выступала интеллигенция в целом, без членения ее по профессиональным отрядам. Слова Сталина, произнесенные им на XVIII съезде ВКП (б), стали определяющими при рассмотрении содержания понятия «советская интеллигенция»: «...интеллигенция за период своего развития успела измениться в корне, как по своему составу, так и по своему положению, сближаясь с народом и честно сотрудничая с ним... Наряду с этим шел бурный процесс формирования, мобилизации и собирания сил новой интеллигенции. Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции пошли в вузы и техникумы... Они влили в

интеллигенцию новую кровь и оживили ее по-новому, по-советски. Они в корне изменили весь облик интеллигенции, по образу своему и подобию. Остатки старой интеллигенции оказались растворенными в недрах новой, советской, народной интеллигенции. Создалась, таким образом, новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой»²⁷.

В 40-е годы основное внимание авторов было сосредоточено на характеристике социального статуса и значения интеллигенции в социалистическом обществе, а также ее месте и роли в Великой Отечественной войне²⁸. Подчеркивалось, что без нее социалистическое государство как государство нового типа не могло бы успешно выполнять свои функции, делался вывод, что в стране сложился «прочный и равноправный союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции» и грани различия между ними все более стирались.

В 50-е годы появляются первые диссертационные исследования по истории и философии, затрагивающие историю и деятельность советской интеллигенции²⁹. На уровне диссертационных работ разворачиваются исследования различных профессиональных групп интеллигенции. По подсчетам М. Е. Главацкого, только в 1950—1955 годах было защищено 25 диссертаций по проблемам интеллигенции³⁰.

С середины 1950-х годов, в связи с началом политической оттепели, в среде советской интеллигенции возникло движение диссидентов. В период развертывания НТР интеллигенция являлась самым быстрорастущим слоем советского общества, численность специалистов, занятых в народном хозяйстве СССР в 1960—1985 годах, выросла с 8,8 млн до 33,5 млн человек.

Во всех опубликованных работах подчеркивалось, что интеллигенция — это классовая прослойка, которая, тем не менее, является равноправным членом социалистического общества.

В 60-е годы разворачиваются споры о принципах и критериях типологии интеллигенции. Выделяются «функциональный» и «социально-исторический» подходы к ее изучению. В большей части работ интеллигенция продолжает рассматриваться в тесной связи со служащими, хотя традиционный тезис «большинство служащих — интеллигенты» был видоизменен на «всякий интел-

лигент — служащий, но не наоборот»³¹. Рассматривая внутреннюю структуру интеллигенции, Л. К. Ерман предложил схему ее деления на три основных профессиональных слоя: 1) работники умственного труда, занятые в сфере материального производства; 2) работающие в сфере культуры; 3) служащие в госаппарате³².

Однако методологические поиски были затруднены. Если же кто-либо из исследователей пытался определить специфические черты интеллигенции в их развитии и включить в само понятие «интеллигенция» этические и психологические компоненты, то ему тотчас инкриминировалось... игнорирование «классового подхода»³³. По сведениям В. Т. Ермакова, к середине 60-х годов насчитывалось более 70 диссертаций и издано свыше 60 работ, в которых рассматривались общие аспекты или отдельные стороны истории советской интеллигенции³⁴. Динамика изменения количества диссертационных исследований, посвященных интеллигенции, неуклонно росла. В 70-е годы было защищено около 490, а в 80-е годы — около 520 диссертаций³⁵. В. Л. Соскин считает, что история советской интеллигенции в качестве автономного направления начинает оформляться именно с 60-х годов³⁶. Самостоятельный этап в развитии советской историографии интеллигенции приходится на 70—80-е годы.

В это время окончательно утверждается мнение о необходимости замены выражения «прослойка» на более корректное «социальный слой». Однако была сохранена концепция «обслуживания интеллигенцией других классов». Согласно ей, отмечает В. С. Волков, советская интеллигенция трактовалась как новый социально-исторический тип интеллигенции, который «сознательно направляет свою профессиональную и общественную деятельность на служение коренным интересам рабочего класса, руководствуясь при этом идеями марксизма-ленинизма»³⁷.

В середине 1980-х годов, в период проводившейся М. С. Горбачевым политики перестройки советского общества и развития гласности, интеллигенция получила свободу самовыражения, это вызвало политико-мировоззренческий раскол в ее среде. Часть интеллигенции возглавила критику советского строя и идеологии, выработку новых идеологических и духовных ориентиров. Другая часть выступила с протестом против как демократических, так и либеральных преобразований. В современном

российском обществе интеллигенция продолжает оставаться разделенной на группы с различной мировоззренческой ориентацией.

До конца 80-х годов теория интеллигенции и методология ее изучения разрабатывались в русле марксистско-ленинской парадигмы научного знания и официальных пропагандистских установок. «Это, — отмечает О. Ю. Олейник, — в той или иной мере не могло не накладывать на исследования отпечаток содержательной ограниченности, конъюнктурной политизации и идеологической заданности. Однако взятый в целом массив работ по проблемам интеллигенции советского периода не оставляет впечатления однотонного и инертного; он никоим образом не может быть расценен лишь как некий “историографический пустоцвет”, лишенный научной ценности. В нем присутствует и разнообразие взглядов по многим вопросам, и определенная динамика развития»³⁸.

С период перестройки из-за смысловой неопределенности термина «интеллигенция» в научной литературе продолжались дискуссии о генезисе интеллигенции, времени ее возникновения, границах использования понятия. В спорах постоянно сталкивались различные критерии — социально-профессиональный и основанный на качественных характеристиках. Иногда термин «интеллигенция» использовался в отношении деятелей культуры ранних периодов русской истории (например, монашества). Часто в интеллигенцию включались образованные чиновники, которые были способны претворить в жизнь идеи модернизации страны, осуществляемой Петром I. Широкое распространение получил термин «крепостная интеллигенция» по отношению к крепостным крестьянам — актерам, художникам, архитекторам XVIII — первой половины XIX века³⁹.

В 1987 году в Москве в Издательстве политической литературы увидел свет словарь-справочник «Советская интеллигенция». В предисловии к этому изданию отмечалось, что «советская социалистическая интеллигенция — это принципиально новый социально-исторический тип интеллигенции, составная часть социально-классовой структуры общества»⁴⁰. Характеризуя ее как «социально-профессиональный слой трудящихся, профессионально занятых высококвалифицированным умственным трудом, направленным на служение коренным интересам социалистического общества», авторы словаря-справочника подчеркивали, что

советская интеллигенция «занимает равное положение с рабочими и крестьянами, сплочена с ними единой целью, единым мировоззрением, единым отношением к социалистической собственности. Новая советская интеллигенция представляет собой единую в социально-экономическом и идейно-политическом отношении группу... Ведущей тенденцией ее развития является тенденция выравнивания социального положения всех входящих в нее групп. Она является самым быстрорастущим слоем советского общества. Численность специалистов, занятых в народном хозяйстве СССР, выросла за 1960—1985 гг. с 8,8 до 33,5 млн»⁴¹.

К концу 80-х годов, в связи с изменениями в общественно-политической жизни страны, возросло стремление по-новому взглянуть на историческую судьбу интеллигенции, ее место и роль в истории. Научные публикации по данной проблематике были вытеснены публицистическими работами. В начале 90-х «эстафету» публицистов в поисках новых подходов к изучению истории интеллигенции приняли ученые. Этот период в жизни общества и его интеллигенции принято называть «постсоветским». Он был плодотворен с точки зрения теории и методологии исследования интеллигенции.

В 1992 году, решением Госкомвуза, на базе Ивановского государственного университета был организован Межвузовский Центр РФ «Политическая культура интеллигенции». За годы деятельности (с 1992 г.), в условиях разрыва экономических, политических, научных, культурных и других связей, Межвузовскому Центру удалось воссоздать в рамках России единое интеллектуальное пространство и начать разработку широкомасштабной проблемы изучения российской интеллигенции, ее прошлого, настоящего и перспектив будущего развития. На качественно новом уровне восстановлен Проблемный Совет, который теперь носит название «Интеллигенция. Культура. Власть». Решением Ученого Совета ИвГУ (в апреле 1998 г.) на базе МЦ создан НИИ интеллигентоведения. В его задачу входит: дальнейшая разработка новой теоретико-методологической парадигмы интеллигентоведения как самостоятельной отрасли научного знания, развитие и координация НИР по проблемам интеллигенции Российской Федерации. За период 1992—2007 годов МЦ и НИИ интеллигентоведения проведено 18 научных конференций, издано 6 межвузовских сборников научных трудов.

Ряд интересных, в теоретико-методологическом плане, тем, мыслей о месте и роли интеллигенции прозвучало в 90-е годы со страниц научных изданий. Несколько иную, «неофициальную» точку зрения о понятии «интеллигенция» высказал Д. С. Лихачев: «Интеллигенты — это не просто люди, занятые умственным трудом, имеющие знания или просто высшее образование, а воспитанные на основе своих знаний классической культуры, исполненные духом терпимости к чужим ценностям, уважения к другим. Это люди мягкие и ответственные за свои поступки, что иногда принимается за нерешительность. Интеллигента можно узнать по отсутствию в нем агрессивности, подозрительности, комплекса собственной неполноценности, по мягкости поведения»⁴². Академик М. Л. Гаспаров заметил: «Интеллигенция ощущает себя теми, кто профессионально заботится, чтобы человечество выжило как вид. Пока борьба с природой и познание природы были важнее, чем борьба за совершенствование общества, в усилиях интеллигенции не было нужды»⁴³.

Оригинальное видение интеллигента дал академик Н. Н. Моисеев. «Интеллигент, — по его мнению, — это всегда человек ищущий, не замыкающийся в рамках своей узкой профессии или чисто групповых интересов. Интеллигентному человеку свойственны размышления о судьбах своего народа в сопоставлении с общечеловеческими ценностями. Он способен выйти за узкие горизонты обывательской или профессиональной ограниченности...»⁴⁴ Удивительного в том, что точки зрения трех известнейших российских академиков о понятии «интеллигенция» разнятся — нет. Сама интеллигенция, как жизненная реальность, находится в постоянном развитии, поэтому содержание понятия «интеллигенция», отражающее эту реальность, все время обогащается новыми смыслами.

И. В. Кондаков, рассмотрев вопрос феноменологии культуры, подчеркнул, что «не подлежит никакому сомнению, что история русской культуры неразрывно связана с историей русской интеллигенции, которая выступала одновременно и ее носителем, и творцом, и теоретиком, и критиком, — фактически сама являлась сосредоточием, воплощением и смыслом русской культуры»⁴⁵. Принадлежность к интеллигенции в разные культурно-исторические эпохи была престижна по-своему, но исключительно

но в духовном и нравственном смысле: ни социально-политических, ни экономических, ни властных привилегий причастность к интеллигенции никогда не давала⁴⁶. В связи с этим, с пониманием была воспринята научной общественностью и мысль автора о том, что «отечественная интеллигенция как живой общественный организм прошла в своем развитии абсолютно все этапы, присущие человеческой цивилизации, — от зарождения, формирования общих и специфических черт, развития их, к активной творческой деятельности»⁴⁷. «От того, как мы датируем генезис русской интеллигенции, — замечал И. В. Кондаков, — зависит наше понимание того, что такое интеллигенция...»⁴⁸ Ю. С. Степанов обратил внимание на то, что в многочисленных определениях того, что такое «интеллигенция», постоянно сталкиваются два различных критерия — критерий моральный, критерий духовного облика, с одной стороны, и критерий социальный (профессия, классовое положение, имущественное положение и т. д.) — с другой⁴⁹.

Портрет российского интеллигента, нарисованный 30 лет назад философом-диссидентом В. Ф. Кормером, поразительно точно воспроизводит портрет современного интеллигента: «Интеллигенция сегодня стремится к обеспеченности, к благополучию и не видит уже ничего плохого в сытой жизни. Наоборот, она страдает, когда ее спокойствие и размеренный порядок бытия нарушаются. Своя квартира, возможность роста по службе, диссертация — вот необходимый минимум, без которого сегодняшний интеллигент не мыслит себе своего существования... Идеалом для него является жизнь его американского или европейского коллеги, свободного, хорошо оплачиваемого специалиста, который вынужден, правда, работать значительно напряженной, чем работает интеллигент здесь, в России...»⁵⁰

Советская интеллигенция, которую знали и к которой принадлежали донныне действующие поколения, отличалась определенными качествами, от сущности интеллигенции неотделимыми. Их было много, положительных и отрицательных, но было, во всяком случае, среди них одно, подчеркивает Г. С. Кнабе, «имеющее капитальную, принципиальную важность: материально-бытовая непритязательность, жизненная активность, измеряемая способностью обеспечить себе и семье достаточно средств для хотя бы минимального культурного досуга, но исключаящая

восприятие обогащения как цели и самодовлеющей ценности. При всех превратностях и поворотах судьбы, при всех ужасах, выпавших на русскую долю за последние сто лет, с 90-х годов прошлого века до 90-х годов нынешнего, возможность так существовать сохранялась. Она могла подрываться извне, в силу условий, но не обесценивалась, как внутренняя форма интеллигентного бытия. Сейчас она ушла или уходит, в н у т р е н н е обесценивается...»⁵¹.

Так и хочется поддержать призыв М. И. Кондрашовой взглянуть на советскую эпоху глазами не врага, но человека, любящего и понимающего тех людей 1920—50-х годов, которые тоже мечтали о свободной сильной державе и много делали для этого⁵².

Современная творческая молодежь получила уникальную возможность для самовыражения. Интернет подарил молодым людям ощущение свободы, раскрепостил их. За последние годы в русскоязычном секторе Интернета сформировалась своя музыка, литература, живопись. А совсем недавно появился термин «*интернет-интеллигенция*». При характеристике этого явления, считает И. В. Сибиряков, следует обратить внимание на несколько принципиальных моментов. Во-первых, интернет-интеллигенция — это малочисленная, замкнутая социальная группа, которая не стремится к расширению своих рядов. Во-вторых, она имеет сложную внутреннюю структуру, состоит из множества отдельных групп, каждая из которых развивается очень динамично и разнонаправленно. В-третьих, интернет-интеллигенция еще не выработала однозначного отношения к своим историческим предшественникам и слабо представляет себе свое ближайшее историческое будущее⁵³. Аналогичное мнение возникает и у меня после общения со студентами экономического факультета специальности «Прикладная информатика».

Примечания

¹ См.: Меметов В. С., Расторгуев В. Н. Интеллигенция // Большая российская энциклопедия. Т. 10. М., 2007.

² См.: Там же.

³ Советская интеллигенция: Слов.-справ. М., 1987. С. 4.

⁴ Олейник О. Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы: (Теоретико-методологический и историографический аспекты). Иваново, 1997. С. 60.

- ⁵ *Куманев В. А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции: (Очерки). М., 1991. С. 9.
- ⁶ *Волков В. С.* Идеино-политические позиции интеллигенции СССР в конце 30-х гг. // Российская интеллигенция: XX век: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., 23—24 февраля 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 34.
- ⁷ *Ермаков В. Т.* О современных подходах к изучению историографии российской и советской интеллигенции // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: Межвуз. респ. сб. науч. тр. Иваново, 1996. С. 44, 45.
- ⁸ *Горинов М. М.* Советская история 1920—30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996. С. 240.
- ⁹ *Ермаков В. Т.* Указ. соч. С. 43.
- ¹⁰ *Халиулин Г. Г.* Исторические пути советской интеллигенции // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1995. С. 11.
- ¹¹ *Олейник О. Ю.* Указ. соч. С. 66.
- ¹² Там же. С. 68.
- ¹³ *Сибиряков И. В.* Интеллигенция и власть: исторический опыт поиска нравственного компромисса // Интеллигенция и власть на пороге XXI века: Итоговые материалы регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1996. Вып. 3. С. 68.
- ¹⁴ *Квакин А. В.* Современные проблемы изучения истории интеллигенции // Проблемы методологии истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов. С. 8.
- ¹⁵ См.: Большая российская энциклопедия. Т. 10. М., 2007.
- ¹⁶ *Кислицын С. А.* Большевицкая партийная интеллигенция: эволюция и крах // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново, 1993. С. 374.
- ¹⁷ *Волков В. С.* Выдвиженчество в условиях становления административно-командной системы в СССР (20—30-е годы) // Российская интеллигенция: страницы истории: Межвуз. сб. науч. тр. СПб., 1992. С. 57.
- ¹⁸ *Волков В. С.* Интеллигенция и советская власть в первое послеоктябрьское десятилетие // Российская интеллигенция на историческом переломе: Первая треть XX века: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. СПб., 1996. С. 6.
- ¹⁹ *Федюкин С. А.* Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 22.
- ²⁰ Там же.

- ²¹ *Ермаков В. Т.* [Рецензия] // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 166—167. Рец. на кн.: Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.
- ²² *Красильников С. А.* Советская интеллигенция: новые подходы и оценки // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов. С. 24.
- ²³ *Чуфаров В. Г.* Старая дореволюционная и новая советская интеллигенция: Опыт сравнительного анализа // Российская интеллигенция: XX век. С. 150.
- ²⁴ *Соскин В. Л.* К оценке исторического опыта формирования советской интеллигенции // Интеллигенция в советском обществе: Межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 1993. С. 35.
- ²⁵ *Сверчкова Л. П.* Субъект духовного производства: методологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1989. С. 3.
- ²⁶ *Олейник О. Ю.* Указ. соч. С. 94.
- ²⁷ *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1947. С. 607—608.
- ²⁸ *Ковалев С. М.* Интеллигенция в советском государстве // Большевик. 1946. № 2; *Кафтанов С. В.* Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне // Большевик. 1944. № 5; и др.
- ²⁹ *Палехов В. Г.* Подготовка инженерно-технических кадров тяжелой промышленности в период второй пятилетки (1933—1937 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1950; *Добродский М. Е.* Народная социалистическая интеллигенция в советском государстве: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1951; *Рякин А. Н.* Советская интеллигенция в период постепенного перехода от социализма к коммунизму: Дис. ... канд. филос. наук. Л., 1950; и др.
- ³⁰ *Главацкий М. Е.* Историография формирования интеллигенции в СССР в переходный период. Свердловск, 1987. С. 21.
- ³¹ *Амелин П. П.* Интеллигенция и социализм. Л., 1970. С. 39—40; Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1953. Т. 18. С. 270; Классы, слои и группы в СССР. М., 1968. С. 136—137.
- ³² *Ерман Л. К.* Состав интеллигенции в России в конце XIX — начале XX в. // История СССР. 1961. № 1. С. 166; *Он же.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966.
- ³³ *Куманев В. А.* Указ. соч. С. 8.
- ³⁴ См.: Вопросы истории. 1966. № 8. С. 164.
- ³⁵ См.: *Меметов В. С., Олейник О. Ю., Олейник И. И.* Интеллигенция как объект исследования в диссертационных работах 1954—1994 годов: (Аналитический обзор) // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. С. 59.

- ³⁶ *Соскин В. Л.* О новых концептуальных подходах к изучению истории советской интеллигенции // Поиск новых подходов к изучению интеллигенции. С. 18.
- ³⁷ *Волков В. С.* Деятельность Коммунистической партии по формированию технической интеллигенции в период строительства социализма (1928—1937 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1976. С. 10.
- ³⁸ *Олейник О. Ю.* Указ. соч. С. 32.
- ³⁹ *Меметов В. С., Расторгуев В. Н.* Указ. соч.
- ⁴⁰ Советская интеллигенция: Слов.-справ. С. 3.
- ⁴¹ Там же. С. 169—171.
- ⁴² *Лихачев Д. С.* Агрессивность «бездуховности» // Лит. газета. 1990. 3 мая. С. 5.
- ⁴³ *Гаспаров М. Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 13.
- ⁴⁴ *Моисеев Н. Н.* Как далеко до завтрашнего дня: Свободные размышления, 1917—1993. М., 1994. С. 135.
- ⁴⁵ *Кондаков И. В.* К феноменологии русской культуры // Русская интеллигенция. История и судьба. С. 71.
- ⁴⁶ Там же. С. 72.
- ⁴⁷ *Меметов В. С.* К первым итогам становления «интеллигентоведения» как самостоятельной отрасли научного знания // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. С. 11.
- ⁴⁸ *Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 443.
- ⁴⁹ *Степанов Ю. С.* «Жрец» нарекись, и знаменуйся «жертва»: К понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета // Русская интеллигенция. История и судьба. С. 15.
- ⁵⁰ *Кормер В. Ф.* Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 66.
- ⁵¹ *Кнабе Г. С.* Финал: Арбатская эпопея // Русская интеллигенция. История и судьба. С. 361.
- ⁵² *Кондрашова М. И.* Российская интеллигенция как объект исторического исследования // Проблема методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов. С. 37.
- ⁵³ Из выступления проф. И. В. Сибирякова на XIX международной конференции «Молодая интеллигенция — важный фактор устойчивого развития общества». Иваново, 2008.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Н. Ю. Кривопалова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Всестороннее изучение истории российской интеллигенции XVIII — начала XX вв. как особой социальной группы вызывает необходимость специального рассмотрения дискуссионных теоретических проблем истории интеллигенции в современной отечественной историографии. К таким проблемам, прежде всего, относятся: определение понятия «интеллигенция», ее социальных функций, выявление состава российской интеллигенции. Историографический анализ этих вопросов необходим для формирования теоретико-познавательных основ конкретно-исторического изучения интеллигенции.

Вопрос об определении понятия «интеллигенция» был главным дискуссионным вопросом в отечественной историографии еще с 1920-х гг. От того или иного его решения зависело понимание и толкование всех остальных частных и производных аспектов истории российской интеллигенции. Этот вопрос вновь активно обсуждался в отечественной историографии с начала 1990-х гг. Исследователи выделяют два основных подхода к определению понятия «интеллигенция», сложившиеся в литературе: социологический и нравственно-этический¹. В рамках этих подходов, существуют, на наш взгляд, пять позиций по вопросу определения интеллигенции, которые различаются числом харак-

© Кривопалова Н. Ю., 2008

Кривопалова Наталья Юрьевна — ведущий научный сотрудник Самарского Центра аналитической истории и исторической информатики (СЦАИ), г. Самара.

терных признаков интеллигенции и определяющим признаком среди них:

— первая точка зрения признает единственный критерий

выделения интеллигенции как особой социальной группы — профессиональный умственный труд;

— вторая точка зрения — критерии умственного труда и образованности при определяющей роли образованности;

— третья точка зрения добавляет к названным признакам и признает ведущим критерий нравственности;

— четвертая точка зрения выделяет и включает критерий оппозиционности и, наконец,

— пятая точка зрения вместо критерия оппозиционности добавляет критерий творчества, признает его ведущим.

Первая точка зрения, выделяющая в качестве главного критерия определения интеллигенции, как уже было отмечено, профессиональный умственный труд, проявляется наиболее четко в публикациях В. Л. Соскина, который отмечает, что «выделение интеллигенции из массы населения должно осуществляться на основе определения характера труда, понимаемого как квалифицированная умственная деятельность... Все остальные признаки и качества являются вторичными, они различны для разных обществ и разных эпох»².

Эту позицию в определении интеллигенции поддерживает А. М. Орехов. Рассуждая о соотношении понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы», он подчеркивает: «Под «интеллектуалами» мы понимаем лиц, профессионально занимающихся умственным (интеллектуальным) трудом. «Интеллектуалы» рассматриваемые как особая социальная группа, по сути, тождественны тем, кого в русском языке принято называть «интеллигентами» или, в собирательном смысле этого слова, «интеллигенцией»³.

Умственный профессиональный труд как единственный признак интеллигенции выделяет и С. Б. Орлов. Показывая содержательно изменчивый характер интеллигенции, мифологичность ее неизменного существования, он обращается к выявлению сущности интеллигенции и для этого приводит определение советского историка 20-х гг. С. Вольфсона, соглашаясь с ним: «Интеллигенция представляет собой междуклассовую промежуточную между пролетариатом и мелкой буржуазией группировку, существующую путем продажи своей умственной (интеллектуальной) энергии»⁴.

Вторая позиция проявляется в том, что многие авторы полагают недостаточным для определения интеллигенции выделение одного критерия профессионального умственного труда. И предлагают добавлять еще один качественный признак — образованность. В частности, С. Кирилов считает, что необоснованной является точка зрения, в которой «...интеллигенция и образованные классы рассматриваются как полярные лагеря»⁵. Но оговаривается, что «важен не абсолютный уровень информированности, а степень отличия его от уровня основной массы». Например, когда высшее образование приобретает массовый характер, по его мнению, к интеллигенции относятся лица, окончившие аспирантуру, а не вообще получившие высшее образование⁶.

Также присутствие критерия образованности предусматривает и социологический подход, представленный в статье Т. В. Никитиной: «Социологический подход к понятию интеллигенции в современной отечественной литературе предполагает выделение ее в качестве особой социальной группы, занимающей определенное место в социальной структуре общества. Интеллигенция профессионально выполняет функции квалифицированного интеллектуального труда, что требует, как правило, получения высшего или хотя бы среднего специального образования»⁷.

В рамках этой позиции В. Р. Веселов справедливо отмечает, что для конкретно-исторического исследования ведущими являются социологические критерии понимания интеллигенции, то есть, по его мнению, «социально-историческая парадигма ее изучения»⁸. Он определяет интеллигенцию как «социальный слой, отличающийся характером своего интеллектуального труда, местом в общественном производстве, уровнем специального образования, профессионализмом, источником своего материального благополучия»⁹.

Третья позиция в современной отечественной историографии, признавая необходимость выделения критериев профессионального умственного труда и образованности, главным признаком считает нравственность.

Г. А. Матвеев называет критерий нравственности главной чертой для данной социальной группы, утверждая, что «...главной отличительной чертой интеллигенции [в целом и] на современном этапе общественного развития является духовность,

рожденная знаниями. Интеллигенцию можно обозначить как слой людей, для которых духовные ценности являются определяющим фактором их жизни и деятельности»¹⁰.

Эту точку зрения разделяет и Е. И. Самарцева, отмечая, что еще с середины XIX в. понятие «интеллигенция» не только указывало на определенную профессиональную деятельность человека, но и вбирало в себя высокую нравственную характеристику¹¹.

На исторических корнях нравственного сострадания, присущего отечественной интеллигенции, заостряют свое внимание В. С. Меметов и О. Ю. Олейник и замечают, что лучшим представителям интеллигенции «всегда и во все времена были близки идеи любви и сострадания к своему народу, Отечеству, идеи подвижничества, добра, справедливости. Эти люди далеко не всегда являлись специалистами-профессионалами, тем более — интеллектуалами-индивидуалистами. Но их всегда отличала высокая нравственность»¹².

Важность нравственных ценностей как критерия принадлежности к интеллигенции подчеркивает и С. М. Усманов, который определяет типологические черты русской интеллигенции так: «это новый социальный слой автономных [от власти] интеллектуалов, имеющих особый моральный комплекс служения идеалу»¹³.

Но у данного направления есть и своя оппозиция, представленная, в частности, А. М. Ореховым, который говорит о невозможности и вредности выделения нравственного критерия при характеристике интеллигенции¹⁴, а В. Сапрыкин так просто ярко критикует данную «мифическую» составляющую сущности интеллигента, утверждая: «Лопнул один из мифов о «таинстве» феномена интеллигенции — миф о провидческом таланте интеллигентов, их жертвенном служении народу, особой совестливости»¹⁵.

Возражая подобным оценкам, В. С. Меметов справедливо отмечает: «Тем самым ... из понятия «интеллигенция» изымается, выкорчевывается та ее важнейшая *нравственная суть*, которая на протяжении тысячелетий истории России была для нее характерной, специфической, определяющей»¹⁶.

Четвертую точку зрения разделяют авторы, признающие главную роль нравственного аспекта в определении «интеллигенции», но понимающие его исключительно как оппозиционность.

Например, Ю. Олешук интерпретирует интеллигенцию следующим образом: «Интеллигенция — люди умственного труда, заряженные непримиримым гражданским чувством. Радикального толка»¹⁷.

Оппозиционность интеллигенции М. А. Гаспаровым объясняется через отсутствие возможности данной социальной группы участвовать в управлении обществом: «Это слой общества, воспитанный в расчете на участие в управлении обществом, но за отсутствием вакансий оставшийся со своим образованием не у дел». Отсюда и оппозиционность: когда тебе не дают места, на которое рассчитывал, ты, естественно, начинаешь дуться»¹⁸.

Такая ситуация, по его мнению, в России сложилась исторически: «Интеллигенция есть часть народа, занимающаяся умственным трудом, и только в силу исторических неприятностей берущая на себя дополнительную заботу: политическую оппозиционность»¹⁹.

Критерий некоторой оппозиционности включен и в классификацию К. Б. Соколова, который пытается выделить типы людей, соответствующие представлениям об интеллигенте:

1. Интеллигенты — это люди с дипломом о высшем образовании.

2. «Интеллигент» — благородный, умный человек, неспособный совершать зло, стремящийся к добру, просвещению народа, открытию нового. Одним словом, это некий идеальный человек.

3. «Вечный диссидент» — бунтарь, отрицающий государство, религию и нацию²⁰.

Выделение критерия оппозиционности в определении интеллигенции порождает критику со стороны многих исследователей. Например, В. Сапрыкиным полностью отвергается тезис об оппозиционности как обязательном признаке интеллигенции²¹. Подобную точку зрения высказывает и С. Кирилов: «...развитие страны зависит все-таки не от того, насколько рьяно интеллиген-

ты ругают власть, а от того, на каком уровне находится ее интеллектуальный слой»²².

Пятая позиция заключается в том, что многие авторы отказываются от выделения оппозиционности как качественного признака, но добавляют к профессиональному умственному труду, образованности и нравственности аспект творчества.

Эту позицию разделял Д. С. Лихачев, который утверждал, что нетворческий интеллигент не бывает, если же интеллигент начинает работать на заказ, то он становится «наемником» и теряет право идентифицировать себя с социальной группой, к которой принадлежал ранее²³.

Важность аспекта творчества как качественной характеристики интеллигенции отмечают В. С. Меметов и А. В. Попов и считают, что «без готовности отступить от заданных шаблонов и создать что-то новое специалист никогда не станет интеллигентом»²⁴. Авторы также пишут о близости понятий «интеллигенция» и «творческое меньшинство»²⁵, которое вводит А. Тойнби, описывая особую группу в жизни цивилизации, совершающую «акт творения» в ходе развития цивилизации, когда она формулирует «ответы» на вызовы истории и, таким образом, поддерживает гармонию между частями общества и сохранение его целостности²⁶.

Итак, в новейшей отечественной историографии в 1990-е — 2000-е гг. сложились пять позиций в определении интеллигенции, различающиеся выделением качественных ее признаков и существующие в рамках двух основных подходов к определению понятия «интеллигенция»: социологического и нравственно-этического. К социологическому подходу относятся критерии профессионального умственного труда, образованности и творчества, к нравственно-этическому — критерии нравственности и оппозиционности. Однако ряд исследователей отмечают ограниченность каждого из этих подходов и предлагают сочетать социологический и нравственно-этический подходы в определении интеллигенции²⁷. Например, О. Ю. Олейник отмечает, что «интеллигенция должна определяться как по социально-профессиональным чертам и свойствам (т.е. по внешним, формальным признакам), так и по духовно-интеллектуальным (т.е. по сущностным качествам)»²⁸.

На наш взгляд, целесообразно выделять два вида определений понятия «интеллигенции»: первое — исходное в исследовании, которое дается на основе выделения ее формальных признаков, и второе — сущностное определение, являющееся результатом исследования интеллигенции и выделения ее сущности. Для исходного определения понятия «интеллигенция» вполне достаточен социологический подход (то есть критерии профессионального умственного творческого труда и высокого уровня образования), а для сущностного определения «интеллигенции» необходим социально-исторический подход — выявление ее социально-исторических функций, которые в своей совокупности образуют ее сущность.

Вопрос о социальных функциях интеллигенции является, по нашему мнению, сложным, противоречивым и наименее изученным. Значимость этого аспекта в теоретическом изучении интеллигенции была представлена и обоснована в теоретико-методологических работах Г. С. Смирнова (2001 г.), В. С. Меметова и А. В. Попова (2005 г.)²⁹. Эти исследователи считают, что четкое определение общественных функций раскрывает содержание ее сущностных черт. В. С. Меметов и А. В. Попов соглашаются с мнением Г. С. Смирнова, что «в основу анализа понятия интеллигенции должна быть положена основная функция этой группы — служить системообразующим началом общества»³⁰.

Вопрос о функциях имеет не только важное значение для определения «интеллигенции», но и большое самостоятельное значение для ее социально-исторической характеристики. Еще в 1920-е годы П. Н. Сакулин и М. А. Рейснер пытались выделить функции интеллигенции в связи с вопросом о ее составе, профессиональными отличиями или особенностями умственного труда³¹. В 1970-е годы эту задачу решала В. Р. Лейкина-Свирская, которая специально рассматривала функции интеллигенции и определяла их как обслуживание исторически обусловленных общественно-необходимых потребностей³².

В современной историографии вопрос о функциях интеллигенции продолжает изучаться с разных позиций. Так, С. В. Волков характеризует функции через виды деятельности интеллигенции и выделяет «функции руководства, духовно-

культурного обслуживания и научно-технологического развития»³³. П. Б. Уваров рассматривает функции с связи с определением интеллигенции и относит к ним «создание, хранение и обмен информацией»³⁴. В. С. Меметов и А. В. Попов, решая эту же задачу, считают, что ее «главной функцией является сохранение целостности общества, его способности к нормальной жизнедеятельности и самоорганизации общественной системы»³⁵.

На наш взгляд, этот вопрос требует специального самостоятельного рассмотрения. И, в первую очередь, для этого необходимо уточнить понятие «функция». С нашей точки зрения, под функцией вообще целесообразно понимать определенное циклически повторяющееся взаимодействие элементов открытой системы. Поскольку общество в рамках системного подхода понимается как сложная многоуровневая открытая система, то каждый ее элемент имеет свои функции. Каждая социальная группа, в том числе и интеллигенция, выполняет необходимые социальные функции. К ним, на наш взгляд, следует отнести пять основных функций: 1) создание духовных ценностей, которое проявляется как духовная творческая деятельность; 2) их хранение, 3) трансляция, 4) защита и 5) воплощение духовных ценностей в своем образе жизни и в жизни общества. Эти функции выделяются из необходимости воспроизводства и развития общества и проявляются как определенные виды общественно-необходимой деятельности и соответствующее функциям отношение к общественным явлениям и событиям. Представляется целесообразным подробно рассмотреть каждую функцию интеллигенции с учетом накопленного историографического потенциала.

Основной функцией интеллигенции является духовное творчество — создание духовных ценностей. В советской литературе авторы, которые рассматривали функции интеллигенции — В. Р. Лейкина-Свирская, В. А. Конев, Е. А. Амбарцумов, подчеркивали лишь обслуживающую функцию интеллигенции, не признавая за ней самостоятельной творческой производящей деятельности как функции³⁶. Такая ситуация неслучайна, так как в советской историографии преобладал классовый идеологизированный подход в изучении российской интеллигенции. Роль не только политического, но и духовного лидера отводилась рабочему классу, а интеллигенция должна была обслуживать интере-

сы господствующего класса. Так, В. А. Конев подчеркивал: «Интеллигенция... не могла и не может играть роль социального или политического лидера общества, роль ведущей социальной силы. Ее роль в общественной жизни проявлялась прежде всего в том, что она идеологически обслуживала классы, осознавая и формулируя их социальные интересы»³⁷.

В 1980-х гг. Л. П. Сверчкова выделяет в качестве функции интеллигенции духовное производство и признает эту функцию основной³⁸. В 1990-е годы и в первой половине 2000-х гг. число сторонников этой точки зрения увеличивается³⁹. Наиболее четко эту позицию сформулировал О. Ю. Олейник: интеллигенция — «это особая социокультурная общность, профессионально выполняющая функции субъекта духовной жизни и духовного производства, что и составляет ее сущностный критерий»⁴⁰.

Другая часть современных исследователей, хотя прямо не выделяет духовную творческую деятельность как функцию, однако, рассматривает ее как черту, признак, свойство, присущие интеллигенции. Как правило, этот вопрос затрагивается при рассмотрении определения понятия «интеллигенция»⁴¹.

По нашему мнению, функция духовного производства является главной функцией интеллигенции. Она возникает еще в древнем обществе в результате общественного разделения труда и выделения умственного труда как производящего и специального, который создает духовный продукт. Духовно-производящая деятельность не осуществляет воспроизводство продукта, а лишь производство принципиально нового продукта, то есть является творчеством, и этот вид деятельности становится основой для выделения особой группы людей — интеллигенции в широком историческом смысле, начиная с шаманов, волхвов и жрецов.

Другой важной функцией интеллигенции, необходимой для воспроизводства общества, является хранение духовных ценностей. Отдельные исследователи выделяют функцию хранения как самостоятельную. Например, В. Т. Ермаков считает, что интеллигенция выполняет «функцию аккумулятора и хранителя знаний и культуры народа»⁴². Интеллигенция реализует эту функцию прежде всего через деятельность в архивах, библиотеках и музеях. Но в то же время интеллигенция сама является носителем духовных ценностей и хранит их в своем сознании.

Особо следует отметить такую функцию интеллигенции как трансляция духовных ценностей. Она осуществляется, на наш взгляд, в двух видах деятельности: в форме обучения и культурно-просветительской деятельности по распространению знаний среди широких слоев населения. В числе исследователей, выделяющих эту функцию, — Ю. Левада, который считал ее главной и отмечал, что интеллигенция видит «смысл своего существования в том, чтобы нести плоды образованности (культуры, просвещения, политического сознания и пр.) в народ и уподобляющая эту задачу священной (по меньшей мере, культурно-исторической) миссии»⁴³. Важное значение культурно-просветительской деятельности интеллигенции придают и другие исследователи, называя ее сущностной чертой интеллигенции⁴⁴.

Следующей функцией интеллигенции является защита духовных ценностей, так как в обществе всегда происходит социальная борьба между силами прогресса и регресса, между силами добра и зла. Эта функция предполагает защиту от внешних невежественных социальных сил, отрицающих духовные ценности. Интеллигенция осуществляет ее через публичные выступления в прессе и других средствах массовой информации, через деятельность своих общественных организаций. Мы согласны с мнением Г. Н. Кулагиной: «Интеллигенты чутко улавливают те изменения в общественной жизни, когда под вопрос становится истина, справедливость, свобода»⁴⁵. Интеллигенция выполняет роль совести нации и критически относится к государственной власти и всем ее проявлениям, учитывая в России ее авторитарные, а порой тоталитарные тенденции.

Важное значение имеет такая функция интеллигенции, как воплощение духовных ценностей. Она реализуется таким образом, что интеллигенция объективно вынуждена воплощать в своем образе жизни выработанные ею духовные ценности и приводить в соответствие с ними окружающую социальную реальность. Наличие у истинной интеллигенции высоких нравственных качеств, с нашей точки зрения, представляет собой воплощение в ее жизни и деятельности созданных ею духовных ценностей. Занимая активную и ответственную гражданскую позицию, интеллигенция живет общественными интересами и стремится преобразовать мир. Всеми своими помыслами и деяниями она

утверждает и воплощает гуманистические идеалы в жизни общества. Отдельные исследователи особо выделяют эту функцию интеллигенции⁴⁶. По нашему мнению, по мере того, как духовная деятельность приобретает все большее значение, возрастает в жизни общества и роль интеллигенции.

Исходя из социально-исторического подхода, представляется возможным сформулировать следующее определение интеллигенции в широком историческом смысле, через раскрытие ее сущности, понимаемой как совокупность социальных функций. *Интеллигенция — это особая социальная группа, профессионально занимающаяся созданием духовных ценностей, их хранением, трансляцией, а также защищающая и воплощающая их в жизнь общества.* Определение интеллигенции осуществляется через выделение первоначально возникающей ее главной социальной функции и перечисление исторически развертывающихся остальных ее функций.

Необходимо остановиться на вопросе об определении *провинциальной интеллигенции*. Поскольку она является составной частью российской интеллигенции в целом, то к ней, по нашему мнению, применимо предложенное сущностное определение через выполняемые функции. Однако провинциальная интеллигенция всегда имела свои особенности, отличия от столичной. Так, с начала 1990-х гг. проводится ряд конференций, специально посвященных провинциальной культуре, и в том числе провинциальной интеллигенции, на которых отмечались особенности ее сознания и психологии, специфика ее состава и социальной роли в провинции, отличия образа жизни⁴⁷. Определенным обобщением понимания провинциальной интеллигенции стало определение, предложенное в 1997 г. А. А. Даниловым и В. С. Меметовым.

«...Мы определяем интеллигенцию российской провинции как *специфическую социально-профессиональную и высококравственную группу людей из периферийных районов России, главным занятием которой всегда являлась и является свободная творческая умственная деятельность (как и, в целом, всей интеллигенции) и которая рассматривает свою повседневную социальную предназначенность (функцию) как вполне естествен-*

ный, профессиональный поиск Истины, Добра, Справедливости, честного служения своему народу и Родине»⁴⁸.

Это определение отмечает, в первую очередь, территориальное отличие провинциальной интеллигенции от столичной. Развивая его, провинциальную интеллигенцию можно определить, на наш взгляд, как специфический, количественно преобладающий слой российской интеллигенции, для которого характерно: более низкий уровень образования и материального положения; обусловленность ее состава социально-экономическими особенностями региона; незначительная представленность в ее составе научной, художественной и инженерно-технической интеллигенции; меньшая политизированность, более высокая открытость, душевность и нравственность; реализация непосредственного служения народу по сравнению со столичной интеллигенцией.

Вопрос о составе российской интеллигенции подробно рассматривался еще в советской историографии 1960-1980-х гг. в контексте истории революций в России в начале XX в. В центре внимания исследователей, изучавших этот вопрос, были два основных критерия выделения состава: классовый и профессиональный.

В вопросе *классового состава* российской интеллигенции начала XX вв. советская историография опиралась на ленинское положение о том, что интеллигенция «не есть самостоятельный экономический класс и не представляет никакой самостоятельной политической силы»,⁴⁹ а есть особая социальная прослойка, внутренне неоднородная, связанная с различными классами общества. Этот вопрос считался решенным, ему не уделялось значительного внимания в литературе, и исследователи ограничивались, как правило, приведением основных положений из работ Ленина. Так, А. В. Ушаков (1976 г.) отмечал, что В. И. Ленин выделял в составе интеллигенции в начале XX в. четыре основные социальные группы, соответствующие четырем классам российского общества: дворянско-помещичья, буржуазная, мелкобуржуазная, пролетарская. Мелкобуржуазную интеллигенцию Ленин характеризовал как демократическую, радикальную интеллигенцию⁵⁰. Классовый подход рассматривался в советской историографии

как лежащий в основе изучения всех видов состава российской интеллигенции, в том числе и профессионального.

При определении *профессионального состава* интеллигенции начала XX в. авторы использовали разные основания для классификации профессиональных групп. Так, Л. К. Ерман (1966 г.) предложил выделять профессиональные занятия интеллигенции, имеющие характер умственного труда, по сферам их применения в обществе: 1) занятия в сфере материального производства (инженеры, техники, железнодорожные и почтово-телеграфные служащие, специалисты сельского хозяйства); 2) работа в области культуры (работники просвещения, медицинские работники, художники, музыканты, актеры, ученые, литераторы); 3) служба в государственном аппарате, аппарате управления капиталистическими предприятиями и помещичьими хозяйствами (государственные, земские, частные служащие среднего и высшего звена, военные, адвокаты, нотариусы и др.)⁵¹. А. В. Ушаков (1984 г.) добавил к этой схеме работу в области идеологии (духовенство) и учащихся высших и средних учебных заведений⁵².

В. Р. Лейкина-Свирская (1971 г., 1981 г.) в основу профессионального деления интеллигенции положила виды деятельности по обслуживанию исторически обусловленных общественно-необходимых потребностей: квалифицированное обслуживание материального производства, медицинское обслуживание населения, обучение молодежи, исследовательская деятельность в области науки и техники, идеологическое обслуживание общества, революционная деятельность, профессиональная деятельность в области искусства⁵³. Необходимо отметить, что названные авторы включали в свою классификацию профессионального состава интеллигенции начала XX в. работников высшего и среднего звена с разным уровнем образования.

О. Н. Знаменский (1988 г.) за основу внутреннего профессионального деления интеллигенции взял классовый признак и выделил буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую интеллигенцию. Оговаривая малую численность пролетарской интеллигенции в изучаемый период, автор сосредоточил внимание на характеристике состава буржуазной и мелкобуржуазной групп и выделил в них три слоя: верхний, средний и нижний, которые

различались набором и статусом профессий интеллигенции, куда входили ее представители с разным уровнем образования, квалификации и материального положения⁵⁴.

Таким образом, в советской историографии социальной состав дореволюционной российской интеллигенции определялся по двум основным критериям — классовому и профессиональному. Сложившаяся в 1960-1980-е гг. классификация профессионального состава интеллигенции, легла в основу его изучения на современном историографическом этапе.

В новейшей отечественной интеллигентоведческой литературе расширяются хронологические рамки в изучении состава российской интеллигенции и разрабатываются новые аспекты этой проблемы, охватывающие период XVIII — начала XX вв., когда происходит формирование массового слоя интеллигенции нового времени. Одним из аспектов является выделение новых критериев ее внутреннего строения. Например, в монографии А. А. Данилова и В. С. Меметова (1997 г.) рассматривался неоднородный состав российской интеллигенции в период ее формирования в XVIII в. Авторы, в частности, впервые более четко выделили социальные источники формирования и пополнения интеллигенции из основных сословий российского общества, такие как духовенство, дворянство, крестьянство, мещанство. На наш взгляд, это может служить основанием для выделения состава интеллигенции по социальному происхождению, который, как отмечают авторы, не мог не сказаться на особенностях, существенных чертах интеллигенции России⁵⁵.

Отдельные критерии социального состава интеллигенции обозначила в своей монографии Н. К. Гуркина (1998 г.). Изучая структуру провинциальной интеллигенции Европейского Севера России в конце XIX — начале XX вв., она выделила не только профессиональный, но также ведомственный и территориальный признаки ее состава⁵⁶. Автор охарактеризовала эти виды составов и указала на различия групп интеллигенции, входящих в них, по уровню образования, месту рождения и социально-психологическим особенностям.

Другим аспектом в изучении состава российской интеллигенции нового времени является решение спорного вопроса, поставленного еще в советской историографии, об отнесении спе-

цифических профессиональных групп к интеллигенции: духовенства, юристов, военных. Этот вопрос в целом рассматривали в своих работах, в частности, В. Л. Соскин⁵⁷ и В. В. Комиссаров⁵⁸. Они обосновывали точку зрения о вхождении перечисленных групп в состав интеллигенции, исходя из умственного характера их профессионального труда и высокого уровня образования.

Многие исследователи занимались изучением отдельных групп, принадлежность которых к интеллигенции является дискуссионной. Так, Т. Г. Леонтьева в своих монографиях (1992, 2002 гг.) подробно рассмотрела социальный облик, разностороннюю деятельность православного духовенства Тверской губернии и России в целом во второй половине XIX — начале XX в. и определила духовенство как один из отрядов российской интеллигенции⁵⁹. И. И. Олейник и О. Ю. Олейник, изучающие юристов как социально-профессиональную группу, привели развернутую аргументацию того, что по своим сущностным признакам большая часть юристов относится к интеллигенции⁶⁰. Вопросами исследования социальной группы военных занимались В. С. Волков, А. М. Лушников, Ю. М. Ращупкин⁶¹. Проанализировав ее состав и особенности воинского труда, авторы пришли к выводу о принадлежности части этой группы к интеллигенции. А. М. Лушников при этом отметил необходимость конкретно-исторического подхода к понятию «военная интеллигенция», так как, по его мнению, в период с XVIII по XX вв. разные группы военных относились к интеллигенции⁶².

По нашему мнению, причисление названных профессиональных групп к интеллигенции является спорным. Так, например, духовенство занимается иррациональной духовной деятельностью, поэтому его не следует относить к интеллигенции нового времени, духовное творчество которой основано не на вере, а на рациональном, научном объяснении действительности, но в то же время духовенство может быть отнесено к интеллигенции средневековья. Военные, взятые в целом (рядовой и офицерский состав), с нашей точки зрения, не входят в состав интеллигенции. Лишь отдельные, нехарактерные для военной деятельности группы военных специалистов, принадлежат к интеллигенции потому, что они занимаются научно-исследовательской, инженерно-технической, преподавательской и медицинской деятельностью.

Юристы, на наш взгляд, могут относиться к интеллигенции лишь в части адвокатов, поскольку они защищают права и достоинство личности.

Следует согласиться с мнением исследователей, которые считают, что различная классификация интеллигенции должна строиться, прежде всего, на основе профессиональных групп⁶³, которые, по нашему мнению, можно объединить в следующие типичные профессиональные слои:

- 1) научная и вузовская интеллигенция;
- 2) художественная интеллигенция (писатели, художники, архитекторы, актеры и музыканты и др.);
- 3) интеллигенция, связанная с социальной сферой, (учителя, медицинские работники и др.);
- 4) журналистская и редакционно-издательская интеллигенция (журналисты, редакторы и издатели и др.);
- 5) интеллигенция сферы экономики (инженеры, агрономы, ветеринары и др.);
- 6) юридическая интеллигенция (адвокаты);
- 7) интеллигенция сферы хранения культуры (библиотекари, работники архивов и музеев).

Конкретные профессиональные группы интеллигенции во всех типичных профессиональных слоях изменялись с развитием общества и были связаны со *стадией развития интеллигенции* в определенный исторический период, что необходимо учитывать при конкретно-историческом изучении интеллигенции.

Таким образом, в современной отечественной историографии 1990-х — 2000-х гг. были предложены конструктивные решения дискуссионных вопросов истории российской интеллигенции: пять различных позиций в определении понятия «интеллигенция»; три взаимодополняющие позиции в понимании ее социальных функций; а также представлены новые критерии для выделения ее социального состава. Историографический анализ этих вопросов позволил автору выработать определенные теоретико-концептуальные подходы для анализа конкретно-исторических процессов развития и деятельности отечественной интеллигенции XVIII — начала XX вв.

Примечания

- ¹ *Севастьянов А. Н.* Национал-капитализм. [Сб. ст. о русской интеллигенции и русской нации]. М., 1995. С. 37; *Данилов А. А., Меметов В. С.* Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997. С. 79; *Меметов В. С., Будник Г. А.* Теоретические основы формирования интеллигенции в образовательном пространстве высшей школы // *Интеллигенция и мир.* 2004. № 1-2. С. 25-26; *Комиссаров В. В.* Интеллигенция и политическая элита России (XVIII-XX вв.): комплексный анализ понятий // *Интеллигенция и мир.* 2004. № 3-4. С. 18.
- ² *Соскин В. Л.* Некоторые теоретические аспекты современного этапа изучения советской интеллигенции России // *Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: Межвуз. респ. сб. науч. тр.* Иваново, 1996. С. 24.
- ³ *Орехов А. М.* Интеллигенция, интеллектуалы, интеллектуальная собственность // *Социально-гуманитарные знания.* М., 2000. № 1. С. 267.
- ⁴ *Орлов С. Б.* Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // *Социс.* М., 2001. № 11. С. 56.
- ⁵ *Кирилов С.* О судьбах «образованного сословия» в России // *Новый мир.* М., 1995. № 8. С. 143.
- ⁶ Там же. С. 145.
- ⁷ *Никитина Т. В.* О понятии «гуманитарная интеллигенция»: социологический подход // *СоцИс.* М., 1993. № 2. С. 34.
- ⁸ *Веселов В. Р.* Материалы научных конференций интеллигентоведов как факт отечественной историографии (Опыт критического послесловия) // *Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: Межвуз. респ. сб. науч. тр.* Иваново, 1996. С. 34.
- ⁹ Там же. С. 33.
- ¹⁰ *Матвеев Г. А.* Об основных вехах эволюции понятия «интеллигенция» в отечественной общественной мысли // *Интеллигенция России: уроки истории и современность.* Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 31.
- ¹¹ *Самарцева Е. И.* Феномен российской интеллигенции // *Интеллигенция. Провинция. Отечество: проблемы истории, культуры, политики: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф.* Иваново: ИвГУ, 1996. С. 56.
- ¹² *Меметов В. С., Олейник О. Ю.* Интеллигенция, отечество, патриотизм // *Интеллигенция России: уроки истории и современность.* Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 45.

- ¹³ *Усманов С. М.* Этапы и особенности формирования интеллигенции в процессе модернизации: российский опыт в сравнительно-исторической ретроспективе // *Интеллигенция и мир.* 2004. № 3-4. С. 9.
- ¹⁴ *Орехов А. М.* Интеллигенция, интеллектуалы, интеллектуальная собственность // *Социально-гуманитарные знания.* М., 2000. № 1. С. 267.
- ¹⁵ *Сапрыкин В.* Интеллигенция и контрреволюция // *Диалог.* М., 2002. № 2. С. 13.
- ¹⁶ *Меметов В. С.* О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения // *Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: Тез. докл. междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 1998.* С. 11.
- ¹⁷ *Олещук Ю.* Об исторической роли интеллигенции // *Мировая экономика и международные отношения.* М., 1998. № 7. С. 70.
- ¹⁸ *Гаспаров М. А.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // *Русская интеллигенция: история и судьба.* М., 1999. С. 10.
- ¹⁹ Там же. С. 11.
- ²⁰ *Соколов К. Б.* Мифы об интеллигенции и историческая реальность // *Русская интеллигенция: история и судьба.* М., 1999. С. 151-152.
- ²¹ *Сапрыкин В.* Интеллигенция и контрреволюция // *Диалог.* М., 2002. № 2. С. 14.
- ²² *Кирилов С.* О судьбах «образованного сословия» в России // *Новый мир.* М., 1995. № 8. С. 143.
- ²³ *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // *Новый мир.* М., 1993. № 2. С. 3.
- ²⁴ *Меметов В. С., Попов А. В.* О некоторых проблемах теории и методологии исследования интеллигенции, ее генезиса и формирования // *Интеллигенция и мир.* 2005. № 1-2. С. 9.
- ²⁵ Там же. С. 9.
- ²⁶ *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 2002. С. 316.
- ²⁷ *Олейник О. Ю.* Советская интеллигенция в 30-е годы: (Теоретико-методологический и историографический аспекты). Иваново, 1997. С. 53; *Меметов В. С., Будник Г. А.* Теоретические основы формирования интеллигенции в образовательном пространстве высшей школы // *Интеллигенция и мир.* 2004. № 1-2. С. 26.
- ²⁸ *Олейник О. Ю.* Указ. соч. С. 53.
- ²⁹ *Смирнов Г. С.* Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса // *Интеллигенция и мир.* 2001. № 1. С. 79; *Меметов В. С., Попов А. В.* О некоторых проблемах теории и методоло-

- гии исследования интеллигенции, ее генезиса и формирования // Интеллигенция и мир. 2005. № 1-2. С. 4.
- ³⁰ *Смирнов Г. С.* Указ. соч. С. 79.
- ³¹ *Сакулин П. Н.* Социологический метод в литературоведении. М., 1925. С. 80; *Рейснер М. А.* Проблемы социальной психологии. Ростов-на-Дону, 1925. С. 124, 125.
- ³² *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 17-18.
- ³³ *Волков С. В.* Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999. С. 3.
- ³⁴ *Уваров П. Б.* Дети Хаоса. Исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 76.
- ³⁵ *Меметов В. С., Попов А. В.* О некоторых проблемах теории и методологии исследования интеллигенции, ее генезиса и формирования // Интеллигенция и мир. 2005. № 1-2. С. 8.
- ³⁶ *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 17-21; *Конев В. А.* К вопросу о социальной природе интеллигенции // Из истории советской интеллигенции (Материалы II симпозиума по истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири). Новосибирск, 1974. С. 7; *Амбарцумов Е. А.* Интеллигенция // Большая Советская Энциклопедия. В 30-ти т. / Глав ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М., 1972. Т. 10. С. 311.
- ³⁷ *Конев В. А.* Указ. соч. С. 7.
- ³⁸ *Сверчкова Л. П.* Субъект духовного производства: методологический анализ. Л., 1988. С. 65.
- ³⁹ *Меметов В. С., Данилов А. А.* Интеллигенция России: уроки истории и современность. (Попытка историографического анализа проблемы) // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 9; *Ермаков В. Т.* Интеллигенция России в XX столетии. (К постановке проблемы «Интеллигенция как феномен исторического изучения») // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 18; *Кулагина Г. Н.* Общечеловеческое в феномене русской интеллигенции // Интеллигенция. Провинция. Отечество: проблемы истории, культуры, политики: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 35; *Олейник О. Ю.* Советская интеллигенция в 30-е годы: (Теоретико-методологический и историографический аспекты). Иваново, 1997. С. 53.
- ⁴⁰ *Олейник О. Ю.* Указ. соч. С. 53.

- ⁴¹ *Кондаков И. В.* К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 1999. С. 65; *Матвеев Г. А.* Об основных вехах эволюции понятия «интеллигенция» в отечественной общественной мысли // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 31; *Артамонова Н. Я.* Традиции российской интеллигенции и современность // Интеллигенция. Провинция. Отечество: проблемы истории, культуры, политики: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 32; *Куликова О. Б.* Российская интеллигенция и государство: социально-исторические истоки противоречий // Интеллигенция. Провинция. Отечество: проблемы истории, культуры, политики: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 232; *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ // Малое собр. соч. М., 1991. Т. 6. С. 180.
- ⁴² *Ермаков В. Т.* Интеллигенция России в XX столетии. (К постановке проблемы «Интеллигенция как феномен исторического изучения») // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 18.
- ⁴³ *Левада Ю.* Интеллигенция // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М.Ферро и Ю.Афанасьева. М., 1989. С. 128-129.
- ⁴⁴ *Смоляков Л. Я.* Социалистическая интеллигенция: Социально-философский анализ. Киев, 1986. С. 41-42; *Меметов В. С., Данилов А. А.* Интеллигенция России: уроки истории и современность. (Попытка историографического анализа проблемы) // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 9-10; *Севастьянов А. Н.* Национал-капитализм. М., 1995. С. 135; *Гуркина Н. К.* Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX — начале XX веков. СПб, 1998. С. 3.
- ⁴⁵ *Кулагина Г. Н.* Общечеловеческое в феномене русской интеллигенции // Интеллигенция. Провинция. Отечество: проблемы истории, культуры, политики: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 35.
- ⁴⁶ *Меметов В. С., Олейник О. Ю.* Интеллигенция, отечество, патриотизм (Некоторые аспекты теоретико-методологического анализа) // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 44; *Степанов Ю. С.* «Жрец» нарекись, и знаменуйся: «жертва» (К понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета) // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 20; *Меметов В. С., Попов А. В.* О некоторых проблемах теории и методологии исследования интеллигенции, ее

- генезиса и формирования // Интеллигенция и мир. 2005. № 1-2. С. 6,8.
- ⁴⁷ *Мифы провинциальной культуры*: Тез. докл. науч. конф. Самара, 1992; *Русская провинция и мировая культура*: Тез. докл. науч. конф. Ярославль, 1993; *Бурлина Е. Я.* Российская региональная культура и проблема толерантности. Мифы о провинциальной культуре // Российская провинция. 1994. № 1; *Российское сознание: психология, культура, политика*. Материалы II Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем». 4-6 июля 1997. Самара, 1997.
- ⁴⁸ *Данилов А. А., Меметов В. С.* Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997. С. 9.
- ⁴⁹ *Ленин В. И.* По поводу одной статьи в органе Бунда // Полн. собр. соч. Т. 14. С. 191.
- ⁵⁰ *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России 1895-1904. М., 1976. С. 5-6.
- ⁵¹ *Ерман Л. К.* Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1966. С. 8.
- ⁵² *Ушаков А. В.* Интеллигенция в России периода буржуазно-демократических революций: (Профессиональный и политический состав) // Революционное движение демократической интеллигенции России в период империализма. М., 1984. С. 7.
- ⁵³ *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 18-21; *Ее же.* Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981. С. 3.
- ⁵⁴ *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 9-10.
- ⁵⁵ *Данилов А. А., Меметов В. С.* Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997. С. 124-129.
- ⁵⁶ *Гуркина Н. К.* Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX — начале XX веков. СПб, 1998. С. 46-49.
- ⁵⁷ *Соскин В. Л.* Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996. С. 26-35.
- ⁵⁸ *Комиссаров В. В.* Интеллигенция и политическая элита России (XVIII-XX вв.): комплексный анализ понятий // Интеллигенция и мир. 2004. № 3-4. С. 18.
- ⁵⁹ *Леонтьева Т. Г.* Церковная интеллигенция Тверской губернии в конце XIX — начале XX века (1895-1907гг.) / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1992.

- 184 с.; *Ее же*. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX в. М., 2002.
- ⁶⁰ *Олейник И. И., Олейник О. Ю.* О понятии «юридическая интеллигенция» (Методологический и историографический аспекты изучения юристов как социально-профессиональной группы) // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1995. С. 82-83.
- ⁶¹ *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993; *Лушников А. М.* Военная интеллигенция: методологический подход к содержанию термина // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тез. докл. Межгос. науч.-теор. конф. Иваново, 1995. Т. 1. С. 42-43; *Ращупкин Ю. М.* О роли военной интеллигенции в подготовке офицерских кадров в Иркутском юнкерском училище // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тез. докл. Межгос. науч.-теор. конф. Иваново, 1995. Т. 1. С. 280.
- ⁶² *Лушников А. М.* Военная интеллигенция: исторический подход к содержанию термина // Интеллигенция и политика. Тез. докл. Межрег. науч.-теор. конф. Иваново: ИвГУ, 1991. С. 93-94.
- ⁶³ *Конев В. А.* К вопросу о социальной природе интеллигенции // Из истории советской интеллигенции (Материалы II симпозиума по истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири). Ново-сибирск, 1974. С. 17.

А. Г. Кохановский, О. А. Яновский

**САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И
ЭВОЛЮЦИЯ ЕЕ
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИДЕАЛОВ:
ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ И ЗАДАЧИ ИСТОРИОГРАФИИ**

Предметом авторского рассмотрения является белорусская интеллигенция, этапы и особенности ее формирования как социальной общности — от проявлений «литвинского» патриотизма в конце XVIII — первой половине XIX в. до участия в проведении политики белорусизации и попытках утверждения национально-государственных идеалов советской Беларуси в 20-х гг. XX в. Отметим принципиально разное содержательное наполнение дефиниций «белорусская интеллигенция» и «интеллигенция Беларуси». В первом случае речь идет именно об этнически белорусской интеллигенции, тогда как во втором — обо всей интеллигенции, происхождением, творчески или духовно связанной с территорией Беларуси.

Впервые именно о белорусской интеллигенции и ее предназначении было заявлено в работах публицистов-народников. В обращении «К белорусской молодежи» отмечалось, что для социального и национального освобождения белорусского народа есть большая потребность в «интеллигентных силах», а они всегда были отвлечены для пользы России или Польши¹. В «Письмах о Белоруссии», автор которых выступил под псевдонимом Данила Боровик, проводился знак равенства между интеллигенцией и

© Кохановский А. Г., Яновский О. А., 2008.

Кохановский Александр Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, Минск).

Яновский Олег Антонович — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, Минск).

местными «лучшими» (в отношении социальных и интеллектуальных качеств) людьми². При этом за ней закреплялись функции главного проводника демократических идей и принципов во благо народа. Автор считал, что интеллигенция должна быть двигателем народа на пути его прогрессивного развития при помощи средств, которые соответствуют условиям жизни людей и способствуют быстрейшему формированию самосознания и гражданской воли. И ставил задачу — исполнять культурно-просветительскую работу через изучение быта, обычаев, традиций, культуры и истории белорусского народа. В ответ на «Письма о Белоруссии» в скором времени появилось «Послание к землякам-белорусам», подписанное псевдонимом «Щирый Белорус». В нем подчеркивалась полезность, но недостаточность «одних местных изучений». По мнению автора, необходимо устранить препятствия, которые расставило самодержавие на пути новых идей, национального и социального освобождения Беларуси³.

Еще более конкретными были идеи авторов-издателей «Гомона» — нелегального журнала одноименной белорусской народнической группы. В качестве центральной объединяющей идеи интеллигенции ими ставилась задача пробуждения этнического самосознания белорусов, национального и социального освобождения народа. Характерным для разработанной гомоновцами идеи интеллигенции являлось придание первостепенного значения реализации ею национальных задач. «Велика и священна задача белорусской интеллигенции, — отмечалось в первом номере «Гомона», — расшевелить могучие силы своего народа, направлять остановившееся прогрессивное развитие его, дать ему возможность проявить свой национальный гений...»⁴.

Совсем уж предметно границы понятия «интеллигенция» пытался очертить один из классиков белорусской литературы Максим Богданович. В статье «Новая интеллигенция» он отмечал, что всякий ее представитель должен соответствовать двум требованиям: во-первых, стремиться к знаниям, во-вторых, нести свои знания на пользу народа⁵. При этом М. Богданович более важным признавал второе требование.

Для белорусских литераторов-демократов начала XX в. характерным было расширительное толкование смысла слова «интеллигенция». Действительное предназначение интеллигенции

связывалось ими с национально-освободительной и социальной борьбой. Писатель и общественный деятель Карусь Каганец в реферате на рождественском собрании белорусского сообщества в 1903 г. уточнил данную позицию: «Многие из сегодняшних интеллигентных юношей на вопрос, к какой народности они себя относят, отвечают, что они люди, — выше за всякую народность... Когда они хотят служить добру всего человечества, то это дело — весьма высокое и полезное, но все же не понимаю, чтобы они были свободны от национальности»⁶.

Просвещенную, авангардную часть общества относил к интеллигенции один из лидеров национально-освободительного движения в Западной Беларуси в 20-х гг. XX в. Игнат Дворчанин. В «Хрестоматии новой белорусской литературы» он отмечал, что интеллигенция не составляет отдельного социального класса, а как более просвещенная часть общества отдает знания другим классам. Происхождение, воспитание, личная удача в жизни, обстоятельства внешнего характера и т.д., по мысли И. Дворчанина, делают отдельных интеллигентов сторонниками того или иного класса, проводниками его идеологии. При этом автором не отрицалось наличие общих черт интеллигенции как отдельной социальной общности: заинтересованность в развитии родного языка, национальной государственности, умение ценить искусство, приобретения культуры, углубленность в свой внутренний мир, вечные рассуждения, поиски решения мировых проблем и т.д.

Роль интеллигенции в общественно-политической жизни несколько принижал один из лидеров близкого к большевикам крыла белорусского национального движения, первый руководитель правительства Советской Беларуси Змицер Жилунович. В статье «Белорусская интеллигенция в историческом аспекте» он впервые предложил идею поэтапного развития национальной интеллигенции, охарактеризовал каждый из этапов, проанализировал отношение интеллигенции к социальному и национально-конфессиональным вопросам. Им были выделены несколько типов-этапов эволюции белорусской интеллигенции. Во-первых, это шляхетская «мелкобуржуазная», которая вышла из польско-язычной культурной среды и была «неблизко» к нуждам белорусского крестьянина. Далее — народническая (по определению Жилуновича, «Ф. Богушевич и современная ему интеллиген-

ция»),

которая представляла собой «исправленное со стороны демократизма издание той же мелкошляхетской интеллигенции». Следующий этап — это интеллигенция 90-х гг. XIX в. — «девяностидесятники», которых Жилунович разделил на два течения: шляхетско-буржуазное (Ядвигин Ш., Вацлав Ластовский и др.) и социалистическое (Карусь Каганец, Алоиза Пашкевич и др.)⁷. «Девяностидесятники» пронесли на себе всю тяжесть времен укрепления и оформления белорусского движения и «радикально» лицом повернулись к крестьянству⁸. Названные типы интеллигенции последовательно сменяли друг друга, а часто сосуществовали рядом. В целом же под интеллигенцией Жилунович понимал, прежде всего, деятелей белорусского национально-культурного и освободительного движения.

Нередко белорусские публицисты подчеркивали противоречивое воздействие на интеллигенцию такой особенности развития Беларуси, как существование ее на разломе между Западом и Востоком, западной и восточной цивилизациями. Эту черту определил поэт и публицист начала XX в. Игнат Канчевский, опубликовавший под псевдонимом Игнат Абдиралович философско-историческое эссе «Адвечным шляхам». По его мнению, эта особенность — определяющая в истории белорусской интеллигенции⁹. «Долгими веками белорусы стояли на роздорожье: один путь был направлен на Запад, другой на Восток; так наши дороги, начинаясь вместе, расходились в разные, противоположные стороны»¹⁰.

Общественно-политические события XIX — начала XX в., изменения в правительственной политике (хотя бы попытки наложить общероссийскую кальку на социальную структуру белорусского общества) определили этапы и особенности формирования местной интеллигенции. Одна из основных специфических черт, которая поставила под сомнение непрерывность развития интеллигенции Беларуси — утрата физической и нередко духовной преемственности между разными ее поколениями. Причинами этого явления стали правительственные репрессии против активистов национально-освободительного движения и участников известных восстаний XIX в. Последними очень часто становились представители творческой элиты, студенческая и ученическая молодежь. Кто избегал ареста, вынуждены были эмигри

ровать. Кроме того, неблагоприятные условия развития национальной культуры обусловили появление еще одной особенности развития интеллигенции Беларуси. Она стала донором развития культур соседних народов, что фактически привело к потере значительной части социальной элиты белорусов, обеднения местной интеллектуальной жизни. Так, бывший член студенческого общества филоматов, действовавшего среди студентов Виленского университета в 1817—1823 гг., участник национально-освободительного восстания 1830—1831 гг. Игнат Домейко вынужден был эмигрировать во Францию, а затем выехал в Чили и внес значительный вклад в изучение геологии и минерологии этой страны, стал ее национальным героем¹¹. Другой филоматовец Осип Ковалевский, который был сослан за участие в студенческих тайных организациях в Казань, стал ректором местного университета и одним из основателей российского востоковедения¹². Первая в мире женщина-профессор Софья Ковалевская происходила из белорусского шляхетского рода¹³. Уроженцы Беларуси Адам Мицкевич и Владислав Сырокомля стали классиками польской литературы. Один из основателей народнического движения в Беларуси Николай Судзиловский, вынужденный эмигрировать, стал позже президентом Гавайской республики¹⁴. Предками классика русской и мировой литературы Федора Достоевского были шляхтичи Пинского уезда¹⁵. Известный российский географ и путешественник Николай Пржевальский¹⁶ и классик французской литературы Гийом Апполинер¹⁷ также связаны с белорусской землей. Приведенные выше примеры не единственные: донорская функция интеллигенции Беларуси — это во многом проявление нереализованных на родине возможностей ее растущей социальной мобильности, и в то же время — отражение многонациональности ее состава. Титульная национальная интеллигенция составляла лишь одну из групп всей местной интеллигенции, причем не самую многочисленную и слабо оформленную.

Важное значение для судеб интеллигенции Беларуси имела социально-культурная трансформация: секуляризация образования, распространение грамотности, появление автономной личности, формирование гражданского общества и др. Причем правительственная политика в сфере образования на территории Беларуси была направлена на искусственное сдерживание развития

высшей и средней школы: ни одна из местных инициатив по открытию высших учебных заведений не была поддержана. Правительственный опыт свидетельствовал, что любой из вузов сразу же становился центром национально-освободительного движения. В распространении же начальной школы после подавления восстания 1863 г. акцент был сделан на создании церковно-приходских школ. Согласно подсчетам историка Н. Н. Улащика, в 1897 г. в Беларуси удельный вес грамотных людей среди взрослых и детей с 10 лет составил 25,9 %, в том числе среди мужчин — 36,4 %, женщин — 15,2 %¹⁸. Грамотных в городах насчитывалось 46 %. Этот показатель значительно отличался в разных этнических и конфессиональных группах. По данным переписи населения 1897 г., самым невысоким он был у белорусов. К примеру, в Минской губернии удельный вес грамотных белорусов среди молодых людей в возрасте с 10 до 19 лет составил 18,6 %, среди русских — 38,2 %, поляков — 50,4 %, евреев — 53 %¹⁹.

Статистические источники не позволяют детально показать численность, социально-профессиональный и этнический состав интеллигенции Беларуси, проследить его динамику. Материалы переписи населения 1897 г. дают сведения только о представителях «свободных профессий». Последних по белорусским уездам было зафиксировано 21434 чел., из них 15029 занимались учебной и воспитательной деятельностью, 4715 — врачебной и санитарной, 609 человек показали в качестве основного занятия работу в сфере науки, литературы и искусства, остальные — частную юридическую практику. Не всех таких представителей «свободных профессий» можно с полным правом отнести к интеллигенции. Многие, в особенности занятые врачебной и санитарной деятельностью, выполняли функции вспомогательного, обслуживающего персонала. Кроме того, по материалам переписи невозможно определить численность других профессиональных групп интеллигенции, не вошедших в разряд представителей «свободных профессий».

Начало же формирования интеллигенции Беларуси как отдельной социальной группы можно отнести к рубежу XVIII — XIX вв., когда под влиянием идей Просвещения происходил постепенный переход к культуре нового типа — культуре формирующегося буржуазного общества. Это был противоречивый

процесс. В отличие от многих европейских государств, где создание единого социокультурного пространства происходило путем завоевания третьим сословием своего собственного места в культуре верхних слоев общества, в управлении государством, в Беларуси этот процесс реализовывался часто через сознательную уступку шляхтой части своих прав в пользу буржуазии и через включение элементов традиционной субкультуры в культуру элиты²⁰.

Вхождение Беларуси в состав Российской империи замедлило этот процесс. Наличие здесь жестких сословных перегородок закрывало доступ непривилегированным группам населения к образованию и иным достижениям профессиональной культуры. В Беларуси, в отличие от великорусских губерний, в первые десятилетия XIX в. формирование интеллигенции шло не путем рекрутирования представителей третьего сословия в его ряды, а посредством привлечения части шляхты к социально-профессиональной группе лиц преимущественно интеллектуального труда²¹. После разделов Речи Посполитой Беларусь сохранила собственную социальную структуру и многоязычную, в силу исторически сложившихся условий, культуру. Первая треть XIX в. отличалась преобладанием польских общественно-культурных влияний в Беларуси. Действия императоров Павла I и Александра I по восстановлению местных традиций, иногда весьма поспешные, отсутствие целенаправленной национальной политики на белорусских землях привели к более интенсивной колонизации, чем это было в XVIII в., сферы образования, общественной жизни и даже судебно-административного аппарата. Распространению польского влияния в значительной степени способствовала деятельность администрации Виленского учебного округа во главе с Адамом Чарторыйским²². Попытка императора Николая I в первые годы своего правления изменить ситуацию ощутимых результатов не дала.

После подавления национально-освободительного восстания 1831 г. и закрытия Виленского университета проявила себя тенденция постепенного перемещения центров формирования интеллигенции за границы Беларуси. Такими центрами стали, прежде всего, высшие учебные заведения и общественно-культурные объединения Санкт-Петербурга и Москвы, а также

стран Западной Европы. Более явную роль это обстоятельство стало играть после восстания 1863 г. И только активизация национально-культурной жизни в начале XX в., издание газеты «Наша ніва», объединившей вокруг себя около двух тысяч представителей национальной интеллигенции в качестве редакционных работников и нештатных корреспондентов, существенно снизило его значение.

Творчество и взгляды представителей интеллигенции в первой половине XIX в. не всегда имели отчетливое национальное содержание. Это утверждение относится и к тем кружкам, деятельность которых заложила основу белорусского национально-культурного движения — Адама Киркора в Вильно, Винцента Дунина-Марцинкевича в Минске, Артема Вериги-Даревского в Витебске. Белорусская интеллигенция, которая группировалась вокруг них, по общественно-политическим взглядам придерживалась преимущественно либеральных позиций. Однако сказывалось то обстоятельство, что белорусы вследствие доминирования полонизаторских тенденций в культурно-политических процессах Речи Посполитой утратили большую часть своей элиты. Многократные военные разрушения на протяжении XVII — XVIII вв. привели к разорению городов и осложнили появление собственного третьего сословия. Запрещение белорусского языка, некогда государственного в Великом княжестве Литовском, для использования в делопроизводстве Речи Посполитой низвели его до ранга языка социальных низов. Постепенно отмирали его старые литературные формы, а появлению нового белорусского литературного языка никак не могла содействовать крепнущая на белорусских землях русификация.

Более того, следует отметить, что противоречивость процесса этнического становления белорусов усложнила как исторические очертания национальной идеи и в целом самоопределение белорусской нации, так и определение белорусской интеллигенцией своего национального предназначения. Политический идеал лидеров белорусского национального движения формировался под влиянием традиций государственности Великого княжества Литовского и корректировался стремительным развитием этнополитических процессов. 10 декабря 1831 г. в Париже было создано Общество литовских и русских земель, в состав которого

входили Адам Мицкевич и Игнат Домейко. Целью товарищества было изучение прошлого и экономики Беларуси, Литвы и Волыни, демонстрация мировому сообществу того факта, что население бывшего Великого княжества Литовского остается «одним из народов Европы...»²³. Позднее среди демократической интеллигенции начала 60-х гг. XIX в. сформировалась относительно небольшая группа, для которой было абсолютно понятно, что Беларусь имеет все условия для самостоятельного развития. Лидером этой группы был один из руководителей восстания 1863 г. на территории Беларуси и Литвы Константин Калиновский, который косвенно высказал идею о самостоятельности Белорусско-Литовской республики. Эта цель была достаточно популярной среди национальной интеллигенции вплоть до 1918 г., когда парламент Литвы провозгласил создание собственного государства. Поколению Калиновского и его соратников не удалось реализовать свои идеалы и, более того, оно не оставило своих непосредственных последователей. Идеи Калиновского не нашли значительной поддержки как среди шляхты, так и крестьянства, хотя Калиновский достаточно отчетливо подчеркивал понятие классовости, пытаясь опереться на крестьянство.

Время от восстания 1863 г. до революционных событий 1905—1907 гг. стало новым этапом формирования белорусской интеллигенции. Разгром восстания, кардинальные изменения в правительственной политике, буржуазные реформы 60-70-х гг. затронули общественно-политическую и экономическую жизнь, интеллектуально-духовную сферу и повседневность. Дальнейшее развитие белорусской интеллигенции было связано с противоречивым, иногда взаимоисключающим воздействием двух факторов: модернизации и унификации. Модернизационные процессы сопутствовали укреплению этнического самосознания и становлению белорусской нации. Унификация же как общее выражение российской правительственной политики и как система мероприятий по русификации западных окраин империи, оформленная после подавления восстания 1863 г., значительно затрудняла национальную культурно-просветительскую деятельность, создание политических сил и организаций. Политика системной русификации через все уровни образования и государственный аппарат, через церковь, целенаправленное давление на творческие

личности (это и жестокие расправы с участниками восстаний, и ссылки, и «выдавливание» в эмиграцию, и др.) на несколько десятилетий вперед определила ситуацию в социокультурном развитии Беларуси. Отсутствие высших учебных заведений, государственных музеев, официальных научных организаций тормозили становление интеллектуальной сферы. Легализация любой частной и общественной инициативы вызывала подозрительность властей. Наука, культурно-просветительская деятельность становились все более призванием, чем профессией. Интеллектуальная жизнь в Беларуси после 1863 г. (в отличие от периода после восстания 1830 — 1831 гг.) протекает под преобладающим влиянием русской культуры. Кроме правительственных мероприятий этому содействовали изменения в польском национально-культурном движении, в среде которого распространились позитивистские идеалы работы над экономическим ростом и цивилизованного развития Польши, гарантией чего должна была стать легальная работа. Борьба за национальное возрождение откладывалась на отдаленную перспективу.

Значительная часть творческой элиты Беларуси разделяла идеи «западно-русизма». Эта идеология сформировалась в середине XIX в. под влиянием политики русификации. Она стала одной из форм этнического самосознания части городского, населения. В самом начале своего формирования как идеологического течения «западно-русизм» имел отчасти либерально-демократическую направленность, хотя большинство его приверженцев самостоятельность белорусского этноса отрицали. В то же время данное течение объективно способствовало пробуждению этнического самосознания белорусов. Вопреки мнению правительственных кругов «западно-русисты» утверждали, что белорусы не являются частью польской нации, что необходима широкая разъяснительная работа по их национальной самоорганизации. Правда, белорусам отказывалось в праве на самостоятельность шире «локально-диалектной». Вступив в спор с идеологами польского национального движения, сторонники «западно-русизма» объективно содействовали постановке и разрешению самими белорусами вопроса о своем собственном месте в славянском мире. Один из основателей «западно-русизма» профессор истории Михаил Коялович подчеркивал значимость на-

родной интеллигенции в распространении идеологии, отмечал большую роль православного духовенства — «самого надежного источника народной интеллигентной силы»²⁴. В целом представители либерального течения «западно-русизма» (среди них известные ученые — Николай Никифоровский, Иван Носович, Алексей Сапунов и др.) внесли значительный вклад в изучение истории и культуры Беларуси, традиций ее экономической жизни и т.д.

Во второй половине XIX в. открылись и иные возможности закрепления и реализации идеи белорусской нации, продолжал видоизменяться характер этнического самосознания. Фундаментом идеологии белорусского национально-освободительного движения стала публицистика одного из классиков белорусской литературы Франтишка Богушевича. В предисловии к сборнику «Дудка беларуская», в иных произведениях он дал историко-философское и художественное осмысление судьбы белорусского народа, подчеркнул связь богатых государственно-политических традиций Великого княжества Литовского с современными задачами социального и политического возрождения народа. Более же всего не принимала прежнюю «литвинскую», «краевую» идеологию, связанную со шляхтой и прежними традициями политической жизни, местная народническая, а затем социалистическая молодежь. Она ориентировалась скорее на социальные низы, на крестьянство. Типичный пример в данном случае — деятельность в Петербурге белорусской социально-революционной народнической группы «Гомон» и издание ею одноименного нелегального журнала (1884 г.). Эти тенденции отражала и обострившаяся борьба между различными национальными группами интеллигенции за влияние на формирование гражданского сознания широких слоев населения «Северо-Западного края». Более того, представители белорусской интеллигенции, начиная с Константина Калиновского и Адама Киркора, подвергались преследованиям как со стороны представителей как польского, так и русского общественного движения. Первые обвиняли белорусов в предательстве польских национальных интересов, вторые видели в их лице замаскированных врагов России, которые служат польским экстремистам.

Однако рождение белорусской национально-культурной элиты все более становилось объективной данностью. В 1868 г. в Петербурге возникла просветительское общество «Крывіцкі вязок», члены которого планировали организовать издание литературы на белорусском языке, изучали историю Беларуси, ее культуру. Создателем этой организации был поэт Войнислав Савич-Заблоцкий. В начале 90-х гг. XIX в. в Москве и Петербурге действовали организации белорусского студенчества под руководством Адама Гуриновича, Марьяна Абрамовича и др. Большое значение имела общественная и литературная деятельность Каруся Каганца, Ольгерда Абуховича и др., работа Бронислава Эпимах-Шыпилы по развитию краеведения и сбору древностей и т.д. Были созданы Кружок молодежи польско-литовской, белорусской и малорусской, Круг белорусского народного просвещения и культуры, сделаны попытки выпуска нелегальной газеты «Свобода», создания Революционной партии Белой Руси. В 1902-1903 гг. на основе кружков Вацлава Ивановского, братьев Антона и Ивана Луцкевичей произошла политическая самоорганизация белорусского национально-освободительного движения. Была создана Белорусская революционная громада, которая несколько позднее стала называться Белорусской социалистической громадой. Эта первая белорусская национальная политическая партия была одной из немногих в пределах Российской империи, которая не ставила задач провозглашения государственной независимости, а ограничивалась первоначально достижением национальной автономии в пределах Российской демократической федеративной республики. Только после создания определенных условий — в первую очередь, оформления национального самосознания большинства населения Беларуси — считалось возможным создание независимого государства.

После революционных событий 1905—1907 гг. расширились возможности национально-культурной деятельности и агитации. Процессы этнического самосознания широко затронули различные слои населения, прошли через отдельные семьи, нередко разделив их по национальному признаку. В среде интеллигенции активизировались поиски собственной идентификации, четко очерченными оказались различные этнические группы интеллигенции. Примером в данном случае может служить судьба

братъ-

ев Ивановских. Один из них — Вацлав — стоял у истоков основания Белорусской социалистической громады, создания в Петербурге первого белорусского издательского товарищества «Загляне сонца і ў наша ваконца». Другой — Тадеуш — причислил себя к литовцам и внес вклад в развитие литовской культуры, стал академиком и директором Института биологии АН Литвы. Третий — Юрий — как и многие белорусские католики — считал себя представителем польской нации, стал государственным деятелем Польши, министром²⁵. В воспоминаниях некоторых деятелей национально-культурного движения встречаются любопытные свидетельства соревнования между белорусами и литовцами за привлечение на свою сторону представителей древних аристократических родов. Белорусской национальной интеллигенции приходилось выдерживать жесткое противодействие в проведении культурно-просветительской деятельности со стороны польского политического сообщества и российской монархической и черносотенной прессы.

Центром притяжения белорусской интеллигенции стала редакция газеты «Наша ніва», издававшейся в Вильно в 1906 — 1915 гг. «Наша ніва» составила отдельную эпоху в национально-культурном движении. Именно в этот период происходит формирование белорусской национальной интеллигенции как социальной группы в современном представлении. До этого работали отдельные представители или небольшие группы образованных людей, культурно-просветительских деятелей, которых условно можно отнести к национальной интеллигенции. Теперь в ее среде происходит унификация, постепенное стирание различий между православной и католической группами, которые были ощутимыми на протяжении XIX в. и поддерживались правительственной политикой²⁶. «Нашей ніве» удалось объединить «пропольское» и «пророссийское» течения белорусского движения. Это произошло на основе социалистической идеологии, что ограничивало социальную базу белорусского движения, делало его заведомо ослабленным. Издатели газеты отчетливо дистанцировались от местной дворянской, шляхетской интеллектуальной элиты, рассчитывали на формирование новой интеллигенции из числа крестьян, что несколько видоизменило и усложнило процессы этнической консолидации среди белорусов. Разработанная на

страницах «Нашей нівы» белорусская национальная идея позволила интеллигенции освоить категории современной нации, способствовала росту ее социальной активности. Противникам белорусской идеи стало гораздо сложнее опровергать признание прав на самостоятельность белорусской нации, ее языка, литературы и культуры²⁷.

«Наша ніва» выступила в качестве организационного и духовного центра многочисленных белорусских национальных культурно-просветительских обществ. С распространением легальных периодических изданий («Беларус», «Лучынка» и др.), музыкально-драматических кружков, издательских товариществ и т.д., появившихся после 1906 г., возникли новые формы и направления интеллектуальной жизни. В 1908—1910 гг. были предприняты попытки создания частных белорусских школ. На съезде в Вильно 25 мая 1907 г. был основан Белорусский учительский союз, который ставил цель реорганизации системы образования на демократической основе для подъема гражданского самосознания и культуры народа. С 1910 г. на страницах «Нашей нівы» начал печататься первый обобщающий труд по национальной истории — «Краткая история Беларуси» Вацлава Ластовского, где нашло отражение концептуальное видение интеллигенцией собственной истории и этнического самосознания. В 1909 г. были созданы «Гродненский кружок белорусской молодежи» и белорусский кружок среди студентов Юрьевского (Тарту) университета, в 1911 г. — Белорусский музыкально-драматический кружок. Возникают также Белорусский литературно-научный кружок студентов Петербургского университета, Кружок белорусов в Копыле, Кружок любителей «Нашей нівы» в Минской духовной семинарии, распространение получают любительские и профессиональные белорусские театральные постановки и многое другое. Все эти организации, культурно-просветительские мероприятия были связаны между собой духовно и являлись свидетельством роста творческих и институциональных контактов представителей белорусской национальной интеллигенции.

Обобщая вышесказанное, можно наметить в развитии белорусской национальной интеллигенции и ее взглядов с начала XIX в. до Первой мировой войны следующие основные этапы: 1) первая треть XIX в.; 2) период между восстаниями 1830—1831 гг.

и 1863 г.; 3) 1863—1905 гг.; 4) 1906—1915 гг. (до прекращения издания газеты «Наша ніва»). На протяжении всего рассматриваемого времени сосуществовало два альтернативных пути самовыявления национально-культурного движения, белорусского этноса и интеллигенции: первый опирался на литвинско-шляхетские традиции, «краевый» литвинский патриотизм, восходящий от государственно-политических идеалов Великого княжества Литовского и сохранявший преемственность с историко-культурным наследием некогда могущественного средневекового государственного образования. Но к концу XIX в. приоритетность в силу различных причин, в том числе процессов модернизации и унификации белорусских губерний, приобрел второй путь, основанный на возрождении и популяризации белорусской традиционной культуры, создании современной нации посредством этнокультурной и социальной эмансипации крестьянства. Он торился белорусской интеллигенцией, представлявшей революционно-демократическое и социалистическое направления национального движения. Главный итог ее культурно-просветительской деятельности — формирование современного представления о белорусской нации и соответствующей ей национальной интеллигенции. Однако интеллигенция не достигла достаточного уровня социальной зрелости для реализации в полной мере своих национально-политических идеалов, несмотря на самопожертвование и создание собственной политической партии — Белорусской социалистической громады. Это ярко проявилось в период революционных событий 1917 г., когда наибольшие споры вызывали вопросы определения основ и перспектив строительства белорусской государственности. Разногласия по этой проблеме привели к неоднократным расколам и дифференциации в среде белорусских национально-политических кругов и к распаду Белорусской социалистической громады. Состоявшийся в декабре 1917 г. I Всебелорусский съезд (конгресс) принял решение об автономии Беларуси в составе демократической России. Сторонники немедленного провозглашения независимости на съезде оказались в меньшинстве. Уже в этот период среди белорусских национальных деятелей сформировались два основных лагеря, которые символизировали пути становления государственности: с одной стороны те, кто ориентировался на

советскую

власть

и

стал

ини-

циатором создания Белорусской советской республики; с другой — организаторы провозглашения Белорусской народной республики. Перед белорусской интеллигенцией в очередной раз встала задача осмысления пройденного пути, изучения опыта предшественников. Даже восприятие сущности белорусского Возрождения начала XX в., характеристики его деятелей были разными в подаче представителей новой волны белорусской национальной интеллигенции — Федора Турука и Александра Бурбиса, — и Владимира Пичеты, который как русский интеллигент, но создатель белорусского университета написал о своем понимании белорусского национального движения и позиции его деятелей, правда, уже находясь в застенках ОГПУ по «делу Платонова»²⁸.

Не детализируя дальнейшую эволюцию белорусской интеллигенции, можно сделать предварительный вывод о том, что в 1917—1920-х гг. в новых политических условиях окрепли как известные ранее так называемые «родовые» черты и функции интеллигенции, кроме того, стали формироваться и новые, специфичные черты, определившие как усиление конформизма, прежде всего педагогической и научной интеллигенции Беларуси, так и новые формы ее неконформистских умонастроений в отношении к социалистическим преобразованиям и политике властей. Этот вывод дает основание для утверждения об определенном ее общественно-политическом феномене, исключительной роли интеллигенции не только в оценке происходящего, но и в непосредственном влиянии на него, в том числе, что особо важно, на сферу политики, на принятие решений на государственном уровне.

Такие оценки процесса формирования и деятельности интеллигенции в XIX — начале XX в. в определенной степени подтверждаются современными примерами, если брать в расчет период суверенного развития Республики Беларусь. Очевидно, что в эти годы белорусская интеллигенция, как и интеллигенция почти всех постсоветских государств, стала одной из наиболее активных сил, оказывающих мощное влияние на побудительные мотивы и результаты бурно происходящих коренных преобразований. В то же время есть основания констатировать и факт продолжения ее неконформизма, что, с одной стороны, можно считать проявлением сущностных свойств интеллигентов, все под-

вергать сомнению и искать идеальные формы общественного и политического устройства, а с другой — незавершенностью процесса формирования истинно белорусской, патриотически-воспитанной и настроенной интеллигенции.

Вполне обоснованно можно говорить о существовании социокультурного феномена интеллигенции разных периодов истории. Общее, что характеризует интеллигенцию в целом достаточно внимательно исследовано представителями сложившейся на сегодня нового научного направления — интеллигентоведения как самостоятельной отрасли исторического и в целом гуманитарного знания. Вместе с тем требуют дальнейшего углубленного изучения, по крайней мере, два аспекта. Во-первых, особенности проявления в общественно-политической практике качеств именно национальной интеллигенции. Этот аспект тем более важен, когда речь идет о периодах формирования национальных государств, утверждения их суверенитета, а для Беларуси — и с учетом затянувшегося процесса национальной самоидентификации. Второй аспект напрямую вытекает из первого: важно изучение поведенческих настроений и действий интеллигенции именно на переломах истории. В этой связи белорусская история дает много возможностей, чтобы проследить, как и в связи с чем менялось отношение интеллигенции к происходившим процессам и почему периоды ее общественной гиперактивности сменялись чуть ли не упадничеством. Кроме того, следует признать необходимым углубленное изучение государственной политики по отношению к национальной интеллигенции: как и в связи с чем она видоизменялась, каковы ее результаты, т.е. как эта политика влияла на существенные черты представителей различных отрядов интеллигенции.

Этот аспект, как представляется, может иметь практический выход: помочь налаживанию продуктивного взаимодействия между властными институтами и национальной интеллигенцией. Прошедший в начале декабря 2007 г. I-й съезд ученых Беларуси только подтверждает правомерность такого рода исследований, которые позволят лучше понять роль интеллигенции в формировании белорусского общества, выстраивании его институтов, укреплении скреп между обществом и властными структурами, то есть — если исходить из утвердившейся в историогра-

фии

дефиниции — даст возможность приблизиться к разрешению «проблемы конструирования социальности».

В общеисторическом и научном плане для современных историков Беларуси важное значение имеют несколько исследовательских направлений. Среди них можно выделить:

- определение форм и направлений общей социальной активности интеллигенции Беларуси как граждан Российской империи и на этой основе — выявление специфических черт ее национальной ориентированности;

- определение роли территориально-географического фактора (а не только общественно-политического) в проявлении белорусской интеллигенцией своих интеллектуальных предпочтений, а также социальной активности (например, в XIX в. можно наблюдать в ее среде явное пророссийское и пропольское тяготение, вызванное не только умонастроениями или полученным образованием, но и самим фактом проживания на том или ином побережье);

- дальнейшее изучение обстоятельств и последствий, вытекающих из-за отсутствия на белорусской земле в XIX — начале XX в. полноценной системы высшей школы, что, с одной стороны, снижало общественный потенциал малочисленной белорусской интеллигенции, но с другой, вызывало повышенную политическую радикализацию той ее части, которая, преодолевая все трудности, смогла получить университетское образование в российских или зарубежных учебных центрах;

- анализ сущностных параметров и характеристика политики российского самодержавия в области образования в целом и университетского образования, в частности (прежде всего, имея в виду масштабы Виленского учебного округа);

- изучение роли и значения «старой» российской интеллигенции в углублении понимания сущности «белорусской национальной идеи», построении основ белорусской государственности, становлении науки и высшей школы советской Беларуси и др.;

- исследование конформистских и неконформистских черт в поведении и деятельности первого поколения белорусской советской интеллигенции, принимая в расчет, что в 20-е гг. (в особенности) и в некоторой степени в 30-е годы со всей очевидно-

стью проявлялась как конформистская позиция «старой» интеллигенции, так и резкое противостояние с властями молодой национальной интеллигенции, сформировавшейся в условиях социалистического строительства. Причины этому можно искать и в общей характеристике ментальности интеллигенции, и в необычности условий новой жизни, и в изломах политики советских властей, и в нереализованных планах белорусской интеллигенции, направленных на строительство «настоящего» национального государства;

- полноценное исследование (на уровне монографических и диссертационных работ) социокультурного и политического феномена созданного в 1921 г. Белорусского государственного университета (а вскоре и Института белорусской культуры), ставшего опорной точкой развития всей системы советской высшей школы и науки Беларуси;

- определение влияния политических изменений периода «крутого перелома» на рубеже 20—30-х годов на сущностные характеристики белорусской советской интеллигенции;

- системный анализ процессов, происходивших в Беларуси на рубеже 20—30-х гг., когда стал очевидным рубеж в эволюции «первой волны» советской интеллигенции Беларуси, когда эйфория революционных преобразований вовлекла в социалистическое строительство не только национально ориентированные слои белорусских интеллектуалов, но и выдающихся деятелей академической науки и университетского образования России и других регионов разрушенной империи. Глубокие модернизационные процессы, шедшие в 20—30-е гг. во всех сферах жизни советской Беларуси, определили и основные направления перманентного реформирования структурной организации, методических приемов, кадрового наполнения и всей общей методологии политических решений в отношении интеллигенции (в чем интеллигенция приняла самое непосредственное участие, нередко выступая инициатором важнейших решений как позитивного, так и негативного, репрессивного характера).

Творческие, профессиональные и общие жизненные установки той части российской и советской интеллигенции, представители которой являлись уроженцами Беларуси, во многом были сориентированы именно на реализацию собственных интеллекту-

альных возможностей во благо «малой родины». Поэтому их целевые установки существенно отличались от устремлений интеллигенции общероссийской или советской. Особенно ярко это проявлялось в условиях революционных потрясений, когда в Беларусь приехали многие из тех, кто видел перспективу использования самобытности белорусской культуры для создания на ее основе высокой научной и образовательной сферы как залога формирования белорусской государственности. Поэтому интеллигенция была не простым исполнителем установок на проведение, например, «белорусизации» и «коренизации», а выступала активной и инициативной силой. Вместе с тем на этапе революционных преобразований значение и роль советской интеллигенции, в том числе и белорусской, стали определяться степенью проявления лояльности (и умением ее продемонстрировать) к еще очень неустойчивой в 20—30-е годы политической системе.

Этот вывод подтверждается (об этом говорилось выше) той позицией, которые занимали интеллигенты Беларуси (Северо-Западного края Российской империи) во второй половине XIX — начале XX в., изучая природные богатства края в многочисленных экспедициях, гонимые властями как университетские профессора, участвуя в общественно-политическом, а тем более повстанческом движении и т.д. Определение влияния основных трех факторов (российского, польского, национально-белорусского), а также фактора политического на умонастроение и деятельность (профессиональную и общественно-политическую) является одним из важнейших приоритетов исследовательских интересов современных белорусских историков-интеллигентоведов. Конкретизация этих аспектов становления и эволюции белорусской интеллигенции сопряжена с общими методологическими проблемами осмысления социального предназначения и роли интеллигенции на различных этапах истории. Обращает на себя внимание тот факт, что в историографии — как белорусской, так и зарубежной (в первую очередь российской и украинской) — не существует единого подхода к оценке сущностной роли интеллигенции в процессах, отражающих причинно-следственные связи и последствия эволюции общественных и государственно-политических институтов. Более глубоко научная традиция определяет роль интеллигенции в трансформации культуры. Однако в

последние

де-

сятилетия пристальное внимание стало уделяться именно исследованию «особой» миссии интеллигенции в цивилизационном движении человечества. В данном случае в контекст научного анализа все плотнее стало вплетаться даже определение сущностных характеристик самой дефиниции «интеллигенция». Правда, и здесь очевиден огромный разброс мнений исследователей. В то же время, казалось бы, очевидные особенности национальной интеллигенции (в контексте, разумеется, российско-советской истории) еще не стали предметом специального исследования, хотя современная историография России склонна к изучению так называемой интеллигенции «региональной», «провинциальной» и т.д. Такое положение подтверждает правомерность целевых установок белорусских историков на углубленное исследование специфики проявления «родовых» черт интеллигенции на национальном и региональном уровнях.

Одной из составляющих этих исследований является изучение как процесса адаптации интеллигенции к социально-политическим условиям, так и, с обратной стороны, проявления властных установок по отношению к ней. В данном случае следует считать правомерным утверждение о том, что в XX в. существенно изменилась политика государства по отношению к интеллигенции вообще и к национальной, в частности. Новая власть создавала условия для формирования «новой» интеллигенции не только в конкретно-личностном плане, но и в плане безусловного понимания ею, прежде всего, политических задач. Интеллигенция методично «воспитывалась» и формировалась в различных образовательных системах (прежде всего в высшей школе) как некий проводник государственной политики в широкие народные массы. Поэтому вряд ли можно относиться к ней как к некой социальной «прослойке». Роль и значение умственного труда, а вместе с тем и интеллектуальные возможности его приложения в сфере общественно-политической, на путях глубоких революционных и модернизационных сдвигов XX в. колоссально возросли. Следует говорить об определяющем влиянии интеллигенции в это время на все сферы общественной и государственной жизни.

Примечания

- ¹ Публицистика белорусских народников. Нелегальные издания белорусских народников (1881 — 1884) / Сост., подгот. текстов С. Х. Александровича и И. С. Александрович. Минск, 1983. С. 20.
- ² Там же. С. 29.
- ³ Там же. С. 39.
- ⁴ Там же. С. 70.
- ⁵ Багдановіч М. Новая інтэлігенцыя // Збор твораў: У 2 т. Мінск, 1968. Т. 2. С. 202.
- ⁶ Каганец К. Творы. Мінск, 1979. С. 62—63.
- ⁷ Жылуновіч З. Беларуская інтэлігенцыя ў гістарычным аспекце // Польша. 1926. № 6. С. 78—79.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам. (Даследзіны беларускага сьветагляду) // Вобраз — 90: Літаратурна-крытычныя артыкулы. Мінск, 1990. С. 45.
- ¹⁰ Там же. С. 48.
- ¹¹ Цвірка К. Яго імя названы гарады і горы // Дамейка І. Мае падарожжы. Мінск, 2002. С. 5—18.
- ¹² Грицкевич В.П. От Немана к берегам Тихого океана. Минск, 1986. С. 149—167.
- ¹³ Кавалеўская (Корвін-Крукоўская) Софія Васілеўна // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мінск, 1996. Т. 3. С. 517.
- ¹⁴ Иосько М. И. Николай Судзиловский-Руссель. (Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение.). Минск, 1976. С. 5—6.
- ¹⁵ Адамовіч А. М., Баравік Р. І. Дастаеўскі Федар Міхайлавіч // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Мінск, 1998. Т. 6. С. 60.
- ¹⁶ Пржавальскі І. Ф., Ярмоленка В. А. Пржавальскі Мікалай Міхайлавіч // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Мінск, 2001. Т. 13. С. 36.
- ¹⁷ Апалінер Гіём // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1996. Т. 1. С. 415.
- ¹⁸ Улацкіц Н. Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии // История СССР. 1968. № 1. С. 109.
- ¹⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. XXII. Минская губерния. Табл. XIV, XV. Для определения этнической принадлежности населения использованы данные переписи о родном языке. Несмотря на определенную относительность этих данных — это единственный наиболее достоверный источник для

- изучения процессов, связанных с национальным составом населения Беларуси на рубеже XIX — XX в.
- ²⁰ *Куль-Сяльверстава С. Я.* Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. — 1820-я гады. Мінск, 2000. С. 259.
- ²¹ Там же.
- ²² *Довнар-Запольский М. В.* История Белоруссии. Минск, 2003. С. 293—297.
- ²³ *Цвірка К.* Ігнат Дамейка // Філаматы і філарэты. Зборнік. Мінск, 1998. С. 281.
- ²⁴ *Цьвікевіч А.* “Западно-руссизм”: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мінск, 1993. С. 222.
- ²⁵ *Пазднякоў В.* Іваноўскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мінск, 1996. Т. 3. С. 467.
- ²⁶ *Подгайская Л.* Роля паўстанняў 1794, 1830—1831 і 1863—1864 гг. у фарміраванні ўяўленняў пра беларуска-ліцьвінскую шляхту // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 7. С. 3 — 10.
- ²⁷ *Унучак А. У.* «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906—1915 гг.). Аўтарэф. ... дыс. канд. гіст. навук. Мінск, 2005. С. 11—12.
- ²⁸ *Бурбіс А.* Кароткі агляд беларускага нацыянальна-рэвалюцыйнага руху // Вестник народного комиссариата просвещения ССРБ. 1921. № 1—2; *Турук Ф.* Белорусское движение // Очерки истории национального и революционного движения белорусов. Москва, 1921; Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. № П-65245 (В 19 т.). Т. 19. С. 119 — 136.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ БЕЗДОННОСТИ: СОФИЙНЫЙ МАРИНИЗМ В. А. ЖУКОВСКОГО

Интеллигенция должна говорить...
о самомышлении *сущего*.

А. Ф. Лосев

Это незабываемый день жизни —
первое откровение океана...

Отец Сергей Булгаков

Софиологическое учение, являющееся специфическим *самомышлением тотальности*, иными словами, *интеллигенцией* в старинном лосевско-шеллингианском смысле, принято ассоциировать с именем отца Сергея Булгакова прежде всего. Благодаря его творческим усилиям, мы обнаруживаем софийные планы существования не в теоретических абстракциях и произвольной

© Океанский В. П., Океанская Ж. Л., 2008

Океанский Вячеслав Петрович — доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии, заведующий кафедрой культурологии Шуйского государственного педагогического университета; преподаватель Библейско-богословского института апостола Андрея (Москва).

Океанская Жанна Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной этики и культурологии Ивановского института ГПС МЧС России; докторант кафедры культурологии Шуйского государственного педагогического университета.

мистике, но на ниве жизненной конкретики: «Есть предустановленное для каждого откровение Софии в его рождении и в его родине»¹. Разумеется, в качестве софийной родины может выступать и родина души... Несмотря на беспрецедентную систематическую разработку в знаменитой булгаковской книге «Свет не вечерний» (1917 г.), софиологию никак нельзя ограничить ни религиозно-философскими исканиями начала XX века, ни «софийными началами русской литературы XIX—XX веков»², ни даже Новым временем, к чему, по-видимому, склонялся ученик о. Сергия — протоиерей Георгий Флоровский, указывая истоки софиологии в новой германской мистике, в «зачарованности немецкой философией»³. Как отмечал сам С. Н. Булгаков, «наиболее полное из *дошедших до нас* учений о софийности мира, зародившихся в эллинизме, мы имеем в учении Платона об идеях, или о двух мирах»⁴. Оставляя здесь открытым вопрос о доантичном мифогенезисе Софии, можно говорить и об особых формах поэтической софиологии⁵, с разной степенью интенсивности присутствующих в словесном поэтическом творчестве, особенно в тех пластах лирического наследия, которые принято квалифицировать как «философские» и «романтические». Как показывают новейшие филологические исследования поэтики Жуковского⁶, ее конститутивность имеет прямое отношение к софийной концептосфере и присущей ей весьма специфической религиозной интенциональности. Причем, очень важно иметь в виду, что рассматриваемый далее поэтический текст не просто хрестоматийен (в отличие, скажем, от не менее софийных стихотворений «Лалла Рук», «Явление Поэзии в виде Лалла Рук», стихотворной притчи «Тленность» и др.), но и глубоко символичен для этого поэта-романтика, когда художественный мир оказывается космологической проекцией жизненного дара, а малая часть наследия становится манифестацией его сокровенного Целого.

Стихотворение В. А. Жуковского «Море» было написано в 1822 году. Впервые оно опубликовано в альманахе «Северные цветы на 1829 год» (СПб., 1828). Подзаголовок «Элегия» дан в последнем, пятом прижизненном издании «Стихотворений В. Жуковского» (СПб.; Карлсруд, 1849). В рукописном оглавлении этого издания, где произведения разнесены по жанрам, Жуковский поместил это стихотворение в разделе «Смесь»⁷. Поэтический

текст «Море» передает экзистенциально обогащенную самим присутствием образа автора платоническую двуплановость Бытия:

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо, ты дышишь, смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою.
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земных неволи
Далекое, светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистого его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подымаешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганные волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает,
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

Мы говорим здесь исходно о некоей двуплановости Бытия, ссылаясь на поэтический текст. Где эти ядерные центры, которые собирают каждый план в отдельности, и как они соотносятся друг с другом? Чем представлены они в тексте? Что вообще выступает универсальным способом раскрытия образно-символической структуры Бытия в литературном художественном произведении, в данном случае — в поэтическом тексте?

Говоря о Бытии, раскрытом в художественной словесности, обратимся к онтологической теории слова, имплицитно заложен-

ной в софиологических представлениях: «Слово есть мир, — пишет о. Сергей Булгаков, — слово *космично* в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично...»⁸ Для Булгакова, как и для близких к нему в этом отношении представителей русского философского имяславия о. Павла Флоренского и А. Ф. Лосева, слово есть прежде всего имя, понятое как «энергия сущности», реальный опыт причастности Бытию.

Итак, какими же именами — ядерными словами — представлены два плана Бытия в данном стихотворении Жуковского? Даже с точки зрения частотного анализа поэтической лексики очевидно, что «море» и «небо» выступают как наиболее выраженные лексические единицы: «море» пять раз (четыре раза в тексте и один раз в названии) называется непосредственно и еще двадцать один (!) раз автор обращается к морю, употребляя местоимение второго лица «ты»; «небо» четыре раза именуется непосредственно, и еще шесть раз автор упоминает «небо» в третьем лице, используя местоимение «его»... Обратим внимание на устойчивое и вполне определенное различие местоименных залогов, которые автор избирает по отношению к «небу» и «морю»: с последним автор на «ты», можно сказать, что «море» для Жуковского экзистенциально, тогда как «небо» остается в метафизической инаковости — в пространстве «оно».

Стихотворение уже изначально своим названием и первой строкой обращено к морю. Автор обращается к морю... Но к чему обращено море? Что является этим *идеальным планом море-обращенности* в стихотворении? Со всей очевидностью это — небо, представленное, между тем, в экзистенциальном модусе «оно», в некоей метафизической инаковости — в отчужденности. Но, как оказывается, отчужденность — не есть метафизическая черта самого неба, напротив, оно «тянет к себе». Отчужденность характеризует море и автора, обращенного к нему; иными словами, план реальный — земной — представлен здесь в отчужденности от неба, в «неволе»... Почему? О чем тут идет речь?

Оставим пока решение этого вопроса и объясним возникновение параллелизма: душа героя — море. В определенном смысле

автор приближен к романтическому герою; образ автора появляется во второй строке: «Стою очарован над бездной твоей...» В шестой строке, после очередного обращения-повтора «Безмолвное море, лазурное море...» автор просит у моря раскрытия некоей предельной тайны: «Открой мне глубокую тайну твою».

И более он, казалось бы, ничего не говорит здесь о себе, — все остальное о небе и море: сначала — взывающие вопрошания, потом — повествование, в заключении следует некий вывод об онтологическом состоянии моря...

Автор стоит очарованный над бездной и всматривается в ее тайну. Но это не просто стояние на берегу или на палубе корабля и восхищение морским простором — такой ландшафтной или хотя бы реальной точки опоры здесь попросту нет: автор *стоит над бездной*, — это есть некое метафизическое стояние, некое экзистенциальное бодрствование, из которого нельзя упасть или ускользнуть. «Каждый, — отмечал католический теолог Р. Гвардини, — будучи однажды поставлен Богом в самом себе, не может быть ни замещен, ни подменен, ни вытеснен»⁹. Перед нами — метафизика человеческого лица или «пейзаж души», как иногда определяют пейзаж Жуковского. Вот что пишет о такой экзистенциологии пространства С. Н. Булгаков: «Обычно страшимся приближаться к тем безднам, истоптанными тропами срединности бродим в жизни безбедной. Но не для сонного покоя, — сыном бездн, повитым грозой и опасностью, сотворен человек... На безднах утверждено бытие человека, от них не укрыться под кушей обыденности...»¹⁰

Море — это человеческая душа, преданная долу, но которую «из земных неволи» «тянет» к себе небо... Душа человеческая, согласно Тертуллиану, по природе своей христианка — В. В. Розанов на свой лад возражал ему, говоря, что душа-то людская по природе своей язычница. Стихотворение как раз и передает в образе моря эту противоречивость и экзистенциальную неустроенность человеческой души... Об этом говорили разное: «душа на земле — Постороннее», — писал Г. Тракль в стихотворении «Весна души»; душа на земле — «странное иное», она «принадлежит земле в качестве странного иного», между прочим, не сводимого ни к чему, — так истолкована эта строка в парадоксальном движении мысли хайдеггеровского антиплато-

низма; согласно самому платонизму, душа — странница и тень во времени, исходно обреченная нахождение сквозь время в поисках метафизического приюта — вечного одухотворенного покоя. Платоновский мир вечных «эйдосов» (светов, зримых лишь умными сверхчувственными очами) имеет патристический аналог в представлении о духовном небе — ангелическом мире. Человек находится на земле только в пути — отнюдь не дома: «Лисицы имеют норы, — говорит сам Христос, — и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф., 8:20). Жуковский воспроизводит в стихотворении «Море» эту христианско-платоническую двуплановость человеческой души, одновременную принадлежность «двум мирам»: горнему (небу) и дольному (земле).

При обращении к церковной библейской экзегезе мы, однако, уже не можем ограничиться психоделически односторонней моделью «душа героя — море». Тем более что философической эстетике русского романтизма были приоткрыты и глубины куда большие, нежели религиозные потуги платонизированного психологизма. Так, Л. П. Карсавин называл романтизм «неудавшейся попыткой Запада вернуться в Православие, ему неведомое, но до некоторой степени им предугадываемое»¹¹. Речь идет о включенности в духовный опыт ортодоксальной традиции. Это важно для нас, если учесть некоторые западные обертоны в мышлении рассматриваемого поэта: отмеченный психологизм, неогностический дуализм, теологический катафазис — выступают неотъемлемыми чертами религиозных переживаний Жуковского, запечатленных не только в его поэтике, но и в ряде апологетических статей¹². Между тем, «В. А. Жуковский, — как справедливо отмечал о. Александр Мень, — подходил к Священному Писанию с кротостью и простодушием старинного человека. Человека, находящегося под влиянием немецкого пиетизма, благочестия, который перелагал, не мудрствуя лукаво, библейские сюжеты»¹³. Иными словами, культурная соотнесенность с европейским романтизмом вносит некоторые коррективы на уровне нюансировки художественного мира, но не меняет коренным образом *библиоцентризма* поэтики Жуковского.

Святоотеческое предание Церкви дает еще по крайней мере два коннотата для дальнейшего осмысления образа моря. Если

первый мы только что определили как *психологический*, то два последующих назовем *космогоническим* и *эсхатологическим*. Они соотносимы с началом и концом Священного Писания соответственно. Остановимся сначала на *космогонии*.

Известный современный экзегет, профессор Московской Духовной Академии и семинарии, протоиерей Борис Пушкарь так характеризует космогонический план первой главы библейского текста: «Во втором стихе Книги Бытия, обращая внимание на первоначальное состояние новосозданной материи, Моисей называет ее, во-первых, *землею*, потому что земной шар был потом образован именно из этой первоматерии, во-вторых, *бездною*, указывая этим на ее беспредельность и необозримость для человеческого глаза, и, наконец, *водою*, означая этим неустойчивость, подвижность, разреженность первобытного вещества сравнительно с современным состоянием материи. < ... > Над этой бездной праматерии была *тьма*. Это выражение Бытописателя можно истолковать в том смысле, что это первичное состояние праматерии недоступно человеческому познанию. Это вещество предстоит перед человеческим сознанием как “бездна”, неисследуемая ни “вглубь”, ни “вширь”»¹⁴.

Здесь мы видим, что *земля* — *бездна* — *вода* поставлены в некое метафизическое соответствие. Поэт, таким образом, стоя над бездной, всматривается в *тайну мироздания*, пытается вслушаться в то, что в софиологической традиции именуется «душой мира», в ту меональную глубину, где мир был во власти «хаосогенных» сил, которые скрывает под своим покровом красоты и гармонии космос... Поэт усматривает *смятение и страх*, укоренившиеся в бездне, но не открывает нам их метафизических причин. Как христианин он хорошо знает об изначальном восстании против Бога и падении в бездну третьей части ангелов, сотворенных прежде всего прочего, равно как и о сочетании с уже падшими ангелами первоначального человечества в райском саду. Этот экзегетический план имплицитно заложен в замысле и *неявно* присутствует в поэтике стихотворения, имеющего христианскую телеологию. Подчеркнем, что речь идет тут не о гностической «падшей Софии» и не о «покаянии Софии»¹⁵, но именно о *софийном отражении* падения части ангелических сил...

Для нас важно, однако, то, что — как четко явствует из поэтической метафизики стихотворения «Море» — *небо* (Бог) не отступается окончательно от *мира* (моря), равно как и *мир* (море) не может найти себя в отчуждении от *неба* (Бога). Середина стихотворения содержит манифестацию гармонического сопряжения и со-устройства, со-зеркалья неба и моря:

Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.

Перед нами — святоотеческая картина описания феозиса вселенной, обожения твари, одухотворения мироздания. «Нигде, — подчеркивал о. Сергей Булгаков во время перехода через Атлантику на пароходе “Европа”, — я думаю даже на высоких горах, нет такого откровения небесного свода, как над океаном. Этот гигантский купол, в котором нет бездны, но есть бесконечная глубина, этот до конца пронизанный светом разума солнечный бог, который объемлет темную и непросветленную, но им любовно и нежно просветляемую праматерь жизни... бездну. Нет слов, чтобы выразить на человеческом языке эту славу небесного свода, смотрящего в воды»¹⁶.

Но для нас важно сохранение символического плана «откровения Софии в океане»¹⁷, при котором образы природного мира свидетельствуют о связи его превосходящей метафизической реальности с «ответным», «приемлющим» *внутренним* миром человека, «ибо все в человеке, и этот океан, и эта бескрайняя бездна, это предварное *все...*»¹⁸. Преп. Исаак Сирийский отмечал в своих «Словах подвижнических»: «Лестница в Небесное Царство находится внутри тебя: она существует таинственно в душе твоей»; и дальше еще более сильно: «Небо находится внутри тебя, если ты чист»¹⁹. Об этом же свидетельствуют даосские мысли древнего Китая: «В чистом сердце поселяется небо»²⁰.

Но это «идеальное» состояние зеркального сопряжения (нейтрализованной оппозиции, устранения раз-лада) неба и моря неустойчиво в стихотворении Жуковского: оно, как все «идеаль-

ное», желаемо, но недостижимо, призрачно и, в лучшем случае, скоротечно во времени... Два раза названное «безмолвным» (то есть причастным «исихии», высшему метафизическому покою, небу православной традиции!), «море» Жуковского обнажает свою *инаковость* его «небу»:

Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье...

Есть еще коннотат (наряду с психологическим и космогоническим) к образу моря, названный нами *эсхатологическим*. В двадцать первой главе Апокалипсиса св. апостола-евангелиста Иоанна Богослова первый стих звучит так: «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и *моря уже нет*» (курсив наш. — В. О., Ж. О.). В святоотеческой литературе образ моря часто соотносим с *бездною житейского моря*, в водах которого нам всем суждено плыть. Рассекая бранные волны этого моря, Церковь, уподобляемая св. отцами кораблю, устремлена к берегам вечной жизни «восьмого дня», ведомая по этому брэнному преходящему миру своим Всевышним Кормчим — то есть Богом (об этом свидетельствуют не только многочисленные тексты святоотеческих поучений, но и поэтические образы многих богослужебных молитв). В стихотворении Жуковского нет образа Церкви-корабля, но мы можем утверждать, что все житейское море смутно предчувствует в своих мятежных водах некий абсолютный эсхатологический исход — потерю неба:

Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

Остановимся теперь на композиционных особенностях этого стихотворения, самым непосредственным образом связанных здесь с поэтической софиологией имени. «По определению В. В. Виноградова, *композиция — это система динамического развертывания словесных рядов в сложном словесно-художественном единстве*²¹. С другой стороны, очевидно, что *композиция — это художественное целое в пространстве, организованное ядерными именами, гравитационно собирающими вокруг себя лексические ансамбли*. Номинативная стихия несет в себе глубочайшую символическую реальность, подлежащую адекват-

ной герменевтической реконструкции в контексте символического миропонимания, заложенного в глубинах церковной традиции и исконно присущим ей топологическим символизмом.

Ядерные имена, организующие онтологическую возможность вертикального *двоемирия*, здесь — «море» и «небо». Они собирают вокруг себя все остальные слова, характеризующие противоположные миры стихотворения. «Море» (эпитеты-адъективы: безмолвное, лазурное, живое, дышащее, смятенное, тревожное, бездонное, необъятное, напряженное, любующееся, любящее, обманчивое, страшашееся, сражающее, волнующее, воющее, бьющееся) соотнесено с такими субстантивами, как «дума», «тайна», «лоно», «грудь», «неволя», «тревога». Софийный аспект «моря» позволяет говорить о его антропо-геоморфности, о метонимической причастности к «нижнему» миру. «Небо» же (эпитеты-адъективы: далекое, светлое, влекущее, чистое, светозарное, лазурное, светлое, золотое, блестящее, ясное, таинственное, сладостное, жизнедарящее, возвращенное) соотнесено с надмирными субстанциями, говоря церковным языком Хомякова и Булгакова, «Света невечернего»: «лазури», «вечернего и утреннего света», «облаков», «звезд», «блеска», «тишины». Софиология «неба» указывает на его тео-ангело-морфность, метафизическую первоверховность.

Интересно, что часть своих качеств небо сообщает морю:

Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его...

И, может быть, даже вернее будет сказать, что небо, воздействуя на море своим «чистым присутствием», пробуждает у моря эти качества как уже его собственные: таким образом, адъективные эпитеты «сладостное» и «таинственное» следует отнести к морю. «Лазурность» выступает как общее качество моря и неба, имеющее, однако, уранический внеземной источник: «Ты льешься его светозарной лазурью...»

На основе сказанного раскроем софиологический смысл опорных слов и окружающих их номинативных ансамблей. «Идеальный мир» Жуковского вне всякого сомнения — небо; но идеал, как всякий идеал в романтической системе координат, недостижим. В этом слабая сторона романтизма — христианство, сближа-

ясь во многих отношениях с романтизмом (что, кстати говоря, позволило Гегелю позитивным образом отождествлять эти понятия), более реалистично в отношении своего идеала. В поэтике Жуковского синкретически слиты христианские и романтические элементы, и это придает особую доминанту психологической рефлексии, благоприятствующей для развития элегического жанра...

Софиологически прочитываемое здесь христианство Жуковского принципиально романтично и латентно гностично. Так, «далекость» неба указывает на его «идеальность» в смысле недостижимости, невозможности мистической реализации уранической полноты. Однако есть эпитеты, четко проявляющие церковную метафизику неба: например, «возвращенные небеса» указывают на Христа-Спасителя, открывающего падшему и искупленному человечеству путь в царство небесное; на Св. Духа — «жизни подателя» — указывает образ «жизнедарительности» небес; «сладостное» небо отсылает нас к богослужебному молитвенному рефрену «Иисусе сладчайший, помилуй нас!»; «облака золотые» указывают на отсвет «золотого века», с одной стороны, и блики «города золотого» — Небесного Иерусалима, с другой; «тишина» выступает имплицитным аскетическим признаком благодати (ср.: демоны приходят с шумом!), умиротворяющей исихией. Само «безмолвие» моря оказывается возможным лишь на фоне тишины «возвращенного» неба!

«Реальный мир» Жуковского представлен онтологическим планом «моря». Поэт всматривается в него и обнаруживает его *метафизическую неполноту, неполноценность при отсутствии «идеального» божественного благодатного покрова*, «которым посетил нас Восток свыше» (Л., 1:78). Эта неполнота выражена *признаками беспокойства* (о чем свидетельствуют многие эпитеты: бьющееся, волнующееся, воющее, страшщееся, напряженное, смятенное, тревожное...) и даже борьбы (сражающееся).

Зададимся закономерным вопросом: что же нарушает гармоническое сопряжение «моря» и «неба», то «идеальное» их состояние, которое мы отметили уже в качестве образно-именного плана середины стихотворения (11—16 строки)? Вне всякого сомнения — вторжение «темных туч». Как только гармония «небо — море» устанавливается, *сразу* (автор передает это не в союзе «когда же», а в самой последовательности повествования, —

союз же относится уже к последующему повествовательному плану, к метафизике сопротивления) «собираются темные тучи»; их единственная цель: «отнять (!) ясное небо». Таким образом, в христианском контексте осмысления «темные тучи» могут быть прочитаны как указание на пришествие демонов, всячески противостоящих установлению в человеческой душе небесной гармонии. У святых отцов часто встречается уподобление демонов и их полчищ «темным тучам», а их предводитель именуется «воздушным князем» (Еф., 2:2).

Следующий повествовательный план (после тире) может быть прочитан в контексте аскетической борьбы, заканчивающейся поражением, демоническим пленением и беснованием:

Ты бьешься, ты воешь, ты волны подымаешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...

Именно в таком помраченном тревогою состоянии («полное прошлой тревоги своей»!) душа не дает водвориться в себе небесному покою и умиротворению. Здесь опять появляется глубочайший христианский план, связанный с проблемою покаяния и аскетической борьбы.

«Итоговое» состояние моря замечательно передает духовную энергетику грешной человеческой души, находящейся в дольнем странствии, в между-царствии «рая» и «ада», потерянного и гнетущего, прошлого и будущего... В потоке космического времени остается открытой «идеальной» перспективой состояние полного феозиса — «онтологического коммунизма бытия», по о. Сергию Булгакову, — что обращает само мировое время в сквозную эсхатологию. Святым, однако, открыты иные софийные планы и горизонты, позволяющие говорить о возможности некоего экзистенциального апокатастазиса. Так, например, преп. Исаак Сирин плакал даже о демонах: «Что такое сердце милующее? Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы. От великой и сильной жалости, объемлющей сердце и от великого терпения умиляется сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью»²².

Вернемся к сюжетно-композиционным особенностям поэтического текста. *Сюжет есть художественное целое во времени*, однако в лирическом стихотворении, где практически всегда более выражен композиционный аспект художественного целого, конституированного субъективным переживанием, некоторым сюжетным замещением выступает сама смена композиционных планов. Здесь может быть предложено несколько взаимодополняющих вариантов вполне традиционного анализа. Согласно *логико-тематическому* принципу, композиция состоит из пяти частей: 1) метафизика отношения «я» и «моря» (1—4 строки); 2) обращение к «морю» (5—10 строки); 3) гармония «небо — море» (11—16 строки); 4) вторжение туч и их победа, потеря покоя (17—20 строки); 5) духовный результат (21—28 строки). По принципу *антитезы* композиция может быть разделена на три части: 1) обращение к морю (1—10 строки); 2) присутствие неба (11—16 строки); 3) отсутствие неба (17—28 строки). С точки зрения интонации композицию можно разделить на две части: 1) обращение к морю, с последовательными доминантами звательной и вопросительной интонации (1—10 строки); 2) повествование о море (11—28 строки). Однако уровень поэтической софиологии имени реализуется не только в сфере значения, но и прежде всего в сфере мелодики, реализации мелодического принципа организации художественного целого. И вот здесь нас ждет весьма любопытное наблюдение над имманентным софийным планом мелодической композиции стихотворения: мелодика по степени звучности вообще не дает оснований для раздела композиции на четко фиксированные структурные части, но вслушивание в нее вызывает креативную деконструкцию самой идеи композиции как некой логически сочлененной системы с переходом к реконструкции витального гармонического шума морского прибора. Об этом свидетельствуют равномерные чередования сонорных, шипящих, глухих звуков, создающих величественную музыкальную картину, однако лишенную какой-либо четкой доминанты в звучности (например, сонорные вполне уравниваются шипящими, поглощающими в себе высокую звучность). Не о бытийной пустыне «равнодушной природы» говорит этот шум мировых вод, но о софийном единстве мира, к которому мы, скорее,

прислушиваемся, нежели видим его с несомненной очевидностью, и которое, скорее уж, само иконологически смотрит на нас, всматриваясь в наше скоротечное бытие с обетованием высокого призвания, предначертанного человеку свыше...

В заключение отметим, что всякое подлинно художественное слово, имея софиологическую проективность, с разной степенью интенсивности актуально проявляет ее. Так, в знаменитом стихотворении А. С. Пушкина «К морю», которое часто сопоставляют с элегией Жуковского, более выраженным оказывается не софиологический, но персонологический план. Причем, это связано и с личностью лирического героя (у Пушкина — в полной противоположности Жуковскому — она принципиально активна!), и с жанровой усложненностью пушкинского текста, и, самое главное, с онтологическим статусом идеала: у Жуковского (идушего здесь вослед за немецкими романтиками) идеал — небо, недостижимый абсолют, намагничивающий всякое бытие, и это — вполне софийный сюжет; у Пушкина же идеал — свободное море, идущий от английских романтиков пафос эгологической стихии. Но поэт здесь прощается со своим байронизмом, отказывается от бывшего идеала, а это совсем иная — вдвойне антисофийная! — ситуация, близкая к шопенгауэрианству.

«Многие предметы нашего созерцания, — писал Шопенгауэр, — производят впечатление высокого тем, что по их пространственной величине или их глубокой старине, следовательно, временной продолжительности, мы рядом с ними чувствуем себя умаленными до ничтожности и тем не менее блаженствуем в отраде их созерцания: таковы высокие горы, египетские пирамиды, колоссальные развалины из глубокой древности»²³. Это, разумеется, тоже поэтическая софиология, но как бы вывернутая наизнанку. Хотя, конечно, это уже совсем другая тема...

Примечания

¹ Булгаков С., прот. Моя родина (Посвящается моей жене) // Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. Paris, 1991. С. 7.

² Крохина Н. П. Неподвижное солнце любви: О софийных началах русской литературы XIX—XX веков. Иваново, 2004.

- ³ См.: *Пушкаръ Б., прот.* Священная Библейская История. Ветхий Завет // Лит. учеба. 1992. № 1—3. С. 492.
- ⁴ *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения // Булгаков С. Н. Первообраз и образ: Соч.: В 2 т. М., 1999. Т. 1: Свет не вечерний. С. 197.
- ⁵ *Ширшова И. А.* Поэтическая софиология Ф. И. Тютчева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2004.
- ⁶ *Виницкий И. Ю.* Поэтическая историософия В. А. Жуковского: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
- ⁷ *Жуковский В. А.* Море // Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 1. С. 414.
- ⁸ *Булгаков С. Н.* Философия имени // Булгаков С. Н. Первообраз и образ. Т. 2: Философия имени. Икона и иконопочитание. С. 25—26.
- ⁹ *Гвардини Р.* Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 146.
- ¹⁰ *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний... С. 170.
- ¹¹ *Карсавин Л. П.* [Предисловие] // Хомяков А. С. О Церкви. Берлин, 1924. С. 12.
- ¹² См., напр.: *Жуковский В. А.* Бог // Вера, молитва, любовь: Сб. Вып. 1. М., 1994. *Жуковский В. А.* О молитве // Там же.
- ¹³ *Мень А., прот.* Библия и литература: Лекции. М., 2002. С. 129.
- ¹⁴ *Пушкаръ Б., прот.* Указ. соч. С. 82.
- ¹⁵ *Плотин.* Против гностиков // Плотин. Космогония. М.; К., 1995. С. 266.
- ¹⁶ *Булгаков С., прот.* На пароходе «Европа» // Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. С. 116.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: «Отечник» или краткое собрание изречений свв. Отцов о жизни христианской, составленное на основании трудов еп. Игнатия (Брянчанинова). М., 1991.
- ²⁰ См.: Афоризмы старого Китая. М., 1988.
- ²¹ Цит. по: *Горшков А. И.* Русская словесность: От Слова к словесности. М., 1997. С. 236.
- ²² Цит. по: *Туниманов В.* Роман о прекрасном человеке // Достоевский Ф. М. Идиот. М., 1971. С. 629.
- ²³ *Шопенгауэр А.* Избранные произведения. М., 1993. С. 437.

Е. С. Соколова

**«НЕ ЧЕСТЬ, А ПОЧЕСТИ ЛЮБЯ...»
Размышления о социокультурном контексте
сословного идеала А. С. Пушкина**

Поиск самоидентичности во все времена являлся ведущей чертой индивидуального сознания, аккумулируя в себе как впечатления частного характера, полученные человеком прошлого в ходе повседневной жизни, так и опыт социальной практики. Несколько лет назад Ю. Л. Бессмертный справедливо обратил внимание научного сообщества на проблему многоликости в конструировании дихотомии «индивид — общество», отметив бесперспективность дискурса, основанного на признании безусловной первичности либо за феноменом личности, либо за социальной группой, с которой данная личность отождествляет себя¹. Приведенный вывод представляет большой интерес для всех отраслей гуманитарного знания, в том числе и для историко-правовой науки, схематизм которой в сфере анализа юридической природы социальных явлений обоснованно подвергается критике. Традиционная апелляция историков права к сословной концепции государственной школы стремительно утрачивает свои методологические позиции. Учитывая тенденцию современной социальной истории к разграничению действительной реальности и детерминирующих ее правовых определений, стремление государственников к исследованию основных тенденций сословного правотворчества императорской России можно оценивать лишь как подготовительный этап изучения юридических аспектов российской социальной структуры дооктябрьского периода. Существенное расширение границ историко-правовой науки будет в перспективе достигнуто за счет обновления исследовательской проблематики, основанного на сопоставлении ведущих социальных инициатив в законодательной сфере с частными представлениями отдельных

© Соколова Е. С., 2008

Соколова Елена Станиславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург).

лиц о социокультурной значимости той или иной страты и степени юридических преимуществ занимаемого ими статуса.

Ярким примером стремления образованной элиты первой трети XIX в. к конструированию собственной сословной парадигмы, отличной от представлений верховной власти о месте дворянства в политической системе Российской империи, является публицистика А. С. Пушкина. Размышления поэта о сословном предназначении дворянина были тесно связаны с осмыслением ключевых проблем русской истории. Составной частью социокультурного наследия цивилизованного народа он считал развитие «аристократического начала», которое полностью отсутствует лишь там, где царит варварство, основанное на полном пренебрежении высшего сословия к участию «в общем преуспевании... отечества». По мнению поэта, продуманная государственная политика в сфере образования высшего сословия являлась единственным надежным средством для формирования прочного политического союза между самодержавием и дворянством в целях разумного содействия мыслящей дворянской молодежи благополучию и процветанию России. В 1826 г., защищая перед Николаем I право молодых дворян на свободное обучение в европейских университетах, Пушкин вспомнил пример Н. И. Тургенева. По словам поэта, автор «Опыта теории налогов», воспитанный в Геттингене и близкий к кругам декабристов, «отличался посреди буйных своих сообщников нравственностью и умеренностью — следствием просвещения истинного и положительных познаний»².

Существует немало косвенных свидетельств хорошей осведомленности Пушкина о специфике социально-экономической концепции, изложенной на страницах тургеневского трактата. Вернувшись из Европы, Н. И. Тургенев с 25 августа 1816 г. занял должность помощника статс-секретаря Государственного совета по департаменту экономии. Из его переписки с братом Сергеем Ивановичем известно, что петербургские интеллектуалы высоко ценили чистоту слога, силу вдохновения и литературный вкус молодого Пушкина, с которым новоиспеченный имперский чиновник довольно быстро стал делиться мыслями о политическом состоянии государства и степени соответствия европейской экономической теории хозяйственной системе, основанной на крепостном труде. В ноябре 1817 г. Н. И. Тургенев сделал несколько

записей в дневнике, по содержанию которых можно заключить о том, что в Пушкине он нашел умного и образованного собеседника, способного обсудить сочинения Ж. Б. Сея в контексте сопоставления экономических систем меркантилистов и физиократов. Подобно своему литературному герою будущий создатель «Онегина» еще в лицейские годы старался «быть с веком наравне», читая Адама Смита, с произведениями которого знакомил своих воспитанников адъюнкт-профессор права А. П. Куницын, другой выпускник Геттингенского университета. Он же рекомендовал Пушкина Н. И. Тургеневу в качестве члена «Журнального общества», которое было организовано в январе 1819 г. с целью подготовки периодического издания, посвященного вопросам истории, статистики, российского законодательства и экономической теории³.

В книжном собрании Пушкина отсутствовало издание «Опыта теории налогов», экземпляры которого официально разыскивались и уничтожались под влиянием событий 14 декабря 1825 г. На библиотечных полках поэта сохранился лишь номер «Сына Отечества» со статьей Н. И. Тургенева, озаглавленной «Нечто о рецензии, помещенной в 4-м номере “Духа журналов”». Отвечая на замечания критиков, Тургенев проявил себя сторонником справедливого распределения налогов «между всеми гражданами государства» в соответствии с принципом равенства перед законом. Высказываясь за сохранение экономических преимуществ дворянства, он рассматривал высшее сословие как слой, необходимый для поддержания стабильности государства и зажиточности народа. Данный тезис нашел свое продолжение в пушкинском наследии 1830-х гг. в связи с размышлениями поэта об историческом предназначении аристократии⁴.

В полемической статье «Путешествие из Москвы в Петербург», направленной против антидворянских настроений А. Н. Радищева, Пушкин по-своему интерпретировал мысль Тургенева о необходимости строить экономическую политику государства с учетом интересов дворян-землевладельцев. «Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков», — писал поэт, защищая правовые и имущественные интересы дворянского сословия. Он крайне негативно оценивал последствия указа Анны Иоанновны от 17 марта 1731 г. об отмене

единонаследия, на основе которого ее преемники последовательно вели курс на дробление помещичьих хозяйств, способствуя их неуклонному обнищанию. По мнению Пушкина, именно это обстоятельство привело к тому, что «древнее русское дворянство... упало в неизвестность и составило род третьего состояния»⁵.

Рассуждения поэта о взаимозависимости между продуманной системой государственного хозяйства и сохранением высокого статуса дворянского землевладения способствовали росту его интереса к проблемам экономической теории. Получив в дар от М. Ф. Орлова его книгу «О государственном кредите», Пушкин обратил внимание на вывод автора о том, что стабильная финансовая система способствует укреплению социальной опоры государства при любой форме правления. Обеспокоенный имущественными проблемами дворянства, поэт проявил интерес к рекомендации Орлова отказаться от принципа всеобщего налогообложения, который всегда «более или менее истощает капиталы... и тем самым препятствует полному развитию народного богатства». Отвергая мысль Орлова об опасности возникновения всеобщей нищеты под воздействием даже самой совершенной налоговой системы, Пушкин писал: «...налог может отозваться на всех состояниях, но объективно падает на одно (отсель ошибка физиократов или налога на землю, падающего на земледелие и нечувствительного множеству других сословий)». В данном случае симпатии поэта полностью оказались на стороне Н. И. Тургенева, который отвергал под влиянием теории А. Смита идею государственного займа, направленную на использование избыточных капиталов в интересах «общего блага». Мысль о возможном экономическом унижении дворянства противоречила сословной гордости Пушкина, основанной на высокой оценке правовой сущности аристократических преимуществ «касательно собственности и частной свободы»⁶.

В статье «Джон Теннер», написанной летом 1836 г. для журнала «Современник», поэт, анализируя представительную систему США, упоминает хорошо знакомый ему «славный» труд А. де Токвиля «Демократия в Америке» как образец аристократической парадигмы политического мышления. Подобно Пушкину, Токвиль придавал огромное значение дворянству, наделенному преимуществом независимости суждений, которое возникло бла-

годаря отсутствию равенства возможностей в сословном обществе. Именно период господства аристократии обогатил, по мнению Токвиля, европейскую культуру «высокими понятиями о достоинстве... человека», направляя личность «к высокой области мысли», свободной от увлечения утопией «высшего блага и абсолютной истины». Оценивая потенциал демократии, Токвиль опасался возникновения господства посредственности, уничтожающей семейные традиции и связь между поколениями ради стремления к внешнему комфорту⁷.

Проблемы разрушения исторической памяти волновали и Пушкина, для которого самым значимым в книге Токвиля являлось стремление автора показать отсутствие родовых традиций «в народе, не имеющем дворянства». Абсолютизация демократического идеала, способная поддержать лишь узкопрагматическую модель науки, в рамках которой «общество начинает искать... только в себе причину явлений», противоречила представлениям Пушкина о сущности исторического знания. В его публицистике не раз настойчиво повторяется мысль о том, что прошлое народа воплощено прежде всего в истории дворянства. «Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие», — утверждал поэт в 1828 г.⁸ Пушкин был убежден в том, что именно фамильные традиции создают из аристократов просвещенных граждан, способных стать «непосредственными предстателями» интересов народа перед государством. «Неуважение к предкам» расценивается в пушкинской публицистике как основной признак «дикости и безнравственности» общества. Работая над «Историей Петра», поэт подверг резкой критике тенденцию российского сословного законодательства к демократизации социального состава дворянства, спровоцированную принятием «Табели о рангах» 1722 г. По мнению Пушкина, ошибка царя-преобразователя состояла в уничтожении нравственной силы потомственного дворянина, которая прежде состояла в осознании исторического величия его предков, формируя самостоятельность образа мыслей и поступков. Социальный итог петровских реформ был, таким образом, сведен к уничтожению условий, необходимых для «приуготовительного воспитания» единственного сословия, способного составить славу и благополучие Отечества⁹.

Проанализированные фрагменты пушкинского наследия демонстрируют устойчивую тенденцию к конструированию модели социокультурной идентичности, основанной на неформальном способе правового самоопределения, парадигма которого во многом не соответствует законодательным инициативам императорской власти, направленным на бюрократизацию дворянства и нивелировку его качественного состава. Учитывая социальную неоднородность высшего сословия, дворянская интеллектуальная элита первой трети XIX в. не могла надеяться на конструктивный диалог с самодержавием по поводу объема юридических преимуществ, достаточных для сохранения чувства сословной чести. В свою очередь, верховная власть не торопилась создавать предпосылку для укрепления внутрдворянской корпоративности, сознательно сохраняя множественность социальной структуры с подвижными межсословными границами вертикального типа. Правительственный идеал «надсословной монархии» последовательно вытеснял из российского законодательства образ «дворянской империи», столь привлекательный для элитных кругов потомственного дворянства.

Примечания

- ¹ *Бессмертный Ю. Л.* Индивид и понятие частной жизни в средние века: (В поисках нового подхода) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003. С. 490.
- ² *Юзефович М. В.* Воспоминания о Пушкине // Русский архив. 1880. № 3. С. 435—445; *Пушкин А. С.* О народном воспитании // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949—1951. Т. 7. С. 45—46.
- ³ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу (1811—1821). М.; Л., 1936. С. 235—267; Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Т. 3. С. 92, 261 и далее.
- ⁴ См.: Сын Отечества. 1820. № 9. С. 99.
- ⁵ *Пушкин А. С.* Путешествие из Москвы в Петербург // Указ. соч. Т. 6. С. 568.
- ⁶ *Орлов М. Ф.* О государственном кредите // Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 98, 107—113 и далее; *Пушкин А. С.* Заметки при чтении книги М. Ф. Орлова «О государственном кредите» // Указ. соч. Т. 7. С. 539; *Он же.* О дворянстве // Там же. С. 537.

⁷ *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. Киев, 1860. Т. 3. С. 14—15, 46—47, 63.

⁸ *Пушкин А. С.* Отрывки из писем, мысли и замечания // Указ. соч. Т. 7. С. 58.

⁹ *Пушкин А. С.* Гости съезжались на дачу // Указ. соч. Т. 6. С. 569; *Он же.* О дворянстве. С. 537; *Он же.* История Петра // Указ. соч. Т. 9. С. 413—415.

И. В. Дмитриевская

О НООСФЕРНОСТИ ПЬЕС А. П. ЧЕХОВА

Ранее в наших работах мы обращали внимание на ноосферность текста¹. Посылкой к определению ноосферности служит формулировка ноосферного закона: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество. Понимая ноосферу как системно организованное всеобщее², выделяем три уровня организации: концептуальный, содержательно представленный информацией, структурный — энергетический, субстратный — вещественный. Системообразующие уровни — концепт и структура, ноосферное единство управляется информационно-энергетическими процессами. Ноосфера порождает и поддерживает жизнь как внутри системы, так и в окружающей среде. Процессы, созданные трудом и разумом человека, но направленные на уничтожение жизни и целостности систем, на наш взгляд, неноосферны. В природе и обществе постоянно наблюдается как положительная, так и отрицательная динамика ноосферности: уровень ноосферности любого развивающегося явления может возрастать или уменьшаться в борьбе с неноосферными явлениями.

Определение ноосферы не опирается на метафизическую структурную традицию: ноосфера не есть обособленное «тело»,

© Дмитриевская И. В., 2008

Дмитриевская Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ФГОУ ВПО «Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева».

ограниченное пространственно. Ноосфера — качественно понимаемая вещь; ее важнейшие качества — сохранение целостности системы, ее жизнеспособности, гармоничное отношение между ее главными характеристиками — информацией, энергией, веществом (ноосферный закон). С этой точки зрения, ноосферными свойствами может обладать любое явление, в том числе и личность: ноосфера не вещь, но свойство или отношение. В каждом человеке свойство ноосферности может рождаться, расти или умирать. Между людьми также могут складываться ноосферные или неноосферные отношения. Среда обитания является ноосферной или нет, социум обладает разным уровнем ноосферности и т. п. Ноосферность относительна, и это не противоречит ее объективности: по диалектике свойства и отношения так же объективны, как и вещи³.

Ноосферный текст формирует ноосферное мироощущение и миропонимание. Прочитав его, человек ощущает прилив энергии, чувствует себя психологически целостным, духовно творчески настроенным, физически здоровым, жизнеспособным. Для того, кто воспитан в европейской культурной традиции, *путь жизни* — доминантная константа мироощущения и миропонимания. Именно на нее ориентировано содержание понятия «ноосфера».

Ноосферный текст обладает такими характеристиками: 1) жизнеутверждающим содержанием, 2) креативной, творческой функцией, 3) он строит, сохраняет или транслирует системно-информационную целостность, 4) в его содержании и форме реализуется ноосферный закон. Эта трактовка ноосферности вписывается в христианскую культурную традицию, согласно которой физическая смерть человека не предполагает духовной смерти, а является переходной ступенью к жизни вечной: «смертью смерть поправ». Восприятие ноосферного текста зависит от тезауруса реципиента, который должен быть открыт и релевантен для такой информации. Для этого нужны не только природные способности, но и желание их развить. Ноосферный текст воспринимается как любая другая специфическая информация, скажем, музыка, живопись, математика или иностранный язык.

Обладают ли признаками ноосферного текста пьесы А. П. Чехова? «Прекрасному человеку», как указывалось, прису-

щи признаки ноосферной личности⁴; в его характеристике выражается действие ноосферного закона: прекрасные душа и мысли — это информационно-энергетическая составляющая личности, лицо и одежда — вещественная. Прекрасные мысли и чувства генерируют энергетику души, которая структурирует вещество: человек красив, привлекателен, хорошо одет.

Признак ноосферности как конституирующий для личности героев А. П. Чехова динамичен. Некоторые из них ноосферны изначально и стабильны в этом качестве (Соня, сестры Прозоровы, няня Марина, Войницкий), другие утрачивают его (Иванов, Треплев), третьи боятся утратить (Астров), четвертые развивают в себе свойства ноосферного человека (Нина Заречная), пятые, утрачивая духовность, близки к полной утрате ноосферности (Елена Андреевна, Андрей Прозоров, Тригорин, Аркадина), шестые неноосферны или антиноосферны изначально (Серебряков, Наташа, Соленый).

В пьесах всегда существует персонаж, судьба которого является ключом к разгадке глубинного смысла произведения. Это природа. В «Чайке» — убитая чайка и живая, свободная и гордая птица, колдовское озеро; в «Дяде Ване» молодой лес Астрова и гибнущие леса; в «Трех сестрах» — далекая и прекрасная Москва и разрушительный пожар в провинциальном городе; в «Вишневом саде» — весенний, цветущий сад и он же, трещащий под топором. Природа ноосферна.

Судьба природы, отношение к ней героев пьес символизируют степень ноосферности самих героев и контекста, в котором они существуют. Ноосферные герои идут путем жизни и дарят жизнь окружающему миру. Неноосферные — разрушают природу, других людей и, в конечном счете, самих себя.

Примеры ноосферного отношения к природе.

А с т р о в. Вот ты глядишь на меня с иронией, и все, что я говорю, кажется тебе несерьезным и, быть может, это в самом деле чудачество, но когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немного и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью («Дядя Ваня»)⁵.

Т у з е н б а х. Мне весело. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет. Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь. Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе («Три сестры»)⁶.

Пример ноосферной личности — Соня из пьесы «Дядя Ваня».

С о н я. Что же делать, надо жить! Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, что бог сжалился над нами и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем. Я верую, дядя, верую горячо, страстно. Мы отдохнем, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка⁷.

Неноосферная личность — Соленый из пьесы «Три сестры».

С о л е н ы й. Он и ахнуть не успел, как на него медведь надел... Старик волнуется напрасно. Я позволю себе немного, я только подстрелю его как вальдшнепа. (*Вынимает духи и брызгает на руки.*) Вот вылил сегодня целый флакон, а они все пахнут. Они у меня пахнут трупом⁸.

Ноосферность второстепенных героев.

М а р и н а (*подходит к Серебрякову нежно*). Что, батюшка, больно? У меня у самой ноги гудут, так и гудут (*Поправляет плед*). Это у вас давняя болезнь. Вера Петровна, покойница, Сонечкина мать, бывало, ночи не спит, убивается... Очень уж она вас любила. Старые, что малые, хочется, чтобы пожалел кто (*Целует Серебрякова в плечо*), а старых никому не жалко... Пойдем, батюшка, в постель... Пойдем светик... Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею. Богу за тебя помолюсь... («Дядя Ваня»)⁹.

Ф и р с. А Леонида Андреича еще нет, не приехал. Пальто на нем легкое, демисезон, того и гляди, простудится. Эх, молодо-зелено... («Вишневый сад»)¹⁰.

Признаки ноосферного диалога свойственны диалогам в пьесах А. П. Чехова. *Ноосферный диалог*, как и ноосферный

текст, обладает свойствами креативности, жизнестворности, способностью сохранять или восстанавливать психологическую целостность собеседников. Неноосферный диалог, напротив, разрушает личность, безинформативен, психологически тяжел. К ноосферным относятся диалоги сестер Прозоровых друг с другом, диалог Маши и Вершинина («Три сестры»), диалоги между Гаевым и Раневской, между Гаевым и Фирсом («Вишневый сад»), между Соней и Войницким, Соней и Астровым, няней Мариной и Серебряковым, няней Мариной и Соней («Дядя Ваня») и т. п. Неноосферные диалоги — между Соленым и Чебутыкиным, Соленым и Тузенбахом, Соленым и Ириной, Наташей и Ольгой («Три сестры»). Как ни странно, большая часть диалогов в пьесе «Чайка» — неноосферна: люди не понимают и не хотят понять друг друга и, более того, совершенно равнодушны к жизни другого. Таким же свойством обладают диалоги в «Иванове», от невозможности построить ноосферный диалог, понять другого, погибает главный герой пьесы. Утрачивая ноосферность, диалог вырождается в монолог, что указывает на психологическую смерть самого героя или его собеседника. Скажем, диалоги профессора Серебрякова с близкими явно неноосферны и ведутся с позиции *«поставы»*, когда профессор считает себя ведущим, доминантным собеседником, а окружающих низводит до уровня фона. Диалог постепенно вырождается в монолог, в котором высказывается убийственная для Войницкого и Сони идея о продаже имения («Дядя Ваня»). Так же внутренне монологичны реплики Соленого; он символизирует смерть, поэтому все его реплики неявно ставят резкую грань между жизнью и смертью, проявляют крайнюю степень непонимания им другого человека. Особенно это свойство проявляется в диалоге Соленого с Чебутыкиным, когда оба говорят о разных вещах («черемше» и «чехартме»), но Соленый упрямо не хочет принять абсурдности такого диалога («Три сестры»). Неноосферны диалоги Треплева с Аркадиной, в которых слова матери буквально убивают сына; Треплева с Ниной Заречной в финале пьесы «Чайка», где Нина фактически произносит монолог о том, как она понимает смысл жизни вообще и смысл собственной жизни в частности, не замечая, что больно ранит Треплева своей отчужденностью и равнодушием, и это

подталкивает Треплева к самоубийству. Динамика ноосферности-неноосферности, сведение диалога к монологу символизирует движения героя от жизни к смерти, показывает, что по мере осуществления «пути смерти» усиливается отчуждение и проявляется внутреннее одиночество человека. Творчески конструктивное стремление к уединению и самобытности вырождается в реальность разрушающего одиночества.

Пример ноосферного диалога — диалог между Машей и Вершининым в пьесе «Три сестры».

В е р ш и н и н. Так я говорю, какая это будет жизнь! Вы можете себе только представить... Вот таких, как вы, в городе теперь только три, но в последующих поколениях будет больше, все больше и больше, и придет время, когда все изменится по-вашему, жить будут по-вашему, а потом и вы устареете, народятся люди, которые будут лучше вас... Сегодня у меня такое особенное настроение. Хочется жить чертовски... (По-ет.) Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны... (Смеется.)

М а ш а. Трам-там-там...

В е р ш и н и н. Там-там...

М а ш а. Тра-ра-ра...

В е р ш и н и н. Тра-та-та... (Смеется.)¹¹.

Пример неноосферного диалога между Чебутыкиным и Соленым в пьесе «Три сестры».

Ч е б у т ы к и н. И угощение было тоже настоящее, кавказское: суп с луком, а на жаркое чехартма — мясное.

С о л е н ы й. Черемша вовсе не мясо, а растение, вроде нашего лука.

Ч е б у т ы к и н. А я вам говорю, чехартма — баранина.

С о л е н ы й. А я вам говорю, черемша — лук.

Ч е б у т ы к и н. Что же я буду с вами спорить, вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

С о л е н ы й. Не ел, потому что терпеть не могу лука. От черемши такой же запах, как от чеснока¹².

А. Цофнас соотносит ноосферность с многоликостью Разума. Вслед за Ж. Делезом, провозгласившим «шизофрению» маргинальных разумных структур, он выделяет две основные ипостаси ноосферы — «теплую», порождающую «теплую картину мира», и «холодную», которая порождает «холодную картину мира»¹³. Первая связана с субъективностью, интуитивностью сис-

темообразующего отношения, эросом, поэтическим началом мировосприятия и т. п. Вторая, напротив, с рациональностью, системной завершенностью картины мира, логосом, объективностью и т. п. На наш взгляд, «холодный мир» — это, в конечном счете, мир, обездушенный и обезличенный, тот мир, к которому приводит некритичная технизация бытия и сознания, умерщвление «живого разума», изгнание из внутренней структуры личности «бога живого человека». Именно этот смысл обездушенного не столько разума, сколько рассудка, является причиной использования достижений науки и техники не во благо, а во вред человеку и человечеству, отрицательных последствий научно-технического прогресса. Эта ипостась научной картины мира вовсе не является ноосферной. Ноосферна лишь «теплая картина мира», в которой господствует чеховский «бог живого человека», поскольку она не бездушно креативна, а животворна.

Если провести параллель с творчеством А. П. Чехова, то не только в его драматургии, но и вообще в творчестве можно увидеть взаимодействие «холодного» и «теплого» миров, и соответственно, путь рассудка и путь сердца, путь смерти и путь жизни, путь неноосферного бытия и ноосферного бытия. У Чехова есть всецело ноосферные произведения, и далее можно выстроить в ряд произведения, в которых показано, как разрушается ноосферность бытия человека, каким образом человек с пути жизни встает на путь смерти. Причем, речь идет главным образом не о физической смерти, а о духовной и о смерти души. Смерть всегда знаменует переход от «теплой картины мира» к «холодной», напротив, воскресение, очищение, возрождение — переход к «теплому миру» из «холодного» или из хаоса и неопределенности.

Наибольшей ноосферностью из прозаических произведений А. П. Чехова обладает повесть «Степь». Мир дан глазами ребенка на уровне мироощущения, а не миропонимания¹⁴; сильно утверждение гармонии человека с природой, ноосферность выражена и на уровне субъекта восприятия мира и на уровне контекста, ноосферны и человек и природа. Налицо все свойства ноосферного человека в образе героя повествования Егорушки — креативность, жизнеутверждающее мироощущение, гармоничное слияние с природой, психологическая и физическая целостность, выражение ноосферного закона в последовательности событий,

безусловно, «теплая картина мира». Аналогично ноосферны произведения, в которых мир воспринимается глазами «природных существ» — животных («Каштанка», «Белолобый»).

Нарушение ноосферного мировосприятия, исчезновение «теплой картины мира» у Чехова связано с воздействием серого, будничного, бездуховного, размывающего контекста (например, рассказ «Ионыч»). Даже Егорушке Чехов (в письмах) не пророчит необыкновенной светлой жизни, считает, что его герой будет жить как все — буднично, или в конце концов сопьется. Другой вариант разрушающего контекста — не серое окружение, а само время, естественное старение («Скучная история»).

Герой «Скучной истории» профессор Николай Степанович размышляет: «В моем пристрастии к науке, в моем желании жить... и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинах, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего»¹⁵.

Третий вариант движения человека к «холодной картине мира», по не-ноосферному пути — душевная болезнь, «бог живого человека» подменяется «дьяволом» («Палата № 6», «Черный монах»). Дьявол может быть внешним, все тот же будничный контекст непонимания («Палата № 6»), именно он разрушает личность и толкает на путь смерти, и внутренним, когда большой манией величия человек губит ноосферное окружение («Черный монах»). Герой «Палаты № 6» Иван Дмитриевич Громов страдает психозом навязчивых состояний, но в периоды просветлений разума или ремиссии — это очень умный, критичный, креативный человек и отличный собеседник. Болезнь искажает его психику, но сам он никого не разрушает, напротив, беседы с ним, когда он в спокойном состоянии, доставляют удовольствие. Собеседник — это врач, Андрей Ефимович Рагин, впоследствии тоже обитатель палаты № 6. Рагин, по существу, психически здоров: это тонко организованный, интеллектуальный, деликатный человек, единственной странностью которого является стремление избегать

общества грубых и навязчивых людей, действующих разрушающе на психику, да умение общаться с больным Грозовым, сохраняя и поддерживая в нем интеллект и волю к жизни в периоды ремиссии. И если Грозова в «холодный мир» палаты № 6 в какой-то мере толкнула болезнь, то Рагин попал в эту страшную реальность исключительно по воле близких, «друзей», деструктивного, неноосферного контекста. Чехов показывает, насколько неопределенна и подвижна граница между разумным существованием и безумием, как условны критерии того и другого, и как люди, лишённые «теплого сердца», могут ввергнуть ближнего в пучину безумия.

В «Черном монахе» критерии отличия «нормального» состояния от душевной болезни определены более четко. Герой рассказа, Коврин, болен манией величия. И хотя он в состоянии эйфории мыслит себя креативным, мудрым, сильным, счастливым, жизнеспособным и здоровым, талантливым и даже гениальным, беседуя с призраком, с черным монахом, пытаясь дать и самому призраку и своему состоянию материалистическое объяснение, — он безжалостно убивает то ноосферное окружение, в котором существовал раньше и которое любил: гибнет прекрасный сад Песочного, умирает тесть, тяжело заболевает жена Таня.

В повести «Степь» носителем ноосферности является сама природа — степь, и все населяющие ее существа одухотворены. Это и земля, и растения, и животные, и люди, которые, решая свои насущные и ежедневные проблемы, вынуждены передвигаться в этом бескрайнем, соизмеримом только с вечностью, пространстве. Но есть в этой повести люди — носители ноосферного мироощущения и миропонимания: сам Егорушка, священник о. Христофор Сирийский, счастливый молодожен Константин, случайно встретившийся обозу в степи, у костра, старик-возчик Пантелей. Всем присуще чувство гармонии с природой и благоговения перед жизнью, непосредственное постижение высшего закона бытия. Чехов своеобразно группирует образы героев повести, и в расстановке героев отчетливо виден принцип ноосферности. С одной стороны — это люди, занятые делом, — Иван Иванович, Варламов, — дело для них — смысл жизни. С другой стороны — люди, смысл жизни которых само бытие, слияние с природой и ощущение сути бытия через живое взаимодействие с

ним; дело для них как бы второстепенно, главное — само существование, ощущение жизни и счастья. Это Егорушка, отец Христофор, Константин, Дениска, Пантелей, возчики из обоза. В повести «Степь» ярко проявился пантеизм А. П. Чехова, содержательно тождественный ноосферному мировосприятию.

Подобным образом разворачивается внутренняя композиция и система образов в повести «Дуэль». Живым носителем свойства ноосферности выступает великолепная природа Кавказа. И как же диссонируют с ней характеры и поступки людей. Ни фон Корен, ни Лаевский, ни Надежда Федоровна не обладают свойством ноосферности, потому что не созидают, а разрушают жизнь. Хотя Лаевский и фон Корен психологически и сюжетно противопоставлены друг другу, один как носитель чувственного и эмоционального начала в интеллигенте, другой — сторонник рационализма, доведенного до жестокости и цинизма, — в реальности антиподами этой группы героев выступают смешливый, по-настоящему понимающий истинные ценности жизни молодой дьякон и великодушный, добрый, щедрый доктор Самойленко. Дьякон, тайно присутствовавший на дуэли Лаевского с фон Кореном, своим неожиданным появлением и отчаянным криком фактически предотвращает гибель Лаевского и спасает его от смерти, а фон Корена от греха убийства. Как и в повести «Степь», в «Дуэли» ноосферная идея тесно связана с религиозной. Но если в «Степи» — это пантеистическое мироощущение и миропонимание, то в «Дуэли» миропонимание христианское, евангельское. «Вся внутренняя направленность “Дуэли” глубоко христианская. Радостно удивляет тут в Чехове оптимизм, совершенно евангельский: «во едином часе может человеческая душа спастись, повернуть на сто восемьдесят градусов. Радует и то, как убедительно решил он труднейшую артистическую задачу — без малейшей натяжки и неестественности»¹⁶. В этих произведениях нет и намека на предмет нищезанятия — человекобога (в симпатиях к философии Ницше А. П. Чехов признавался неоднократно). Напротив, подчеркивается доминанта природного и божественного в душе человека, благоговение перед жизнью и, может быть, лишь в одном моменте просвечивает нищезанятийский контекст, в утверждении, родственном нищезанятийско-дильтеевскому, — смысл жизни в самой жизни, в ее всеобщности. Но это и ноосферный мотив.

Итак, граница между душевным здоровьем и болезнью определяется *мерой ноосферности* (неноосферности) существования. Психически здоровый человек ноосферен сам и создает ноосферную среду существования, больной — неноосферен сам или разрушает ноосферный контекст, а часто делает то и другое.

Что такое «бог живого человека» в аспекте ноосферологии? Это системообразующее отношение ноосферного бытия — то, что делает человека психологически и физически целостным, здоровым, жизнеспособным, креативным, действующим в соответствии с ноосферным законом. Метафорически выражаясь, «бог живого человека» создает «теплую картину мира». Можно рассматривать «бога живого человека» как конкретное воплощение ноосферного закона. Его действие явно просматривается в сюжете «Скучной истории». Пока в жизни Николая Степановича был «бог живого человека», он много занимался наукой (информация), блестяще читал лекции и выступал на диспутах (энергия), был здоров телом (вещество). Как только это системообразующее отношение исчезает, рассыпается и вся система: научные труды не приносят радости, так как не обладают новизной, трудно читать лекции, мучает болезнь и бессонница. Система превращается в *несистему*, ноосферный человек — в неноосферного, а, попросту говоря, в обывателя, которого заботят бытовые мелочи (деньги, свадьба дочери), раздражают сплетни и пустые разговоры и постепенно тают жизненные силы; информация перестает быть креативной; житейская мудрость Николая Степановича никому не помогает жить, в том числе и ему самому.

Диалектика ноосферности-неноосферности бытия, различные пути ее существования, метаморфозы, происходящие с нею, достаточно четко представлены в пьесах А. П. Чехова. В «Иванове» переход от ноосферного бытия к неноосферному совершается резко, скачкообразно: герой из активного, деятельного, жизнеспособного человека в течение одного года превращается в саморазрушающегося психастеника, который терзает близких (жена Анна, Саша) и, в конце концов, кончает самоубийством. Это не просто медицинская клиника, но социальное явление.

В «Чайке» процесс деноосферизации представлен более многогранно, но прослеживается некоторая общая закономерность: утрата ноосферности личностью или ее окружением непре-

менно связана с утратой «теплого мира», вне и внутри человека, со снижением духовно-нравственного потенциала либо самой личности, либо среды. Причем, поведение и целостность личностной структуры какое-то время существуют в границах нормы, не нарушаются. Например, К. Треплев — человек творческий, талантливый, и поскольку образ дан в динамике, то в конце пьесы мы видим, что Треплев вполне успешен как талантливый писатель. Но есть в его психике незаполненная лакуна — недостаток материнской любви. Это пространство «холода», смерти, неноосферности. Ничем не заполняясь (скажем, любовью Нины Заречной), оно постепенно распространяется на всю личность и губит ее.

Не такой скачок в неноосферное бытие совершают Аркадина и Тригорин. Оба креативны, талантливы, успешны, но равнодушны к судьбам близких: Аркадина — к сыну, Тригорин — к соблазненной и оставленной им Нине Заречной. Равнодушие — неноосферная пустота, которая разрушает если не физически, то духовно. Они представляют неноосферный контекст для окружающих — Треплева, Заречной, Сорина. Их равнодушие как вирус заражает других, и по природе ноосферные люди — Заречная и Треплев, отчаянно нуждаясь во взаимной любви, оказываются равнодушными к чувству тех, кто любит их: Нина Заречная равнодушна к чувству Треплева, Треплев равнодушен к чувству Маши Шамраевой, Маша равнодушна к мужу, Медведенко, и к своему маленькому ребенку, Дорн равнодушен к Полине Андреевне и т. п. И только Сорин всех понимает и всем сочувствует. Таким образом, неноосферный контекст растет, ширится и, в конечном счете, обрекает на смерть души и духа большую часть действующих лиц драмы. Ноосферными, хотя и физически надломленными людьми, остаются только Сорин и Нина Заречная.

Иначе выглядит эволюция ноосферности героев и их окружения в пьесе «Дядя Ваня». Общий фон и тон произведения более теплый, логика развития сюжета не столь убийственна по отношению к героям. В пьесе более определенно обозначен критерий «ноосферности», тот эталон доброты, в соответствии с которым герои могут оценивать степень человечности собственных поступков. С тех же позиций произвольно оценивает развитие событий и судеб зритель. Этот критерий человечности — няня *Марина*, которая готова примирить всех и вся, «согреть больные

ножки» и «напоить липовым чаем» всякого, кто нуждается в ласке и заботе, кому сиротливо и плохо на этой земле, Марина смотрит на мир «глазами Бога»: «Люди не помянут добром, зато Бог помянет», «Все мы у Бога приживалы» и т. п. Ее позиция вселенской любви усиливается смысловой нагрузкой образа Сони, призывающей к милосердию, терпению и вере Астрова, насаждающего леса, самоотверженно борющегося за жизнь каждого больного, самого Войницкого, сумевшего защитить себя и Соню от агрессии разрушения, и даже И. И. Телегина, «Вафли», бездумно, по-детски воспринимающего жизнь, в немыслимых ситуациях проявляющего великодушие. Контекст «теплого», ноосферного мира расширяется, и общий настрой пьесы более жизнеутверждающий, оптимистичный.

Представители «холодного», разрушающего мира — Серебряков и Елена Андреевна вынуждены ретироваться, отказаться от продажи усадьбы, оставить Войницкого и Соню в покое. Динамика образа И. Войницкого основана на внутренней динамике понимания им смысла бытия — от ложно понятого *внешнего смысла* как служения кумиру, к восприятию *внутреннего смысла* жизни как труда, терпения, принятия всего, что посылает судьба, далее к постижению *трансцендентального смысла*, состоящего в понимании того, что вся его по-видимости зря прожитая жизнь на самом деле не бессмысленна, потому что «дяде Ване» удалось сохранить духовно-нравственное кредо, которое воспримут и передадут в будущее новые поколения. Если проанализировать по признаку ноосферности-неноосферности все смыслы этой пьесы, то можно заключить, что в основе своей она — произведение жизнеутверждающее, оптимистичное, ноосферное.

В пьесе «Три сестры» тема ноосферности-неноосферности, «холодного» и «теплого» миров развивается. «Холодный мир» представлен такими персонажами, как Соленый, Наташа. В этом же направлении психологически движется Андрей Прозоров. Это люди, умирающие душевно, духовно-нравственно. Их физическая активность, стремление завоевать свое место, агрессивность обратно пропорциональны духовности. Соленый сам считает, что у него «руки пахнут трупом»; души нет, есть гипертрофированное самолюбие и жестокость. У Наташи — животный инстинкт самки (женщины, матери) и та же самая бездуховность,

безжалостность. Представители «теплого мира» более многочисленны, но так как они неагрессивны, деликатны, то проигрывают «холодному миру» жизненное пространство и вынуждены уйти. Люди «теплого мира» — сестры Прозоровы, Тузенбах, Вершинин, Чебутыкин. Сестры — умные, образованные, открытые, интеллигентные люди, их дом открыт для всех, кто нуждается в приюте, общении, и уже это свойство характеризует его теплоту. Тузенбах — самый «ноосферный человек», жизнелюбивый, оптимистичный, радостный; любит Ирину без взаимности, но даже это огорчение не разочаровывает его, он верит в «прекрасного человека» и прекрасное будущее. Вершинин — противоречив: с одной стороны, трогает его высокое чувство к Маше, его ум и критические мысли о судьбе России и интеллигенции, с другой, своим равнодушием и холодностью он мучает жену, семью. Чебутыкин странен, порою нелеп, но и в нем есть теплота: он любит дарить дорогие, никому не нужные подарки, при этом совершенно беден и даже не может заплатить за квартиру. Все эти люди в одночасье покидают сцену: сестры покидают дом, уезжают работать, Вершинин уходит вместе с военными, Тузенбах погибает на дуэли. Чебутыкин съезжает с квартиры. В доме остается семья Андрея Прозорова, а хозяйкой становится властная, внутренне грубая и жестокая Наташа, которая решает сразу же вырубить парк, старые, прекрасные деревья — липовую аллею, клен. По-видимости, холод и зло побеждают. Но лишь «пространственно», физически он сильнее. Но не духовно. В этой пьесе впервые возникает тема ухода людей «теплого мира», не умирания, но ухода со сцены, из пространства временности в пространство бесконечности, безвременности, *вечности*. Герои сохраняют внутреннюю сущность — теплоту, сердечность, духовность, нравственность, но утрачивают свою функцию в этом мире. Возникает понимание того, что в данный исторический период, на этой исторической сцене они не востребованы со всем их прекраснодушием. Но остается и понимание того, что эти теплые, умные, прекрасные люди, постаревшие и погрузневшие после того, что с ними произошло, не сломлены, не остаются в прошлом со своими качествами «прекрасного человека», а переносят «теплый мир» в будущее. Поэтому они уходят, сохраняя достоинство, психологическую целостность, духовный

потенциал и веру. Поэтому пьеса «Три сестры» имеет ноосферный смысл, производит жизнеутверждающее и жизнесоздающее действие.

Почему они уходят? Не лучше ли было остаться, побороться с «холодным миром», как Астров, дядя Ваня и Соня боролись с Серебряковым? Или остаться и продолжать свое маленькое дело жизни, постоянно противодействуя контексту бездуховности и смерти души? На наш взгляд, великий художник, знающий сердце человеческого, открывает некоторую общую закономерность. «Холодный мир» исторически неизбежен: вступая в свои права, он расширяется и захватывает все пространство бытия. Но полностью подчинить ему душу и разум нельзя, тогда исчезает сама человеческая сущность в каждом. Сохранить себя, духовную жизнеспособность, целостность бытия и человечность можно только уходя. Так и поступают любимые герои А. П. Чехова. Они уходят, но не побежденными, не несчастными. Просто срабатывает инстинкт самосохранения человеческого в человеке. Тем самым, утверждается «путь жизни», «путь сердца» для теплого мира. А «сердце в будущем живет». Холодный мир победил лишь пространственно. Истинное знание природы человека, понимание подлинной экзистенции, слияние сущности и существования на стороне «теплого мира» трех сестер. В пьесе «Вишневый сад» тема исчезновения «теплого мира» усадьбы и вишневого сада и их владельцев — Гаева, Раневской, Вари, Фирса — развивается. Носителей идеологии «теплого мира» остается немного, их противников — больше. В первых рядах холодных прагматиков Ермолай Лопухин и Петя Трофимов. Уходит из мира вишневого сада Аня. Разрушают старый мир и слуги нового типа — Яша, Дуняша, Шарлотта, Епиходов. С интересом и охотой вписывается в новые рыночные отношения Симеонов-Пищик. Но для Гаева и Раневской такая перестройка сознания непосильна: «это пошло». Им, с их сентиментальностью, непрактичностью, резонерством, мягкостью, неадекватностью оценок ситуации и самооценок, в жестком мире буржуазных отношений просто не выжить физически. Повторяется та же ситуация, которая намечена в пьесе «Три сестры»: люди «теплого мира» уходят психологически целостными, несломленными, сохранившими нравственно-духовные ценности как доминанту личностной структуры.

При таком прочтении пьесы главными антитезами действующих лиц являются пары: Гаев и Раневская — Лопехин, Гаев и Раневская — Петя Трофимов, Лопехин и Петя Трофимов. В деловых и денежных отношениях Гаев, Раневская, безусловно, проигрывают Лопехину. Но Чехов группирует образы и на основе психологии. И здесь становится очевидным, что на «пути сердца» Лопехин, как и Трофимов, просто недееспособны, безусловно проигрывают людям «теплого мира». Отношения Лопехин — Раневская, Раневская — П. Трофимов идентичны отношениям Треплев — Аркадина. И у того, и у другого огромная психологическая пустота, «сердечная недостаточность», неутоленная потребность в материнской любви, незащищенность. В отличие от Аркадиной, Раневская не холодна душой, хорошо понимает людей и готова психологически поддержать, защитить того и другого. Хотя Лопехин и хозяин жизни, и преуспевающий делец, он начисто лишен нравственного чувства и даже понятия об элементарной этике. На конструктивный диалог с людьми «теплого мира» он не способен, в этом смысле одинок, не решается даже сделать предложение Варе. Чехов, по-видимому, правильно отметил, что «в России купцы и мужики не живут долго». Трофимов, в отличие от Лопехина, не приспособлен к жизни, «вечный студент», человек бедный, но очень хорошо понимающий сущность хищнической природы «лопехиных». Он слишком рассудочен, поэтому и принадлежит к «холодному миру», его душа спит. По словам Раневской, он «недотепа», который еще не пропустил через свое сердце ни одного человеческого горя, по-настоящему не страдал. Уровень ноосферности этих героев низок. Возможно, они на какое-то время овладеют социальным пространством, но мир держится не на них, и ноосферное будущее России не за ними. Не может быть ноосфера холодным миром меркантилизма и грубого расчета, равно как миром абстрактных деклараций грядущей светлой жизни.

Как и прежде, люди «теплого мира» уходят со сцены в «никуда», Фирс уходит совсем. Единственное, что можно понять из текста, — они не сломлены и уносят с собой лучшие качества «прекрасного человека» — прекрасные мысли и прекрасное сердце: доброту, тепло, понимание, радость общения, любовь к родному дому, саду, друг к другу, к миру. Текст пьесы субстрат-

но открыт: она имеет продолжение в жизни, лучшие человеческие качества ее героев нужны всегда, они вневременны и принадлежат вечности.

Критика рассматривала творчество Чехова как отражение «беспощадно текущего времени»¹⁷. Возможна другая точка зрения — рассмотреть его с позиции «вечности». Тогда тексты А. П. Чехова приобретают другой смысл, и за маской «певца безысходности» и «сумеречных, больных людей» просматривается ироническая улыбка критически настроенного по отношению ко всему временному человека, а потом и душа А. П. Чехова, бесконечно влюбленного в «прекрасную жизнь» и «прекрасного человека».

Вспоминается мысль В. Маклакова, приведенная в статье И. Бунина «Освобождение Толстого». Л. Н. Толстой считал, что «все, что может быть отнято у нас смертью — богатство, слава и т. п. и при жизни не имеет смысла, а если жизнь бессмысленна, то и жить не стоит»¹⁸. Это проблема трансцендентального смысла бытия. В уходящих героях А. П. Чехова есть то, что не может быть отнято смертью, — человечность.

Заключая размышления о ноосферности текста чеховских пьес, отметим, что каждая из них, несмотря на видимую незавершенность, трагичность финала, обыденность диалогов, вяло развивающееся действие и внешнюю бессобытийность, имеет четкую композиционную структурированность, системную целостность. А это — важнейший признак ноосферного текста. Главные положительные герои определены в основном качестве — духовно-нравственным.

Примечания

¹ *Дмитревская И. В.* Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново, 1985; *Дмитревская И. В.* Ноосферный текст // Реалии ноосферного развития. М., 2003.

² *Дмитревская И. В.* Ноосфера как системно организованное Всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново, 1997.

³ Иное, не менее интересное универсумное понимание ноосферы дает Г. С. Смирнов.

- ⁴ Характеристики ноосферного человека и ноосферной личности даются в работах Г. С. Смирнова и В. Н. Волкова (*Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Иваново, 1998; *Волков В. Н.* Онтология ноосферной личности // Ноосферная идея и будущее России. Иваново, 1988. С. 140—143).
- ⁵ *Чехов А. П.* Пьесы // Собр. соч.: В 6 т. М., 1955. Т. 6. С. 162.
- ⁶ Там же. С. 258—259.
- ⁷ Там же. С. 200—201.
- ⁸ Там же. С. 257.
- ⁹ Там же. С. 167.
- ¹⁰ Там же. С. 303.
- ¹¹ Там же. С. 243—244.
- ¹² Там же. С. 232.
- ¹³ *Цофнас А. Ю.* Идея ноосферы и шизофрения разума // Ноосферная идея и будущее России.
- ¹⁴ О системной сущности миропонимания пишет О. Разов (*Разов О. С.* Системный анализ проблемы миропонимания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 1999).
- ¹⁵ *Чехов А. П.* Избранные произведения. М., 1936. С. 236.
- ¹⁶ *Зайцев Б.* Чехов // Зайцев Б. Далекое. М., 1991. С. 330.
- ¹⁷ *Бунин И. А.* О Чехове // Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 198.
- ¹⁸ *Бунин И. А.* Освобождение Толстого // Там же. С. 109.

В. Беньямин

АВТОР КАК ПРОИЗВОДИТЕЛЬ

Статья Вальтера Беньямина (1892—1940) «Автор как производитель» стала одним из этапов осмысления им места искусства в общественной, политической и экономической жизни межвоенного периода. Беньямину были близки марксистские взгляды, и в статье «Автор как производитель» он во многом основывался на марксистском понимании места писателя, «людей духовного и умственного труда», интеллигенции. Мыслитель активно использовал марксистскую терминологию, наполняя, однако, те или иные понятия своим содержанием, отражавшим его оригинальные взгляды на социальные процессы. Многие идеи, представленные в статье, получили развитие в таких масштабных работах Беньямина по философии искусства, истории и общества, как «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», «Пассажи», «Шарль Бодлер — лирик эпохи высокого капитализма», «О понятии истории».

Некоторым героям статьи «Автор как производитель» Беньямин и ранее уделял внимание. Например, Э. Кёстнеру он посвятил заметку «Левая меланхолия», где затронул также в целом проблему леворадикальной интеллигенции. В свою очередь, рецензия «Заблуждение активизма» была посвящена Беньямином книге К. Хиллера, в котором он видел теоретика этого движения.

Конкретно в статье «Автор как производитель» объектом научного интереса Беньямина стал буржуазный писатель левого толка или, как он его определяет, «прогрессивный писатель». Такой писатель стремился выступить союзником пролетария в его борьбе с буржуазией, однако не все из них, по мысли Беньямина, до конца понимали, что в этом слу-

© Смирнов Д. А., перевод на русский язык, предисловие, 2008

Смирнов Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета.

чае они полностью теряют автономию и должны быть готовы к тому, что вряд ли станут пролетариями.

В качестве примера он привел советских писателей, в частности С. М. Третьякова. Беньямин высоко оценил его литературный вклад в дело строительства коммунизма в Советской России, его участие в коллективизации. Особенно плодотворным, по мысли Беньямина, стало использование газеты как нового средства производства, поскольку в СССР «читающий готов стать пишущим, точнее, описывающим или же предписывающим».

С другой стороны, в качестве примера писателей и художников, не вполне осознавших задачи классовой борьбы и ясно представлявших себе путь движения к социализму, Беньямин обратил внимание на представителей таких течений, как активизм и новая вещественность, ставших популярными в Германии в 20-х гг. XX в. В частности, Беньямин критически отозвался об идеях А. Дёблина о том, что необходимо делать на пути движения к социализму, и о концепции фотографирования А. Ренгера-Патцша, видевшего объектами для своих снимков любые приглядные и неприглядные детали повседневной жизни, отражавшие идею, что «мир прекрасен» в любых проявлениях. Для Беньямина потребительское «восприятие» негативных сторон жизни было неприемлемо, поскольку исчезала возможность политической борьбы с общественными и экономическими пороками.

Беньямин был сторонником политизации искусства и рассматривал его как средство достижения политических целей, основанных на экономических интересах. Для успешной классовой борьбы необходим думающий субъект, и искусство должно способствовать его формированию. В этом главная задача интеллигенции. В статье «Автор как производитель» Беньямин продолжил свои размышления об эпическом театре Б. Брехта как пространстве, где такой думающий субъект может сформироваться. Этот театр не только нес политическое содержание, но и по форме соответствовал уровню развития производства, используя на театральной сцене метод прерывания действия, подобный монтажу, применяемому в кино и радио. Это развивало концентрацию мышления и ослабляло излишние чувства и эмоции.

В заключение отметим, что статья «Автор как производитель» в оригинале имеет подзаголовок «Выступление в Институте изучения фашизма в Париже 27 апреля 1934 г.». Но в русском переводе мы исключили его. Статья действительно была написана весной 1934 г., но именно 27 апреля она еще не была готова. Об этом свидетельствует письмо Беньямина своему другу и коллеге Т. Адорно. Кроме того, несмотря на желание выступить с докладом перед аудиторией в Институте

изучения фашизма, это не было сделано. При жизни мыслителя статья «Автор как производитель» не была опубликована, но сохранилась в рукописи и впервые увидела свет в 1966 г. Данный перевод осуществлен по: Benjamin W. Der Autor als Produzent // Benjamin W. Gesammelte Schriften: In 7 Bd. Frankfurt a. Main, 1991. Bd. 2. S. 683—701.

* * *

Вспомните, как Платон обходится с поэтами в проекте своего государства. Он отказывается оставить их внутри в интересах общности. Он придерживался высокого понимания мощи поэтического творчества. Но он считает его вредным и излишним — внутри *совершенной* общности, разумеется. Вопрос о праве поэта на существование с тех пор нечасто ставился с подобным акцентом; но сегодня он поставлен. И он поставлен, что бывает редко, в этой же *форме*. Но Вам всем он более или менее известен как вопрос об автономии поэта: его свободе сочинять то, что он как раз хотел бы. Вы не склонны признать за ним эту автономию. Вы полагаете, что современное общественное положение подталкивает его к решению направить свою активность кому-либо на службу. Буржуазный писатель развлекательного жанра не признает эту альтернативу. Вы уличаете его в том, что, не допуская это, он служит определенным классовым интересам. Прогрессивный тип писателя признает эту альтернативу. Он осуществляет решение на основе классовой борьбы, встав на сторону пролетариата. Тогда же заканчивается его автономия. Свою деятельность он направляет на то, что полезно пролетариату в его классовой борьбе. Обычно говорят, что он следует *тенденции*.

Здесь перед Вами ключевое слово, вокруг которого давно разворачиваются дебаты, представленные Вам. Они представлены Вам, и Вы знаете, как бесплодно они протекали. Они также не отделались от нудного перекидывания доводами с одной стороны на другую: *с одной стороны*, от деятельности поэта требуют правильной тенденции, *с другой стороны*, вправе ожидать от этой деятельности качества. Конечно, эта формула неудовлетворительна до тех пор, пока не *согласятся*, в чем действительно состоит взаимосвязь между двумя факторами — тенденции и каче-

ства. Конечно, взаимосвязь можно утвердить декретом. Можно заявить: произведению, которое выражает правильную тенденцию, никакое дополнительное качество не нужно выражать. И можно также утвердить декретом: произведение, которое выражает правильную тенденцию, обязательно должно выражать соответствующее качество.

Эта двойная формулировка — небезынтересна, более того: она правильна. Я с ней согласен. Но, собираясь это делать, я откажусь утверждать ее декретом. Это утверждение должно быть *доказано*. И это попытка такого доказательства, к которой я и привлекаю Ваше внимание. — Это, возможно Вы возразите, весьма специфическая и к тому же далекая тема. А хотите Вы способствовать этим доказательством изучению фашизма? — Я намерен это сделать на самом деле. Так как я надеюсь найти возможность показать Вам, что понятие тенденции в обобщенной форме, в которой оно большей частью обнаруживает себя в только что упомянутых дебатах, является совершенно непригодным инструментом политической литературной критики. Я хотел бы показать Вам, что тенденция в поэтическом творчестве может политически соответствовать только в том случае, если она соответствует и литературно. Это значит, что политически правильная тенденция включает литературную тенденцию. И тут же дополняя: эта литературная тенденция, которая имплицитно и эксплицитно содержится в каждой *правильной* политической тенденции — именно она и ничто другое создает качество произведения. И *поэтому* правильная политическая тенденция произведения включает его литературное качество, так как она включает его литературную *тенденцию*.

Это утверждение, я Вам обещаю, вскоре станет ясным. Пока замечу, что для моего рассмотрения я мог выбрать и другое исходное положение. Я исходил от бесплодных дебатов, в каком отношении находятся тенденция и качество поэтического творчества. Я мог бы исходить от еще более древних, но не менее бесплодных дебатов: в каком отношении находятся форма и содержание и, именно, особенно в политическом поэтическом творчестве. Эта постановка вопроса пользуется дурной славой; и по праву. Она имеет значение как показательный случай попытки недialeктического шаблонного подхода к литературным взаимо-

связям. Хорошо. Но как же теперь выглядит диалектическое изложение подобного вопроса?

Диалектическое изложение этого вопроса, и тем самым я подхожу к сути дела, вообще не может быть начато с застывших изолированных вещей — произведение, роман, книга. Оно должно быть поставлено в живые общественные взаимосвязи. Вы с полным правом заявляете, что это неоднократно предпринималось в кругу наших друзей. Определенно. Только при этом часто немедленно уходили в нечто большее и вместе с тем неизбежно часто и в нечто неопределенное. Общественные отношения, как мы знаем, обусловлены производственными отношениями. И когда материалистическая критика берется за произведение, она обычно спрашивает, как это соотносится с общественными производственными отношениями эпохи. Это важный вопрос. Но и очень тяжелый. Ответ на него не всегда ясен. И я хотел бы Вам предложить более понятный вопрос. Вопрос, который нацелен на нечто более скромное и меньшее, но который, как мне кажется, дает больше шансов на ответ. Вместо именно вопроса «как произведение соотносится с производственными отношениями эпохи?» — согласуется оно с ними, реакционно ли оно или стремится к их изменениям, революционно? — вместо этого вопроса или, во всяком случае, прежде этого вопроса я хотел бы Вам предложить другой. Итак, прежде чем я спрошу, как произведение соотносится с производственными отношениями эпохи, я хотел бы спросить, как оно расположено в них. Этот вопрос нацелен непосредственно на функцию, которую произведение имеет внутри писательских производственных отношений эпохи. Он нацелен, другими словами, непосредственно на писательскую *технику* произведений.

Понятием техники я назвал то понятие, которое делает литературные продукты доступными непосредственно общественному и тем самым материалистическому анализу. Одновременно понятие техники представляет диалектическую точку приложения, опираясь на которую можно преодолеть бесплодное противоречие формы и содержания. И в дальнейшем это понятие техники содержит руководство к правильному определению отношения тенденции и качества, о котором вначале мы ставили вопрос. Итак, если мы только что смогли сформулировать то, что

правильная политическая тенденция произведения включает его литературное качество, так как она включает его литературную тенденцию, то сейчас мы точнее определяем, что литературная тенденция может заключаться в прогрессе или регрессе литературной техники.

Вы определенно полагаете, что я здесь — по-видимому, однако, неожиданно — врываюсь в совершенно конкретные литературные отношения. В русские. Я хотел бы обратить Ваш взгляд на Сергея Третьякова¹ и на определяемый и олицетворяемый им тип «оперирующего» писателя. Этот оперирующий писатель дает убедительнейший пример функциональной зависимости, в которой всегда и при всех обстоятельствах находятся правильная политическая тенденция и прогрессивная литературная техника. Однако только пример: дальнейшее я оставляю себе. Третьяков отделяет оперирующего писателя от информирующего. Его миссия заключается не в том, чтобы сообщать, но в том, чтобы бороться; не играть перед зрителем, но активно вмешиваться. Он определяет ее через характеристики, которыми описывает свою деятельность. Когда в 1928 г., в эпоху тотальной коллективизации сельского хозяйства был выдвинут лозунг «Писатели — в колхозы!», Третьяков поехал в коммуну «Коммунистический маяк» и написал там во время двух длительных посещений следующие работы: «Созыв массовых митингов», «Сбор денег для оплаты задатка за тракторы», «Уговаривания крестьян-единоличников вступить в колхоз», «Инспекция читальных залов», «Создание стенгазет и руководство колхозной газетой», «Корреспонденция в московские газеты», «Ввод радио и кинопередвижек» и т. д. Не удивительно, что книга «Хозяева полей», сочиненная Третьяковым после этого, должна была оказать значительное влияние на дальнейшее создание коллективных хозяйств.

Вы можете оценить Третьякова и, вероятно, прийти к мнению, что его пример в этой связи не слишком много значит. Задачи, которые он тогда на себя брал, вероятно, возразите Вы, являются задачами журналиста или пропагандиста; с поэтическим творчеством все это не сильно связано. Но я привел пример Третьякова только с намерением указать Вам на то, какой широкий горизонт размышлений над представлениями о формах и родах поэтического творчества должен быть на основе технических

данностей нашего сегодняшнего положения, чтобы прийти к тем формам выражения, которые представляют точку опоры для литературной энергии современности. Не всегда в прошлом были романы; не всегда что-то будет; не всегда трагедии; не всегда великий эпос. Не всегда на обочине литературы были формы комментария, перевода, даже так называемых фальшивых игровых форм: и не только в философской, но и в поэтической литературе Аравии или Китая они имели свое место. Не всегда риторика была незначительной формой, а в античности она оставила свой отпечаток в больших провинциях литературы. Все это, чтобы Вы привыкли к мысли, что мы находимся внутри мощного процесса переплавки (UmschmelzungsprozeЯ) литературных форм, процесса переплавки, где многие противоречия, о которых мы обычно размышляли, могли терять свою действенную силу. Позвольте мне для доказательства бесплодности таких противоречий и для доказательства процесса их диалектического преодоления дать один пример. И мы снова окажемся рядом с Третьяковым. Этот пример именно из газеты.

«В нашей литературе, пишет симпатизирующий левым автор², противоречия, взаимно обогащающиеся в счастливые эпохи, становятся неразрешимыми антиномиями. Так, теряя связи и порядок, распадаются наука и беллетристика, критика и производство, образование и политика. Местом действия этой литературной сумятицы является газета. Ее содержание, “материал”, отказывает себе в любой другой форме организации, чем та, которую навязывает ему нетерпение читателя. И это нетерпение — не только нетерпение политика, ожидающего информацию, или нетерпение спекулянта, ждущего намека. Но за этим тлеет и нетерпение аутсайдера, верящего, что имеет право сам выступать со своими собственными интересами. Из того факта, что ничего читателя так не связывает с газетой, как это изо дня в день требующее новой пищи нетерпение, редакции с давних пор извлекали выгоду; для этого они снова и снова открывали новые колонки его вопросов, мнений, протестов. С непривередливой ассимиляцией фактов рука об руку идет столь же непривередливая ассимиляция читателей, которые в какой-то миг видят себя возведенными до сотрудников. Но в этом скрывается диалектический момент: гибель литературы в буржуазной прессе оказывается фор-

мулой ее восстановления в прессе Советской России. В то время как именно литература становится шире, теряя глубину, разделение между автором и публикой, которое буржуазная пресса поддерживает общепринятым образом, в советской прессе начинает исчезать. Читающий в любой момент готов там стать пишущим, точнее описывающим или же предписывающим. Как знающий дело специалист — и речь идет не о специальности, скорее только о должности, которую он занимает — он стремится получить доступ к авторству. Сама работа берет слово. И ее воплощение в слове становится частью навыков, которые требуются для ее выполнения. Право на литераторство обосновывается в большей мере не специализированным, а политехническим образованием, становясь тем самым общественным достоянием. Одним словом, это является литераризацией (Literarisierung) условий жизни, которая становится хозяином иначе не разрешимых антиномий, и это — то есть газета — является аренной безудержного унижения слова, на которой готовится его спасение».

Я надеюсь, тем самым показано, что изображение автора как производителя должно обратиться к прессе. Так как в прессе, во всяком случае, в прессе Советской России, признают, что мощный процесс переплавки, о котором я говорил ранее, не только обходит обычные разделения между родами, между писателем и поэтом, между исследователем и популяризатором, но что он даже разделение между автором и читателем подвергает ревизии. Пресса выступает для этого процесса наиважнейшей инстанцией, и поэтому любое рассмотрение автора как производителя должно задевать ее.

Но оно не может здесь задерживаться. Так как в Западной Европе газета еще не представляет пригодный инструмент производства в руках писателя. Она еще принадлежит капиталу. Поскольку теперь, с одной стороны, выражаясь техническим языком, газета представляет важнейшую писательскую позицию, с другой стороны, однако, эта позиция находится в руках противника, то нельзя удивляться, что познание писателем его общественной обусловленности, его технических средств и его политической задачи должно проходить в борьбе с огромнейшими трудностями. Это принадлежит к решающим процессам последних десяти лет в Германии, когда значительная часть ее производст-

венных голов под давлением экономических отношений принципиально пережила революционное развитие, оказавшись одновременно не способной действительно революционно осмыслить свой собственный труд, его отношение к средствам производства, его технику. Я говорю, как Вы видите, о так называемой левой интеллигенции и буду ограничиваться при этом левобуржуазной. В Германии важнейшие политико-литературные движения последнего десятилетия выходили из этой левой интеллигенции. Я остановлюсь на двух из них, активизме³ и новой вещественности⁴, чтобы показать на их примере, что политическая тенденция, а она также еще может проявляться революционно, до тех пор развивается контрреволюционно, пока писатель проявляет свою солидарность с пролетариатом только по своему убеждению, но не как производитель.

Ключевое слово, обобщающее требования активизма, звучит как «логократия», что по-немецки означает господство духа. Часто это переводят как господство людей духовного и умственного труда (Geistigen). Действительно, понятие о людях духовного и умственного труда добилось признания в лагере левой интеллигенции, и оно овладело их политическими манифестами от Генриха Манна⁵ до Дёблина⁶. Это понятие позволяет без труда заметить, что оно означает, не обращаясь к положению интеллигенции в производственном процессе. Хиллер⁷, теоретик активизма, и сам хотел рассматривать людей духовного и умственного труда не как «принадлежащих определенной профессиональной отрасли», но как «представителей определенного характерологического типа». Этот характерологический тип как таковой стоит, конечно, между классами. Он охватывает любое количество частных лиц, не предлагая минимальной основы для их организации. Когда Хиллер формулирует свой отказ от партийного руководства, то он допускает для них большее. Они могут «быть более ведающими о важнейшем... говорить о более близком народу, смелее вступать в бой», чем он. Но в одном он уверен: что они «мыслят с большими недостатками». Вероятно, но что этому может помочь, когда принимающим политические решения является не собственное мышление, но, как Брехт⁸ однажды выразился, искусство мыслить головами других людей. Активизм намеревался заменить материалистическую диалектику классово не-

определенной величиной здравого человеческого рассудка. Его люди духовного и умственного труда представляли, в лучшем случае, сословие. Другими словами: принцип этого коллективно-го образования сам по себе реакционный; не удивительно, что действие этого коллектива не могло быть революционно.

Пагубный принцип такого коллективного образования, однако, продолжает действовать. В этом можно было убедиться три года назад после выхода «Знать и изменять!» Дёблина. Этот текст был опубликован, как известно, в качестве ответа одному молодому человеку (Дёблин называет его господином Хоске), обратившемуся к известному автору с вопросом «Что делать?». Дёблин приглашает его присоединиться к делу социализма, но на сомнительных условиях. Социализм, по Дёблину, — это «свобода, спонтанное объединение людей, отказ от любого принуждения, восстание против несправедливости и принуждения, человечность, толерантность, мирный настрой». Как же к этому относиться: во всяком случае, он делает из этого социализма фронт против теории и практики радикального рабочего движения. «Ни из какой вещи, — полагает Дёблин, — не может следовать то, что в ней уже не находится — из убийственно обострившейся классовой борьбы может следовать справедливость, но не социализм». «Вы, уважаемый господин, — формулирует Дёблин совет, который он дает Хоске из этих и других положений, — можете не использовать свое принципиальное “Да” в борьбе (пролетариата), присоединяясь к пролетарскому фронту. Вы должны ограничиться раздраженным и горьким согласием с этой борьбой, но Вы также должны знать: если Вы делаете больше, то незанятой остается чрезвычайно важная позиция... докоммунистическая позиция индивидуальной свободы человека, спонтанной солидарности и произвольной связи людей... Эта позиция, уважаемый господин, является той, которая Вам единственно достается». Здесь совершенно очевидно, куда ведет концепция «человека духовного и умственного труда» как типа, определяемого на основе своих мнений, настроений или способностей, но не по положению в процессе производства. Он должен, как это звучит у Дёблина, найти свое место *рядом* с пролетариатом. Но что же это за место? Место покровителя, идеологического мецената. Это невозможно. Итак, мы возвращаемся к выдвинутому вначале тезису: место ин-

интеллектуала в классовой борьбе можно определить или, лучше, выбрать только на основе его положения в процессе производства.

Для изменения форм производства и инструментов производства в отношении прогрессивной — поэтому заинтересованной в освобождении средств производства, поэтому полезной в классовой борьбе — интеллигенции Брехт предложил понятие перефункционалирование (Umfunktionierung). Он первым выдвинул важное требование к интеллектуалам: производственный механизм не заполнить, одновременно не изменяя его, по мере возможного, в сторону социализма. «Публикация “Попыток”, — так автор начинает серию текстов с таким же названием, — происходит в момент, когда определенные работы не должны быть больше такими особыми индивидуальными событиями (имея характер произведения), но должны быть больше направлены на использование (преобразование) известных институтов и институций». Желательно не духовное обновление, как его прокламируют фашисты, но предложение технических новаций. К этим новациям я еще вернусь. Здесь я бы хотел ограничиться одним указанием на решающее различие, которое существует между простым заполнением производственного механизма и его изменением. Я бы хотел в начале моих рассуждений о новой вещественности выдвинуть тезис, что заполнение производственного механизма, не изменяя его по мере возможного, представляет предельно спорный опыт тогда, когда материалы, которыми этот механизм заполняется, кажутся революционной природы. Мы противостоим именно факту (для которого прошедшее десятилетие в Германии в изобилии предоставило свидетельства), что буржуазный механизм производства и публикаций может ассимилировать, и даже пропагандировать удивительные множества революционных тем, не ставя при этом под вопрос свое собственное состояние и состояние владеющего им класса. Это, во всяком случае, остается правильным до тех пор, пока он заполняется опытными специалистами, пусть это будут и революционные опытные специалисты. Я понимаю, однако, под опытным специалистом человека, который принципиально отказывается от того, чтобы отчуждать через улучшения механизм производства в пользу социализма господствующего класса. И я утверждаю далее, что значительная часть так называемой левой литературы не владеет

вовсе никакой другой общественной функцией кроме той, чтобы добиваться от политической ситуации все новых эффектов поддержки публики. Я нахожу это у новой вещественности. Она ввела в моду репортаж. Мы хотим спросить себя, кому пошла на пользу эта техника?

Ради образности я поставлю на первый план ее фотографическую форму. То, что в ней имеет значение, можно перенести на литературную. Обе обязаны своему исключительному взлету технике публикации: радио и иллюстрированной прессе. Вспомним о дадаизме⁹. Революционная сила дадаизма состояла в испытании искусства на его аутентичность. Натюрморты составляли из билетов, катушек ниток, окурков сигарет, соединявшихся живописными элементами. В одной рамке делали целое, показывая публике: «Смотрите, ваши образные рамки взламывает время; мельчайшая аутентичная деталь повседневной жизни говорит больше, чем живопись». Поскольку кровавый отпечаток пальца убийцы на книжной странице скажет больше, чем текст. От этого революционного содержания многое высвободилось в фотомонтаж. Достаточно только вспомнить о работах Джона Хартфильда¹⁰, техника которого сделала книжную обложку политическим инструментом. Однако следуйте дальше по пути фотографии. Что Вы видите? Она приобретает все больше нюансов, становится все современнее, и в результате она не может больше фотографировать ни густонаселенный дом, ни мусорную кучу, не объясняя их. Не говоря уже о том, что она была бы в состоянии сказать о плотине или кабельной фабрике нечто другое тому, что мир прекрасен. «Мир прекрасен» — это заглавие известного фотоальбома Ренгера-Патцша¹¹, где мы видим фотографию новой вещественности во всем ее величии. Ей удалось именно это, а также еще нищета тем, что она растолковала это модно-осуществленным образом, сделав предметом наслаждения. Поскольку, если экономической функцией фотографии является предоставление массам содержания, которые раньше были лишены их потребления — весна, знаменитости, далекие страны — через модную обработку, то ее политической функцией является обновление мира, как он есть изнутри, другими словами: делая его модным.

Мы имеем здесь очень наглядный пример того, что называется: наполнять производственный механизм, не изменяя его.

Изменять его означало бы вновь разрушить одно из тех препятствий, преодолеть одно из тех противоречий, которые сковывают кандалами производство интеллигенции. В этом случае препятствие между текстом и образом. Что мы должны требовать от фотографа, так это способность передать своим снимком ту же надпись, которую он выхватывает модным обтюратором и придает ей революционную ценность потребления. Но мы это требование настоятельнейше выдвигаем, когда мы — писатели — приступаем к фотографированию. И здесь также для автора как производителя технический прогресс является основой его политического прогресса. Другими словами: лишь преодоление тех компетенций в процессе духовного производства, которые, в соответствии с буржуазным пониманием, образуют его порядок, делает это производство политически пригодным; а именно препятствия компетенций обеих производственных сил, которые были сооружены, чтобы разделять, должны быть вместе сломлены. Автор как производитель испытывает — испытывая солидарность с пролетариатом — непосредственно в то же время солидарность с другими определенными производителями, которые должны были раньше немного для него значить. Я говорил о фотографе. Я хочу предельно кратко вставить о музыканте одно слово, которое мы позаимствуем у Эйслера¹²: «И в развитии музыки, и в производстве, и в воспроизводстве мы должны научиться распознавать становящийся все сильнее процесс рационализации... пластинка, звуковой фильм, музыкальный автомат могут способствовать продаже музыкальных достижений... в законсервированном виде как товара. Этот процесс рационализации имеет следствием то, что музыкальное воспроизводство ограничивается все уменьшающимися, но и все более высоко квалифицированными группами специалистов. Кризис концертного производства является кризисом устаревшей вследствие новых технических изобретений, отсталой формы производства». Итак, задача состояла в перифункционировании концертной формы, которая должна была выполнить два условия: устранить, во-первых, противоречие между исполнителем и слушателем, во-вторых, противоречие между техникой и содержанием. К этому же Эйслер сделал следующее содержательное определение: «Нужно остерегаться переоценки оркестровой музыки и рассмотрения ее единственно вы-

соким искусством. Музыка без слов сохранила свое высокое значение и свое широкое распространение только в капитализме». Следовательно, задача изменения концерта является невозможной без содействия слова. Только ее выполнение, как Эйслер это формулирует, может способствовать видоизменению концерта в политический митинг. Однако что оно в действительности представляет наивысший уровень музыкальной и литературной техники, Брехт и Эйслер доказали назидательной пьесой (Lehrstück) «Мероприятие».

Если Вы взгляните отсюда на процесс переплавки литературных форм, о котором шла речь, то Вы увидите, как фото и музыка, и определите, что еще далее входит в ту расплавленную массу, из которой отливаются новые формы. Вы увидите подтверждение того, что это является литераризацией всех условий жизни, которая именно дает правильное понимание объему этого плавильного процесса так, как состояние классовой борьбы определяет температура, при которой она — более или менее совершенно — осуществляется.

Я говорил о приеме определенной модной фотографии делать нищету предметом потребления. Обращаясь к новой вещественности как литературному движению, я должен сделать шаг дальше и сказать, что она сделала *борьбу против нищеты* предметом потребления. В действительности ее политическое значение исчерпало себя во многих случаях с превращением политических рефлексов, насколько они проявлялись в бюргерстве, в предметы развлечения, забавы, которые без труда приспособились к присущему крупным городам предприятию кабаре. Преобразование политической борьбы из принуждения к решению в предмет созерцательного удовлетворения, из средства производства в статью потребления является для этой литературы характерной чертой. Рассудительный критик¹³ прокомментировал это на примере Эриха Кёстнера¹⁴ следующими высказываниями: «К рабочему движению эта леворадикальная интеллигенция не имеет никакого отношения. Скорее она как проявление буржуазного распада является подобием феодальной мимикрии, которая восхищалась кайзеровской империей в лейтенанте запаса. Леворадикальные публицисты типа Кёстнера, Меринга¹⁵, Тухольского¹⁶ являются пролетарской мимикрией распадающихся буржуазных

слоев. Их функция порождается в политическом плане не партиями, но кликами; в литературном плане — не школами, но модными веяниями; в экономическом плане — не производителями, но агентами. Агентами или опытными специалистами, которые роскошествуют в своем убожестве и делают себе праздник из зияющей пустоты. Уютнее нельзя было бы обосноваться в какой-нибудь неуютной ситуации».

Эта школа, как я сказал, роскошествует в своем убожестве. Она тем самым уклоняется от неотложнейшей задачи сегодняшнего писателя: познания, как он нищ, и как он должен быть нищ, прежде чем можно было начать. Именно об этом идет речь. Хотя Советское государство не стало, как платоновское, учитывать поэта, но оно стало — и потому я вначале вспомнил о платоновском — выдвигать эти задачи, которые не позволяют ему выставить напоказ в новых шедеврах долго скрываемое богатство творческой личности. Ожидание обновления в отношении такой личности, таких произведений, является привилегией фашизма, которая при этом выявляет такие глупые формулировки, как те, которой Гюнтер Грюндель завершает свою литературную рубрику в «Послании молодому поколению»: «Мы не можем закончить этот очерк и обзор лучше, чем заметив, что “Вильгельм Мейстер”¹⁷, “Зеленый Генрих”¹⁸ нашего поколения до сегодняшнего дня еще не написаны»¹⁹. От автора, который обдумал условия сегодняшнего производства, ничто не лежит так далеко, как ожидание или же только желание таких произведений. Его работа никогда не будет только работой над продуктами, но всегда одновременно работой над средствами производства. Другими словами: его продукты наряду и прежде собственного характера произведения должны обладать организующей функцией. И ни в коем случае организационная пригодность не должна ограничиваться пригодностью в сфере пропаганды. Только тенденции недостаточно. Превосходный Лихтенберг²⁰ сказал: «Вопрос не в том, какие мнения кто-то имеет, но что эти мнения делают из человека». Однако все же вопрос больше во мнениях, но лучшее не сделает ничего полезного, если оно не делает ничего полезного из тех, которые его имеют. Лучшая тенденция — неверна, если она не показывает позицию, в которой ей должны следовать. И эту позицию писатель может показывать только там, где он вообще

что-то делает: именно письменно. Тенденция является важным, никогда не достаточным условием организующей функции произведений. Далее она требует наставляющего поведения пишущего. И сегодня это может требоваться как никогда. *Автор, который ничему не учит писателей, не учит никого.* Итак, крайне важен модельный характер продукции, который может других производителей, во-первых, приучить к продукции, во-вторых, предоставить им в распоряжение улучшенный механизм. И этот механизм именно тем лучше, чем больше потребителей он снабжает продукцией, короче говоря, чем больше он в состоянии делать соучастников из читателей и зрителей. Мы уже обладаем такого рода моделью, о которой я здесь мог сказать только намеком. Это эпический театр Брехта.

Снова и снова пишутся трагедии и оперы, у которых для вида в распоряжении испытанный сценический механизм, в то время как в действительности они не делают ничего, кроме как заполняют шаткий механизм. «Эта господствующая у музыкантов, писателей, критиков неясность их ситуации, — говорит Брехт, — имеет чудовищные последствия, на которые слишком мало обращают внимание. Так как мнением, что они владеют механизмом, который в действительности владеет ими, они защищают механизм, более не подконтрольный им, который, как они еще думали, не является средством для производителей, но стал средством против производителей». Средством против производителей этот театр сложных систем, вызовов огромных масс статистов, изоощренных эффектов стал не в последнюю очередь вследствие того, что он вербует производителей для безнадежной конкурентной борьбы, которой его опутали кино и радио. Этот театр — можно думать о нем как о созидающем или разрушающем; оба эпитета являются комплиментами и дополняемы — тот самый театр сытого слоя, который все, чего касается его рука, делает прелестью. Его позиция — потерянная. Не то, что позиция театра, который, вместо того чтобы вступать в конкуренцию с теми новыми публикаторскими инструментами, пытается их применить, научиться им, короче, ищет дискуссию с ними. Эту дискуссию сделал своим делом эпический театр. Он, в сравнении с современным уровнем кино и радио, является соответствующим духу времени.

В интересах этой дискуссии Брехт вернулся к самым изначальным элементам театра. Он ограничился в определенной мере подиумом. Он отказался от слишком захватывающих действий. Так ему удалось изменить функциональную взаимосвязь между сценой и публикой, текстом и постановкой, режиссером и артистом. Эпический театр, поясняет он, должен не только развивать действия, но и представлять состояния. Он содержит такие состояния, как мы увидим, позволяя прерывать действия. Я напоминаю Вам здесь о зонгах, которые выполняют главную функцию в прерывании действий. Итак, эпический театр здесь — именно принципом прерывания — как мы и видим, усваивает прием, который в последние годы стал Вам привычен из кино и радио, прессы и фотографии. Я говорю о приеме монтажа: смонтированное и прерывает взаимосвязь, которой оно смонтировано. Но что этот прием имеет здесь свое особое, и здесь возможно свое полное право, об этом позвольте мне сделать небольшое замечание.

Прерывание действия, из-за этого Брехт обозначил свой театр как эпический, постоянно борется с иллюзией у публики. Именно такая иллюзия является непригодной для театра, который намерен обработать элементы действительного в смысле расстановки попыток. Однако в конце, не в начале, этой попытки стоят состояния. Состояния, которые в том или ином содержании всегда свои. Они стали зрителю не ближе, но отдаленнее от него. Он узнает их как действительные состояния, не с самодовольством, как в театре натурализма, но с изумлением. Эпический театр состояния и не возвращает, он скорее открывает их. Открытие состояния осуществляется посредством прерывания последовательности развития. Только прерывание здесь имеет не характер очарования, но организующую функцию. Оно останавливает течение действия и тем самым принуждает слушателя определить позицию в процессе, актера — определить свою роль. На одном примере я хочу Вам показать, как обнаружение и выражение Брехтом жеста не означает ничего иного, как обратное превращение решающих в кино и радио методов монтажа из часто модного приема в человеческое событие. — Представьте себе семейную сцену: жена как раз собирается взять бронзовую статуэтку, чтобы швырнуть ее в дочь; отец собирается открыть окно, чтобы по-

звать на помощь. В этот момент входит чужак. Процесс прерывается; то, что на его месте обнаружило себя, и есть состояние, в которое уткнулся взгляд чужака: смущенные мины, открытое окно, разрушенная мебель. Но имеется взгляд, перед которым и обыкновенные сцены сегодняшнего бытия выглядят немного иначе. Это взгляд эпического драматурга.

Он противопоставляет общему драматическому производству искусства (Gesamtkunstwerk) драматическую лабораторию. Он по-новому обращается к великому испытанному театральному моменту — к экспонированию присутствующего. В центре его попыток стоит человек. Сегодняшний человек; редуцированный, поставленный на холод в холодной среде. Но так как у нас в распоряжении только такой, то мы заинтересованы в том, чтобы его познать. Он подвергается испытаниям, освидетельствованиям. То, что следует, является изменчивым событием, познанным не в своей высшей точке, не добродетельно и добровольно, но только в своем строго привычном протекании через разум и навык. Конструировать из мельчайших элементов манеры поведения, что в аристотелевской драматургии называется «действовать», в этом заключен смысл эпического театра. И его средства скромнее, чем у традиционного театра; такие же точно его цели. Он меньше заинтересован в том, чтобы наполнить публику чувствами — это были бы и чувства смятения, — чем тем, чтобы настойчивым образом отдалить ее, через мышление, от состояний, в которых она живет. Только, между прочим, позволил бы заметить, что для мышления нет лучшего начала, чем улыбка. И особенно встряска диафрагмы обычно предоставляет думающему лучшие шансы, чем встряска души. Эпический театр пышен именно в поводах для смеющегося.

Возможно, Вам бросилось в глаза, что ход мыслей, перед завершением которого мы стоим, представляет писателю лишь требование размышлять над требованием, обдумывать свое положение в производственном процессе. Мы должны положиться на то, что это размышление приведет писателей, *от которых это зависит*, что называется — лучших техников их профессии, рано или поздно к решениям, которые разумнейшим образом обоснуют их солидарность с пролетариатом. Я хотел бы для этого в за-

ключение представить один актуальный документ в виде маленького отрывка из местного журнала «Коммуна». «Коммуна» проводит опрос «Для кого Вы пишете?». Я цитирую ответ Рене Моблана²¹, а также последующие замечания Арагона²². «Несомненно, я пишу, — говорит Моблан, — почти исключительно для буржуазной публики. Во-первых, так как я к ней принадлежу». Здесь Моблан указывает на свой профессиональный долг как учителя гимназии. «Во-вторых, так как я имею буржуазное происхождение, буржуазное воспитание, я происхожу из буржуазного слоя, таким образом, конечно, я склонен обращаться к классу, к которому я принадлежу, который я лучше знаю и лучше могу понять. Но это не значит, что я пишу, чтобы ему нравиться или чтобы его поддерживать. С одной стороны, я убежден, что пролетарская революция необходима и желательна, с другой стороны, что она пройдет тем быстрее, легче, успешнее и менее кроваво, чем слабее будет сопротивление буржуазии. Пролетариату сегодня необходимы союзники из лагеря буржуазии точно так, как в восемнадцатом веке буржуазия нуждалась в союзниках из феодального лагеря. Среди этих союзников я хотел бы быть».

Здесь Арагон замечает: «Наш товарищ затронул здесь положение вещей, которое касается очень большого числа сегодняшних писателей. Не все имеют мужество взглянуть ему в глаза... Те, кто так ясно представляет себе свое собственное положение, как Рене Моблан, редки. Но как раз от них нужно требовать еще больше ... Недостаточно ослаблять буржуазию изнутри, нужно бороться с ней *вместе с* пролетариатом... Перед Рене Мобланом и многими нашими друзьями среди писателей, которые еще колеблются, стоит пример писателей Советской России, которые вышли из русской буржуазии и, тем не менее, стали пионерами социалистического строительства».

Так считает Арагон. Но как они станут пионерами? Все же, пожалуй, не без предельно озлобленных схваток, крайне тяжелых дискуссий. Соображения, которые я Вам представил, пытаются извлечь плоды из этих схваток. Они основываются на понятии, которому дебаты вокруг позиции русских интеллектуалов обязаны своей решающей ясностью: на понятии специалиста. Солидарность специалиста с пролетариатом — в этом состоит начало

этой ясности — всегда может быть только посреднической. Представители активизма и новой вещественности могли вести себя, как хотели: они не могли изменить факт, что даже пролетаризация интеллектуала почти никогда не делает его пролетарием. Почему? Потому, что буржуазный класс в облике образования дает ему средство производства, которое на основе привилегии образования делает его солидарным с классом, и еще больше класса с ним. Поэтому вполне правильно, когда Арагон, в отношении другого момента, заявил: «Революционный интеллектуал скоро появится и, прежде всего, как предатель своего первоначального класса». Это предательство состоит, по мнению писателя, в поведении, которое сделает его из поставщика производственного механизма инженером, видящим свою задачу в том, чтобы приспособить этот механизм целям пролетарской революции. Это и есть посредническая действительность, но она же освобождает интеллектуалов от той чисто деструктивной задачи, которой Моблан со своими товарищами полагает, что нужно его ограничить. Удастся ли ему способствовать обобществлению средств духовного и умственного производства? Видит ли он пути самоорганизации работников духовной и умственной сферы в процессах производства? Имеет ли он предложение перефункционалирования романа, драмы, стихов? Чем полнее он может направить свою активность на эту задачу, тем правильнее тенденция, тем неизбежно выше и техническое качество его работы. А с другой стороны: чем более точно он, таким образом, будет в курсе дела о своем месте в процессе производства, тем меньше он будет отвлекаться на мысль, чтобы выдать себя за «человека духовного и умственного труда». Дух, который дает о себе знать именем фашизма, *должен исчезнуть*. Дух, который выходит ему навстречу, надеясь на свою чудесную силу, *исчезнет в будущем*. Потому что революционная борьба разыгрывается не между капитализмом и духом, но между капитализмом и пролетариатом.

Примечания

- ¹ Сергей Михайлович Третьяков (1892—1937, возможно 1939) — русский писатель, поэт, драматург, публицист, общественный деятель. Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке (товарищ минист-

ра просвещения в ДВР). В 1919 г. во Владивостоке вышел его первый сборник стихотворений «Железная пауза». В 1921 г. вернулся в Москву. Один из лидеров группы «ЛЕФ». Редактировал журнал «Новый ЛЕФ». Автор агитационных романов, пьес, стихов, очерков. Его пьесы ставили В. Э. Мейерхольд и С. М. Эйзенштейн. В 1925 г. — председатель Художественного совета первой Госкинофабрики. Один из первых переводчиков Б. Брехта, который называл его «моим учителем». Репрессирован; реабилитирован посмертно.

² Собственные мысли Вальтера Беньямина. Почти дословно приведена заметка «Газета», вышедшая в конце марта 1934 г. в швейцарском журнале «Общественная служба»; см.: Benjamin W. *Gesammelte Schriften*. Bd. 2. S. 628—629.

³ Активизм — основанное Куртом Хиллером в 1914 г. пацифистское движение, получившее известность в Веймарской республике. Непосредственное начало движению было положено «ежегодником духовной политики» «Цель» (1916—1924), где печатались известные писатели и публицисты, в том числе В. Беньямин, позже критиковавший движение. Ставило целью «активизацию духовного для достижения новой эры человечества» (К. Хиллер в книге «Путь к раю» (1922)). При этом немецких литераторов К. Хиллер видел как «агитаторов, объединяющих народ против власти и предоставляющих всю силу слова его борьбе, которая является борьбой духа». Воплотить эти идеи должны были «Союз активистов» и «Политический совет трудящихся духа». В 1919 г. в Берлине был проведен «Конгресс активистов». Идеи движения были популярны среди интеллигенции Германии вплоть до прихода нацистов. В 1942 г. Хиллер констатировал: «Мы, активисты, имели трудную задачу. Во-первых, мы должны были, до 1918 г., привлечь интеллектуалов к политике; во-вторых, когда нам это в целом удалось, политиков — к интеллекту. Вторая часть задачи осталась нерешенной».

⁴ Новая вещественность — течение в искусстве Веймарской республики, проявившее себя в литературе, живописи, архитектуре и фотографии. Впервые понятие «новая вещественность» было использовано в названии выставки современной живописи в Манхейме в 1923 г. ее куратором Г. Ф. Хартлаубом. Основной темой новой вещественности была многогранная хозяйственная и повседневная жизнь людей больших городов в период стабилизации Веймарской республики. В литературе примером являются романы Х. Фаллады, Л. Фейхтвангера и А. Дёблина. Идеологическому хаосу буржуазного общества, лихорадочному ритму современной жизни авторы новой вещественности

противопоставили модель ясного, будто бы реального мира. Для новой вещественности характерно стремление точно изображать действительность, документировать происходящее вокруг. После начала экономического кризиса течение утратило свое значение.

⁵ Генрих Манн (1871—1950) — немецкий писатель, публицист и общественный деятель. Был известен своими левыми взглядами и критически высказывался в отношении немецкого национализма. Его произведения отражали политические взгляды автора. Первым значительным романом стала «Земля обетованная» (1900). Идеи «революции духа» выразил сатирический роман «Учитель Гнус» (1905). В 1918 г. вышел эстетически близкий к нему роман «Верноподданный», принесший большую популярность писателю. Он был частью трилогии «Империя», куда вошли романы «Бедные» (1917) и «Голова» (1925), изображая каждый соответственно буржуазию, пролетариат и интеллигенцию вильгельмовской Германии. В 1931 г. возглавил отделение литературы прусской Академии искусств, но в 1933 г. покинул Германию, а вскоре был исключен из академии и лишен немецкого гражданства. В 30-е гг. создал диологию о короле Генрихе IV. В 1940 г. уехал в США. Новая страна осталась чужда ему, он испытывал материальные трудности. Продолжал писать, своеобразным подведением итогов стала публицистическая книга «Обзор века» (1946). В 1949 г. принял предложение стать президентом Академии искусств в Берлине, но перед отъездом в Германию скончался.

⁶ Альфред Дёблин (1878—1957) — немецкий писатель, публицист. Первоначально много писал о культурных событиях и повседневной жизни Берлина. Приобретенный опыт в анализе повседневности помог при написании романа «Берлин, Александрплатц» (1929), являющемся самым значительным в истории литературы произведением, посвященным жизни крупного города. В начале 1933 г. покинул Германию, а в 1936 г. получил французское гражданство. Во Франции работал в Министерстве пропаганды. После начала войны переехал в США. Пытался работать сценаристом, но чувствовал себя культурно изолированным. После войны вернулся в Европу: в должности литературного инспектора работал во французской зоне оккупации в Германии. Стал одним из основателей Академии наук и литературы, писал для газет и радио, был наставником молодых писателей, в том числе Г. Грасса. Прохладно был принят его монументальный роман «Ноябрь 1918 г. Немецкая революция» (1949/1950). Постепенно разочаровался в методах строительства демократии в ФРГ, но сотрудничество с ГДР ограничивал написанием статей для

журналов. В 1953 г. уехал во Францию, где оставался до 1956 г. Незадолго до смерти вернулся в Германию.

⁷ Курт Хиллер (1885—1972) — немецкий писатель и публицист. Первоначально был известен как экспрессионист, но позже стал теоретиком активизма. Автор «Манифеста деятельного духа». Редактор «ежегодника духовной политики» «Цель» (1916—1924), где сторонники активизма излагали свои концепции и актуальные оценки. Отдаленной целью считал «рай на земле». Для этого люди духовного и умственного труда, «активные и лучшие по духу и характеру», должны получить власть. Во время Первой мировой войны основал «Союз Цели» (1917, позже «Союз активистов») и «Политический совет трудящихся духа» (1918). Пропагандировал собственное понимание социализма, идеи пацифизма и выступал с защитой прав сексуальных меньшинств. В 1919 г. основал Немецкое движение сторонников мира, в 1926 г. — «Группу революционеров-пацифистов». В 1924—1933 гг. — один из редакторов и основных авторов журнала «Вельтбюне». В 1933 г. находился в концлагере. В 1934 г. эмигрировал в Чехословакию и пытался объединить левых эмигрантов. В 1938 г. переехал в Англию. Основал «Свободный союз немецких социалистов». В 1955 г. вернулся в Германию. Основал «Новый социалистический союз», оставшийся малочисленным. Сотрудничал со многими журналами. Незадолго перед смертью закончил автобиографию «Жизнь вопреки времени».

⁸ Бертольт Брехт (1898—1956) — немецкий драматург и поэт, общественный деятель, теоретик искусства и одна из наиболее влиятельных фигур в театральном искусстве XX в. Придерживался левых взглядов. Инсценировал «Оперу нищего» Джона Гея под названием «Трехгрошовая опера» (1928). С конца 20-х гг. разрабатывал теорию «эпического театра», который видел театром «эпохи науки и социалистической революции». Автор пьес «Жизнь Галилея» (1938—1939), «Добрый человек из Сезуана» (1938—1940), «Мамаша Кураж и ее дети» (1941) и «Кавказский меловой круг» (1941), «Карьера Артура Уи» (1941), а также серии назидательных пьес, постановка которых была возможна самодеятельными коллективами. Они должны были «пробудить у зрителей самостоятельное критическое революционное мышление». В 1933 г. эмигрировал из Германии, жил в Дании, где его часто посещал В. Беньямин, Швеции, Финляндии и США. В эти годы написаны «Трехгрошовый роман» (1934), статья «Пять трудностей пишущего правду» (1934), ставшие его первыми значительными произведениями в качестве писателя и публициста. После войны получил гражданство Австрии; в 1949 г. основал театральную труппу «Бер-

линский ансамбль» в ГДР. Наряду с творчеством развивал и эстетические теории. Был избран в Академию искусств (1950).

⁹ Дадаизм — течение в литературе, изобразительном искусстве, театре и кино, основанное во время Первой мировой войны в Швейцарии группой художников из европейских стран. Существовал с 1916 по 1922 г. Ярко выразил себя в скандальных акциях — заборных каракулях (корни современного граффити), непонятных чертежах, комбинациях случайных предметов. Возник как реакция на последствия войны, жестокость которой, по мнению дадаистов, подчеркнула бессмысленность существования. Рационализм и логика объявлялись одними из главных виновников войн и конфликтов. При этом слово «дада» означало тотальное сомнение, абсолютный индивидуализм и разрушение устоявшихся идеалов и норм, «символизовало простейшее отношение к окружающей действительности», начало «новой реальности», когда «жизнь предстает перед нами синхронным хаосом шумов, цветов и духовных ритмов». Основными принципами течения были иррациональность, отрицание признанных канонов и стандартов и бессистемность. Несмотря на неприятие буржуазного искусства и членство многих дадаистов в компартиях, не получил с их стороны однозначной поддержки. Считается, что течение предшествовало сюрреализму, во многом определив его идеи и методы.

¹⁰ Джон Хартфильд (1891—1968, настоящее имя Хельмут Херцфельд) — немецкий художник, график, фотохудожник, декоратор. Член КПГ (1918). Придерживался принципов дадаизма. Участник скандальной арт-ярмарки дадаистов в Берлине (1920). Известен как пионер техники фотомонтажа. С 1924 г. работал в жанре политического фотомонтажа и до 1933 г. делал коллажи, плакаты и динамические фото для «Иллюстрированной рабочей газеты» и других партийных изданий. В 1931 г. посетил СССР и познакомился с С. М. Третьяковым. В 1933 г. эмигрировал в Чехословакию, где продолжил оппозиционную деятельность. В 1935 г. прошла его выставка в Париже. В 1936 г. увидела свет иллюстрированная им книга С. М. Третьякова. В 1938 г. переселился в Англию. Участвовал в движении Сопротивления. В 1950 г. поселился в ГДР. Активно сотрудничал с издательствами и театрами. В 1956 г. стал членом Академии искусств, а в 1960 г. — профессором берлинской Академии искусства.

¹¹ Альберт Ренгер-Патцш (1897—1966) — немецкий фотограф, принадлежавший к направлению новой вещественности. Специализировался на индустриальной фотографии. Автор фотоальбома «Мир прекрасен» (1928), содержавшего изображения мира в самых разных ракур-

сах — от растений до заводских корпусов. Считал своей целью изображение вещей в их простоте и ясности в виде документа, а потому был противником художественной фотографии. Его именем названа европейская премия книжной фотографии, вручаемая с 1991 г.

¹² Ханс Эйслер (1898—1962) — немецкий и австрийский композитор и музыкальный теоретик. Член КПГ (1926). С 1926 г. жил в Германии. С 1925 г. выступал за демократизацию искусства, что проявилось в создании произведений для рабочих хоров. Автор многочисленных музыкальных произведений разного жанра, включая песни и музыку к фильмам и театральным постановкам, среди которых пьесы Б. Брехта. Автор произведений по теории музыки, в том числе в соавторстве с Т. Адорно («О музыке к фильму», 1942). В 1933 эмигрировал, жил в ряде европейских стран, затем в США. Здесь продолжил сотрудничество с Брехтом и создание музыки к фильмам, несколько раз получал премию «Оскар». Из-за политических взглядов и начала «маккартизма» покинул США и поселился в ГДР. Автор гимна ГДР. Участвовал в создании Академии искусств (1950) и до 1962 г. работал в Государственной консерватории и Высшей школе музыки, которая с 1964 г. носит его имя. Незадолго до смерти стал президентом Музыкального совета ГДР.

¹³ Собственные мысли Вальтера Беньямина. Приведен отрывок из заметки «Левая меланхолия», опубликованной в журнале «Общество» в 1931 г.; см.: Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 3. S. 280.

¹⁴ Эрих Кёстнер (1899—1974) — немецкий писатель и поэт, широко известный разнообразными произведениями от юмористических детских книг до острокритических стихов на злобу дня. Работал в жанре литературного кабаре. Один из представителей новой вещественности. Наиболее продуктивным периодом его творчества были 1927—1933 гг., когда он жил в Берлине и стал одной из самых значимых интеллектуальных фигур в стране. Наряду с книгами много публиковался в газетах. В 1933 г. эмигрировал, но вскоре вернулся в Берлин. Подвергался арестам и запрету на профессию. После войны поселился в Мюнхене, где сотрудничал в газетах и на радио, работал в жанре литературного кабаре; значительный доход приносили переиздания произведений «веймарского» периода. По его книгам во многих странах ставились фильмы. В 1951 г. стал президентом западногерманского ПЕН-клуба.

¹⁵ Вальтер Меринг (1896—1981) — немецкий сатирический писатель, поэт, драматург. Принадлежал к дадаизму. Один из основателей жанра политического литературного кабаре. С 20-х гг. регулярно

публиковал в журналах, прежде всего в «Вельтбюне», сатирические рассказы и стихи против милитаризма, растущего национализма и антисемитизма. В 1921—1928 гг. жил и работал в Париже в качестве корреспондента. В 1927 г. опубликовал сатирический роман «Париж в огне», где выступил против продажности прессы. Песни, стихи, пьесы сделали его знаменитым. Нацисты и штурмовики, против которых была направлена сатира, срывали спектакли и призывали к расправе над автором. В 1933 г. эмигрировал во Францию, а в 1941 г. оказался в США. Продолжал писать, и в 1935 г. увидел свет его сатирический роман о национал-социализме «Мюллер. История одного немецкого рода от Тацита до Гитлера» (1935). После войны вернулся в Европу и жил в Баварии и Швейцарии. В 1952 г. увидела свет его книга «Потерянная библиотека. Автобиография одной культуры», представлявшая собой смешение жанров — от автобиографии и исторических заметок до литературно-критических и политических размышлений.

- ¹⁶ Курт Тухольский (1890—1935) — немецкий писатель, поэт и публицист. С начала 10-х гг. стал известен как сатирик. Сотрудничал с левым еженедельником «Шутка». Был журналистом «Форвертс», партийного органа СДПГ. Участник Первой мировой войны. В 20-е гг. — один из редакторов и основных авторов «Вельтбюне». Симпатизировал левым политическим партиям, однако выступал также с критикой СДПГ. Считал себя левым демократом, пацифистом и антимилитаристом. Работал в жанре литературного кабаре. В 1919 г. принял участие в создании «Союза ветеранов за мир», а в 1920 г. вступил в Независимую социал-демократическую партию. Из-за финансовых проблем стал работать секретарем в банке. В 1924 г. возобновил сотрудничество с «Вельтбюне» в качестве корреспондента в Париже. Активно участвовал через прессу в политических дебатах в Германии. Опубликовал эссе о путешествии «Пиренеи» (1927), сборник статей «Пять псевдонимов» (1928), роман «Улыбка Моны Лизы» (1929), острокритическую книгу «Германия, Германия прежде всего» (1929), иллюстрированную Дж. Хартфильдом. Воспринимал как личную трагедию рост влияния нацистов. С 1930 г. жил в Швеции и опасался посещать Германию в связи с судебным преследованием редакторов «Вельтбюне». Вел активную переписку и дневники, но в эмигрантской прессе публиковался мало. Умер от передозировки снотворного.

- ¹⁷ Вильгельм Мейстер — имя главного героя романа И. Г. Гете «Годы учения» (1795/96), считающегося крупнейшим произведением в жанре романа воспитания в немецкой литературе.
- ¹⁸ «Зеленый Генрих» (1854/55) — роман Г. Келлера, считающегося, наряду с «Годами учения» Гете, крупнейшим произведением в жанре романа воспитания в немецкой литературе.
- ¹⁹ *Gründel G. E. Die Sendung der Jungen Generation. Versuch einer umfassenden revolutionären Sinndeutung der Krise.* München, 1932. S. 116.
- ²⁰ Георг Кристоф Лихтенберг (1742—1799) — немецкий философ и писатель, первый немецкий профессор по экспериментальной физике. Основатель жанра афоризма в немецкой литературе. Его мысли-афоризмы, создаваемые на протяжении всей жизни, представлены в т. н. «Зюдельбух» («Черновых тетрадах», всего 11). Они принесли автору посмертную славу, хотя при жизни он был известен как физик и его исследования имели большое значение для науки.
- ²¹ Рене Моблан (? — ?) — французский коммунистический философ, автор книг «La Philosophie du Marxisme et l'Enseignement Officiel» (1935) и «Le Marxisme et la Liberte» (1946).
- ²² Луи Арагон (1897—1982) — французский писатель и поэт, представитель соцреализма. В молодости был близок к дадаизму. В 1924 г. вместе с А. Бретоном основал сюрреализм. В 1927 г. вступил во ФКП и начал активно заниматься журналистикой. Во время Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления. В последующие годы выступал против авторитаризма в СССР и осуждал процессы против писателей, в частности дело Синявского-Даниэля в 1966 г. В 1968 г. протестовал против ввода войск в Чехословакию.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г. Н. Кныш

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Монография украинского историка, декана исторического факультета Харьковского национального университета С. И. Посохова расширяет круг научной литературы, посвященной идее и истории университетов¹. Примечательно, что автор свой труд посвятил памяти российского историка университетов Владимира Ивановича Чеснокова. В 2006 г. С. И. Посохов успешно защитил докторскую диссертацию, которая глубоко анализирует состояние и эволюцию университетов Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. в публицистике и историографии².

Университет всегда представлял важный социальный институт и феномен культуры, центр формирования интеллигенции, средоточие интеллектуальной элиты общества, на что особое внимание обращает автор монографии. Вот почему работа С. И. Посохова представляет научный интерес не только в кругу историков университетов, но и для интеллигентоведов.

Данную монографию можно считать первой комплексной историографической работой, в которой подытоживаются результаты исследования российских университетов второй половины XIX — начала XX в. за значительный промежуток времени (с середины XIX в. до нынешнего времени). Выбор исследуемого периода истории университетов автор убедительно объясняет

© Кныш Г. Н., 2008

Кныш Григорий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры украинской истории и этнополитики Днепропетровского национального университета.

тем, что это было время не только укрепления университетской автономии на востоке Европы, но и начало активного обсуждения так называемого «университетского вопроса» на страницах разнообразных изданий. Пытаясь ответить на вопросы о назначении, функциях, задачах университетов Российской империи и университетов вообще, разные группы интеллектуалов создавали свои образы университетов. Эти «прижизненные» образы существенно повлияли на весь дальнейший процесс изучения сложной судьбы этих университетов, в том числе и на формирование взглядов, представленных в современной научной литературе. Как подчеркивает С. И. Посохов, «наши представления об университетах Российской империи второй половины XIX — начала XX в. есть результат восприятия часто сложного переплетения образов, созданных нашими предшественниками в ходе осмысления такого уникального исторического явления, как университет»³.

Не претендуя на всеобъемлемость исследования, автор монографии определил прежде всего наиболее существенные отличия, которые были присущи отдельным этапам изучения темы, выяснил особенности соответствующего историографического процесса, разработал и предложил методику анализа историографических образов, выявил доминирующие и маргинальные образы на каждом историографическом этапе, раскрыл основные элементы их конструкций.

Во введении С. И. Посохов объясняет необходимость применения специфического инструментария в исследовании — так называемых «маркеров», т. е. зафиксированных признаков, которые, оставаясь в неизменном виде, отмечают тематические изменения и «точки напряжения» в конкретные историографические периоды. Автор предвидит возможные обвинения в искусственности таких конструкций, но убеждает читателя в том, что они преимущественно отвечают теме и материалу, и лишь в малой степени — желанию самого автора. Важным является замечание С. И. Посохова о том, что изучение образов университетской истории, созданных в художественной и мемуарной литературе, может стать предметом специального исследования.

Исходя из текста монографии, вполне оправданной, на наш взгляд, выглядит позиция С. И. Посохова, касающаяся использования публицистики как историографического источника, а не толь-

ко исторического, что позволило шире раскрыть изучаемую проблему. Этому способствовало и привлечение других видов источников — официальных документов центральных ведомств, университетских постановлений, воспоминаний и других материалов.

Ознакомившись с монографией С. И. Посохова, убеждаешься в том, что исследователь довольно глубоко знает современную российскую историографию университетов с ее насущными проблемами, идейными страстями, полемикой и пр.

В соответствии с предложенной периодизацией в историографии дореволюционных российских университетов, которая в некоторой степени является условной, автор вполне логично построил и структуру своего исследования. Работа состоит из четырех разделов.

В первом разделе «Университеты Российской империи второй половины XIX — начала XX в. в оценках современников» выделены такие вопросы: поиск идеала университета или его исторической миссии, эволюция идеи университетского самоуправления, сущность и особенности университетской корпорации. На основе анализа публицистики и историографии того времени С. И. Посохов выделяет три основных образа университетов: либеральный, консервативный и революционный. Господствующим в тот период стал либеральный образ.

Во втором разделе «Публицистика и историография 1920—40-х годов о дореволюционных российских университетах» раскрываются вопросы отражения негативного образа «старого университета», «кастового университета», отрицания идеи классического университета вообще.

Третий раздел «Университеты Российской империи второй половины XIX — начала XX в.: образы в историографии 1950-х — начала 1990-х годов» освещает сложный, иногда противоречивый процесс в советской историографии, сочетающий в себе и традиционный классовый подход, и некоторые новаторские идеи всестороннего изучения университетской среды.

В последнем, четвертом разделе монографии «Современная историография об университетах Российской империи второй половины XIX — начала XX в.» С. И. Посохов выделяет узловые вопросы постсоветской историографии: российский тип университета, рамки автономии, корпоративная культура. При этом он

обращает внимание на характерные особенности этого периода, а именно: значительный интерес к истории университетов, смену приоритетов в исследованиях (изучение идейных процессов, культурный контекст), ликвидацию политических и идеологических ограничений, возрождение элементов «первообразов» университетов, изучение особенностей «национальной модели» российских университетов и др.

Возможно, не все исследователи полностью согласятся с положениями, изложенными в монографии, учитывая чрезвычайную сложность самой темы, однако нельзя не принять справедливый вывод автора о том, что «вопросы истории и будущего университетов еще долго будут интересовать высокоинтеллектуальную университетскую общественность, эмоционально окрашенные образы университетов, которые возникли из массового сознания или по необходимости, еще не раз появятся на страницах разнообразных изданий»⁴.

В завершение следует высказать лишь сожаление, что монография С. И. Посохова издана на украинском языке, это, естественно, ограничивает и затрудняет доступность ее изучения. Этот оригинальный труд, безусловно, можно считать серьезным вкладом и в интеллигентоведение, так как университеты и интеллигенция неразрывно связаны друг с другом и, по сути, тождественные понятия. Рецензируемая монография предназначена для научных работников, преподавателей и студентов, всех, кто интересуется проблемами истории университетов и историографией.

Примечания

¹ *Посохов С. И.* Образы университетов Российской империи второй половины XIX — начала XX в. в публицистике и историографии. Харьков, 2006. 368 с.

² *Посохов С. И.* Университеты Российской империи второй половины XIX — начала XX в. в публицистике и историографии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Днепропетровск, 2006.

³ *Посохов С. И.* Образы университетов Российской империи... С. 4.

⁴ Там же. С. 362.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Р. А. Шипилова

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ СПЕЦКУРСА «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ»

В системе социально-гуманитарного образования наряду с обязательными учебными дисциплинами немаловажную роль играют специальные и элективные курсы, дополняющие и в значительной мере углубляющие знания студентов по многим проблемам их профессиональной подготовки. В Южном федеральном университете такие курсы читаются студентам начиная со второго года обучения, и все они вызывают большой интерес слушателей. Программы курсов разрабатываются преподавателями кафедр с учетом собственных научных интересов. Так, на кафедре политической истории исторического факультета много лет читаются элективные курсы студентам тех факультетов, на которых работают преподаватели: философском, социологии и политологии, психологии, механико-математическом, физическом, биолого-почвенном и др. Тематика этих курсов весьма разнообразна: «Политические портреты», «Власть и казачество», «Русское зарубежье», «Внешняя политика СССР и постсоветской России», «История предпринимательства в России», «Интеллигенция и власть» и др.

Курс «Интеллигенция и власть» был предложен студентам IV курса отделения культурологии философского факультета.

© Шипилова Р. А., 2008

Шипилова Раиса Анисимовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории исторического факультета Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Задача курса — дать будущим культурологам представление о формировании и развитии дефиниции «интеллигенция», об основных этапах и содержании процесса образования интеллигенции, о ее взаимоотношениях с другими социальными слоями и классами общества. Студенты знакомились с историографией проблемы, характеристикой научных школ по изучению истории интеллигенции.

Главное внимание уделялось отношению власти и интеллигенции на различных исторических этапах развития Российского государства, особенно — анализу роли духовной элиты современной России в реформировании политической, социально-экономической, культурной жизни страны.

Студенты были ознакомлены с программой спецкурса, состоящей из десяти лекций, списком обязательной и дополнительной литературы и тематикой рефератов. Учитывая, что проблемы взаимоотношения интеллигенции и власти рассматриваются студентами IV курса отделения культурологии, которые многие темы по истории культуры уже изучали, им было предоставлено право самим (по согласованию с преподавателем) сформулировать интересующую их тему реферата по одной из проблем читаемого курса. Выбор тем был проведен в самом начале занятий, а на озвучивание и обсуждение студенческих работ выделялось еще 10 часов по окончании лекционного цикла. Одновременно были определены рецензенты (оппоненты) каждого реферата, поэтому обсуждение проходило достаточно активно и заинтересованно. Итогом спецкурса был зачет.

Обозначив чисто организационную сторону, хочу особо отметить содержательные моменты. Помимо тем, предложенных в соответствии с программой спецкурса: «Основные подходы к определению понятия “интеллигенция” в современной научной литературе», «Взаимоотношения “старой” интеллигенции и Советской власти (К историографии проблемы)», «Проблемы интеллигенции в идейно-политической борьбе 20—30-х годов XX века», «Интеллигенция и Белое движение», «Интеллигенция и власть в период Великой русской революции 1917 года и гражданской войны», «Интеллигенция и власть в тоталитарном обществе» и других, студентов заинтересовала такая тема, как «Судьбы русской интеллигенции в художественной литературе», кото-

рая была конкретизирована применительно к произведениям блестящих русских писателей. Например, «Судьбы русской интеллигенции в романе “Бесы” Ф. М. Достоевского», «Судьба русского интеллигента по роману Б. Пастернака “Доктор Живаго”». В этих докладах органично соединились знание литературы, умение провести социально-политический и литературоведческий анализ художественного произведения, полученные будущими культурологами, с теоретическими основами интеллигентоведения, предложенными в спецкурсе.

Особо следует подчеркнуть интерес студентов к теории вопроса, историографическому осмыслению многих проблем спецкурса применительно к темам своих докладов. Такие сообщения, как «“Вехи” о родовых чертах российской интеллигенции», «Н. А. Бердяев как историк российской интеллигенции», «Н. В. Устрялов и идеология национал-большевизма», «П. Б. Струве о роли интеллигенции в революционном и освободительном движении» и другие, побудили студентов еще раз обратиться к сборникам «Вехи», «Из глубины», работам Н. А. Бердяева и многим другим.

В разработке и чтении спецкурса мною был использован опыт научного руководства аспирантами и участие в многочисленных конференциях и заседаниях проблемных советов по истории интеллигенции, проводившихся в Екатеринбурге, Новосибирске, Кемерове, Иванове и других городах.

Так, диссертация А. В. Байлова «От “Вех” к сменовеховству (Из истории идейно-политических исканий российской интеллигенции)», защищенная в 1996 году, помогла определить такие направления в обсуждении тематики спецкурса, как сочетание веховских традиций и неославянофильских настроений российской интеллигенции (доклад «Славянофильская традиция и ее развитие в послереволюционный период»), характеристика наиболее типичных особенностей родовых черт интеллигенции — отщепенства, толерантности и др. (доклады «Нигилизм русской интеллигенции. Поиск “формулы прогресса”», «Значимость религии для российской интеллигенции» и т. д.).

Следует отметить, что подобный спецкурс у студентов IV курса исторического факультета вызвал интерес не только философскими аспектами проблематики, но и спецификой различ-

ных периодов российской истории, на протяжении которых взаимоотношения власти и интеллигенции складывались по-разному и во многом зависели от партийных установок и решений, социально-экономических условий, формирования новой генерации научной, художественной, политической элиты страны.

В дальнейшем совершенствовании данного спецкурса, перспектив его развития большую роль играет ряд факторов: прежде всего, постоянно пополняющаяся новыми работами обширная историография, материалы всероссийских конференций последних лет. В частности, «Российская интеллигенция: критика исторического опыта» (Екатеринбург, 2001 г.), «Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции» (Пермь, 2002 г.), «Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения» (Екатеринбург, 2003 г.), «Интеллигенция России и Запада в XX—XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития» (Екатеринбург, 2004 г.), «Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения» (Иваново, 2007 г.) и др.

Знакомство студентов с материалами названных и других конференций, с именами и позицией видных ученых страны позволяет приобщить их к актуальным дискуссионным проблемам интеллигентоведения, пробудить интерес к научной работе. Примером может служить успешная защита кандидатской диссертации участницы спецкурса, выпускницы отделения культурологии философского факультета А. С. Емельяновой на тему «Социокультурный статус интеллигенции».

К сожалению, не удалось проследить дальнейшую судьбу всего этого выпуска культурологов, но нет сомнения, что и в практической работе, и в науке полученные знания окажут им существенную помощь.

В заключение хочется отметить, что данная тема специального или элективного курса, на наш взгляд, была бы полезна не только на гуманитарных факультетах, но и естественнонаучных, ибо университетский диплом должен быть свидетельством не только знаний и профессионализма, но и интеллигентности.

АННОТАЦИИ

Меметов В. С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии

В статье предпринят развернутый и подробный анализ существующих в современной литературе точек зрения по определению и содержанию понятия «интеллигенция», на основе широкого круга научной и публицистической литературы исследованы различные подходы к изучению феномена интеллигенции.

Кривопалова Н. Ю. Теоретические проблемы истории российской интеллигенции в современной отечественной историографии

В статье проводится содержательный анализ ряда дискуссионных проблем по теории и истории российской интеллигенции XVIII — начала XX вв. на основе современной отечественной историографии 1990-х — 2000-х гг. Рассматриваются вопросы определения понятия «интеллигенция», ее социальных функций и социального состава.

Кохановский А. Г., Яновский О. А. Самоопределение белорусской интеллигенции и эволюция ее национально-государственных идеалов: история, традиции и задачи историографии

На фоне историографического обзора авторы последовательно раскрывают этапы и специфические особенности формирования национального самосознания белорусской интеллигенции.

Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Интеллигенция бездонности: софийный маринизм В. А. Жуковского

В статье рассматриваются софиологические аспекты понимания философского поэтического текста применительно к творчеству В. А. Жуковского. Выделены три образа осмысления моря: психологический, космогонический и эсхатологический. С использованием большого количества привлеченной литературы раскрыты культурологический и

семиотический архетипы софийного маринизма. Основной парадигмой осмысления «феномена моря» является христианская картина мира.

Соколова Е. С. «Не честь, а почести любя...»: Размышления о социокультурном контексте сословного идеала А. С. Пушкина

Предпринято оригинальное исследование взглядов А. С. Пушкина на сословный строй, место и роль дворянства в российской действительности XIX столетия. Привлечен широкий круг опубликованных источников, включая публицистику А. С. Пушкина, его переписку с современниками, произведения других авторов того периода.

Дмитревская И. В. О ноосферности пьес А. П. Чехова

Автор работы предлагает оригинальное прочтение драматургии классика русской литературы. Теоретические положения не только иллюстрируются примерами из чеховского текста, но и выводятся из него, что содействует убедительности суждений ученого.

Беньямин В. Автор как производитель (Перевод Д. А. Смирнова)

Предлагаемый текст является переводом одной из работ известного немецкого мыслителя В. Беньямина. Автор перевода стремится передать основное содержание оригинального текста, имеющего актуальное значение для современной эстетики и философии.

Кныш Г. Н. Дореволюционные российские университеты в историографическом процессе

Статья представляет собой рецензию на монографию С. И. Посохова «Образы университетов Российской империи второй половины XIX — начала XX в. в публицистике и историографии», выпущенную Харьковским университетом в 2006 г. на украинском языке. Г. Н. Кныш дает квалифицированный обзор интеллигентоведческих штудий автора монографии, выявляя специфику авторского анализа.

SUMMARIES

Memetov V. S. Towards some methodological approaches to the study of a notion “intelligentsia” in Russian historiography

The detailed and particular analysis of the opinions presented in modern literature about the determination and the content of the notion “intelligentsia” is undertaken. Different approaches to the study of the intelligentsia phenomenon are investigated on the base of a wide range of scientific and journalistic studies.

Krivopalova N. Y. Theoretical aspects of the history of the Russian intelligentsia in modern domestic historiography

A number of debatable questions about the theory and history of the Russian intelligentsia in 18 — early 20 centuries are analyzed on the base of the modern domestic historiography of 1990—2000. The aspects of determination of the notion “intelligentsia”, its social functions and structure are considered.

Kohanovsky A. G., Yanovsky O. A. Self-determination of the Byelorussian intelligentsia and its nation-state ideals evolution: history, traditions and historiographic tasks

Against the background of historiographic review the authors logically disclose the stages and specific peculiarities of national self-consciousness of the Byelorussian intelligentsia formation.

Okeansky V. P., Okeanskaya Zh. L. The intelligentsia of the bottomlessness: Sophiology of the seascape depiction in Zhukovsky’s works

Sophiological aspects of philosophical poetical text understanding in respect to Zhukovsky’s works are considered in the article. Three ways of sea comprehension are noticed: psychological, cosmogonical and eschatological. Culturological and semiotical archetypes of sophiological seascape depiction are disclosed with the help of a wide range of literature involved. The basic

paradigm of “the phenomenon of the sea” comprehension is the Christian world-view.

Sokolova E. S. Towards the sociocultural context of the Pushkin’s class ideal

The special research of Pushkin’s opinion towards the class order and the role of nobility in Russia of 19 century is undertaken. A wide range of published sources including Pushkin’s political essays, his correspondence with contemporaries and the works of other authors of that period are used.

Dmitrevskaya I. V. Noosphere as the central trend in Chekhov’s plays

The author suggests the original interpretation of the Russian literature classic’s dramatic works. Theoretical propositions are not only illustrated with the examples from the Chekhov’s text, but are also derived from it, and it strengthens the convincingness of the scientist’s judgments.

Benjamin W. Author as a producer (Translated by D. A. Smirnov)

Russian translation of the work of a well-known thinker Walter Benjamin. The translator tried to convey the content of the source text, which is of a big importance for the modern aesthetics and philosophy.

Knish G. N. Prerevolutionary Russian universities in the field of historiography

The article is the monography review. The analyzed monography is entitled “The images of the Russian Empire universities of the second half of 19 — early 20 centuries in social and political essays and historiography” published in the University of Kharkiv in 2006 in Ukrainian. Knish suggests the expert review of the studies devoted to intellectuals, and reveals the specificity of the author’s analysis.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. Сейчас готовятся документы для его ваковской аккредитации. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим *актуальным проблемам* современной науки:

➤ *Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;*

➤ *Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;*

➤ *Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;*

➤ *Интеллигенция и общество в современных условиях;*

➤ *Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;*

➤ *Международные отношения и личность;*

➤ *Роль религии в развитии мировой культуры;*

➤ *Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;*

➤ *Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;*

➤ *Из архивных фондов: публикация исторических источников.*

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются рукописи *в электронном виде* на дискете стандартного формата с приложением 2 экземпляров распечатки на белой бумаге (**обязательно**).

2. Максимальный размер статьи – 1,0 авт. л. (20 страниц машинописного текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке или компьютерного набора, выполненного в редакторе *Microsoft Word XP* (или другой более ранней версии – формат: *.doc или *.rtf); шрифт Times New Roman, кегль 14 или Times New Roman Cyr, кегль 13 через полтора интервала), сообщения – 0,5 авт. л. (10 страниц).

3. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: инициалы, фамилия автора, название материала, текст статьи (сообщения).

4. Текст должен удовлетворять следующим требованиям: абзац – 1 см; отступы со всех сторон – 2 см; между инициалами и фамилиями, годом и сокращением «г.» ставится неразрывный пробел (клавиши: Ctrl + Shift + «пробел»); тире набирать при помощи клавиш: Ctrl + минус в дополнительном цифровом блоке.

5. Библиографические ссылки (**автоматические**) даются в конце статьи, нумерация ссылок сплошная. Библиографическое описание выполняется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

6. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки – четкими.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество полностью, место работы (**полное название учреждения и кафедры**). Материал должен быть подписан всеми авторами.

9. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

10. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

2008 № 2

Подписано в печать 10.06.2008 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 35-63-81 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 37-52-44, 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru